АНАТОЛИЙ АЛЕКСИН — ГОВОРИТ СЕДЬМОЙ ЭТАЖ

АНАТОЛИЙ
Алексин

ГОВОРИТ СЕДЬМОЙ ЭТАЖ

ДЕТГИЗ · 1959

АНАТОЛИЙ АЛЕКСИН

Говорит седьмой этаж

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва 1959

Наш юный друг!

В этой книге ты прочитаешь три повести писателя Анатолия Георгиевича Алексина: «Тридцать один день», «Говорит седьмой этаж», «Саша и Шура».

Ты узнаешь о том, как ребята из одного пионерского лагеря разгадали историю таинственной надписи, обнаруженной ими на стене старого, полуразрушенного дома; ты узнаешь о том, что такое «БОДОПИШ» и что устроили пионеры, члены этого самого «БОДОПИШа», на «седьмом этаже» дома, в котором было всего... шесть этажей; ты узнаешь и о том, в какую смешную историю попал московский школьник Саша Петров, приехавший на лето к дедушке, в маленький городок Белогорск...

Какую именно надпись обнаружили ребята на стене старого дома, что произошло на «седьмом этаже» и в какую именно комичную историю попал Саша Петров — об этом мы сейчас не расскажем, потому что тебе неинтересно будет тогда читать книгу. А мы хотим, чтобы ты прочитал ее с удовольствигм. И еще мы хотим, чтобы, читая ее, ты весело посмеялся: ведь в книге этой много смешных, юмористических глав.

И давай договоримся, наш юный друг: прочитав эту книгу писателя Анатолия Алексина, ты напишешь нам письмо, в котором выскажешь свое мнение о ней.

Пиши по адресу: Москва, Д-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

ТРИДЦАТЬ ОДИН ДЕНЬ

Дневник пионера Саши Василькова

15 июля 1945 года

Вчера, за день до отъезда в лагерь, я поссорился с Галкой. Галка — это моя сестра. Она презирает меня, потому что ей уже шестнадцать лет, а мне только тринадцать; она в девятом классе, а я только в шестом; она отличница, а я нет...

Галка говорит, что у меня нет силы воли и что я ни одного дела не могу довести до конца. Я знаю, почему она так думает. Потому что я никогда не решаю до конца арифметические примеры, которые задает на дом Варвара Федоровна. Но Галка не понимает, что я делаю это нарочно. Варвара Федоровна вызывает учеников по алфавиту, а моя фамилия в журнале — третья. Я и решаю всегда три примера, а иногда даже

больше (на всякий случай). Но сестра этого не понимает и говорит, что у меня нет силы воли.

Я долго терпел. Но вчера я наконец возмутился.

— Дай какое-нибудь настоящее дело — и я докажу тебе, что у меня стальная воля и что я все умею доводить до конца! — крикнул я сестре.

Тогда Галка вынула из портфеля толстую тетрадь в красном клеенчатом переплете и протянула ее мне. Я даже опешил: такие тетради называются «общими». Я их видел только у старшеклассников.

— Галочка, это мне? — спросил я тихо.

— Да, я дарю тебе эту тетрадь. Но с одним условием...

Я схватил тетрадку и хотел бежать в соседнюю квартиру — показать Витьке, но сестра остановила меня:

— Я же сказала, что дарю тетрадь с условием.

— С каким?

— А вот с каким! Завтра ты едешь в пионерский лагерь, на Черное море...

— Ну и что же?

— Не перебивай меня, это невежливо! — сказала Галка. (Это она у мамы научилась так говорить.) — В лагере будет много интересного. И обо всем самом интересном ты будешь каждый день писать в этой тетрадке. Так ты составишь дневник. Сделать это нелегко. Но, если ты все-таки сделаешь, и я, и мама, и даже папа — все мы поверим, что у тебя есть воля. Ты просил настоящего дела? Вот это оно и есть.

У меня даже руки опустились. Галка всегда умеет испортить самые лучшие минуты. Ну почему бы ей не подарить тетрадку просто так, без всяких условий?

Но делать было нечего. Речь шла о моей чести, и я согласился, хоть это, конечно, девчачье занятие — вести дневник. Буду каждый день писать не меньше страницы. Я докажу Галке, что у меня стальная воля и я, если надо, могу выдержать любые неприятности!

И вот сейчас я лежу на верхней полке вагона и пи-

шу свой дневник. Остальные ребята смотрят в окна. И мне хочется смотреть, но я не могу. Ничего не поделаешь!

У окна стоит мой новый товарищ — Андрей. Я его заметил еще утром, когда все ребята, уезжающие в лагерь, собрались возле клуба большого завода, на котором работает мой отец. Всех пришли провожать мамы, папы, бабушки. Только Андрей пришел один, с небольшим узелком. Он посмотрел по сторонам и сказал:

— Подумаешь, устроили прощание! Как будто мы уезжаем на фронт или на Северный полюс.

Андрей мне сразу понравился.

А потом выступал один начальник с завода. Он заявил, что нас посылают так далеко, к Черному морю, потому, что мы «недостаточно физически крепкие». У Андрея лицо стало красным от возмущения, и он сказал, ни к кому не обращаясь:

— Глупости какие! Откуда он взял, что мы недостаточно крепкие?

Андрей сел в голубой автобус, не дожидаясь остальных, — не захотел больше слушать начальника.

Меня провожала Галка, хоть я ее и не просил. Галка нарочно громко, чтобы все слышали, сказала:

— Не выходи на станциях, а то еще отстанешь от поезда. И не высовывайся в окно...

Она всегда позорит меня, как будто я «маменькин сынок». Я оглянулся по сторонам, но Андрея, к счастью, не было: он сидел в автобусе и не слышал Галкиных слов.

Автобусы мчались по широким мостовым. И солнце ехало с нами вместе: даже глазам больно было от его лучей. Мимо проносились высокие дома; они были отделены от мостовой деревьями. Мы ехали так быстро, что деревья за окнами сливались в одну зеленую стену...

Прохожие улыбались нам. Улыбались все: и пешеходы, и шоферы, и даже строгие постовые милицione-

ры. Казалось, все знали, что мы едем далеко, на юг, и все желали нам доброго пути.

В вагоне я лег на верхнюю полку и очень обрадовался, когда увидел на нижней полке, под собой, Андрея. На другой нижней полке лежал мальчишка, которого я раньше не заметил. У него на носу были большие очки. Мне даже показалось, что это очки для взрослых. Мальчишка лег и сразу стал читать книгу. Я заглянул и вижу — стихи. Вот странно: читает стихи! Я не люблю стихов. Другое дело романы: Жюль Верн, Майн Рид! Или еще лучше — Николай Островский, «Молодая гвардия»! А стихи я читаю, только когда в школе заставляют.

Мальчишку с нижней полки звали Колей, но мы с Андреем тут же прозвали его «Профессором» — уж очень у него был серьезный вид.

Вскоре пришел еще один сосед и стал раскладывать вещи на верхней полке, напротив меня. Он был в кожаной куртке какого-то очень аппетитного шоколадного цвета. На куртке было много «молний» — и длинных и коротких, похожих на блестящих змеек. Этого мальчишку я тоже заметил у завода. Его провожали сразу три женщины: одна старая — наверное, бабушка; другая помоложе — наверное, мама, и третья еще помоложе — должно быть, сестра. Они долго целовали его перед отъездом — мне даже противно стало.

Нового соседа тоже звали Андреем. Как же нам быть? Сначала мы решили Андрея с верхней полки звать Андреем Первым, а с нижней — Андреем Вторым. Но Андрей с нижней полки рассердился:

— Что я, царь или король какой-нибудь? Так только царей звали — Андрей Второй!

Тогда мы стали называть его Андреем Нижним, а другого — Андреем Верхним. Это было очень длинно. Но вечером выход был найден.

Андрей Нижний насмешливо спросил Андрея Верхнего:

— Что это тебя целая делегация провожала?

Андрей Верхний ответил:

— Это мама, бабушка и сестра. Я у них один мужчина в доме.

— У тебя что же, нет отца?

— Есть, — ответил Андрей Верхний, — но он редко бывает в Москве: он капитан и все время плавает в Черном море.

И потом, как будто невзначай, он добавил:

— У меня папа Герой Советского Союза.

Даже Профессор перестал читать стихи и поправил очки на носу, чтобы получше рассмотреть сына Героя Советского Союза.

А вечером Андрей Верхний хотел залезть к себе на верхнюю полку, но никак не мог подтянуться на руках. Андрей Нижний подтолкнул его плечом и помог вскарабкаться, а потом сказал:

— Где же твои мускулы? Эх, ты!.. А еще капитан!

С этой минуты все мы стали называть Андрея Верхнего «Капитаном», а Андрея Нижнего — просто Андреем.

Стемнело. Зажгли настольную лампу. Она была накрыта зеленым абажуром. Когда мы прошлым летом жили на даче, я любил ходить на станцию, особенно вечером, и смотреть, как мимо платформы проносятся дальние поезда, как пролетают белые таблички на вагонах, а в окнах мелькают зеленые лампы. И когда сегодня днем увидел в нашем вагоне зеленую лампу, то окончательно поверил в свое счастье: я еду далеко, к Черному морю!

Капитан улегся на верхнюю полку, и мы еще не успели попросить его, а уж он сам начал рассказывать про своего папу и про папины подвиги. Сначала все мы слушали с интересом. Кожанку свою он не снял, и она все время поскрипывала да похрустывала. А поезд все стучал: тук-тук, тук-тук, тук-тук... И голос Капитана становился все тише, а потом и совсем пропал: Капитан заснул. Андрей и Профессор тоже мол-

чали. Тогда я тихонько достал толстую тетрадку и начал дописывать то, что не успел написать днем. Вагон дрожал, карандаш прыгал в руке, писать было неудобно.

В открытое окно врывался ветерок. И вот интересно: запах ветерка все время менялся. То он был сосновым, то речным, а то таким дымным, что хотелось чихать.

Снизу раздался голос Андрея:

— Саша, что это ты все время пишешь? И днем писал и сейчас. У тебя переэкзаменовка, что ли?

Голос раздался так неожиданно, что я не успел ничего придумать и сказал правду:

— Пишу дневник.

— Дневники пишут только великие люди. А тебе писать незачем.

Он, конечно, прав.

16 июля

Когда едешь в поезде, лучше не ложиться на полку, а стоять у окна или ходить по вагону: если ляжешь, то обязательно уснешь. Сегодня днем я лег всего на несколько минут и сам не заметил, как у меня закрылись глаза. Стучали колеса, а мне снилось, что папа взял меня к себе на завод, в свой цех, и там со всех сторон стучали станки.

Проснулся я от толчка в плечо. Я открыл глаза и увидел перед своим носом красное, взволнованное лицо Андрея. Он стоял обеими ногами на нижней полке, на которой с книгой в руках лежал Профессор. Колеса не стучали, не было и прохладного ветерка — значит, станция.

— Сашка, вставай! Скорее! — шептал Андрей.

— Что случилось?

— На станции такую вещь продают! Я через окно увидел. Такую вещь!

— Какую?

— Щенка! Ты понимаешь, щенка... овчарку.

— Щенок — это не вещь, а животное, — скучным голосом сказал снизу Профессор.

— Ну и пусть животное! Но зато какое животное!.. Сашка, мы с тобой обязательно должны купить эту овчарку. Будем ее воспитывать в лагере. А потом привезем в Москву и отдадим пограничникам.

— В Москве нет пограничников, — возразил Капитан.

— Во-первых, в Москве работают самые главные начальники всех пограничников. Они перешлют собаку куда надо. А потом, на Черном море тоже есть пограничники, только морские, — быстро шептал Андрей, все больше краснея от волнения.

Капитан лениво сказал со своей полки:

— Морским пограничникам совсем не нужны собаки. У меня папа — морской пограничник. Вот еще выдумал — собаку брать в поезд! Она спать не даст.

Но Андрей не обратил никакого внимания на Капитана и спросил меня:

— Сашка, у тебя деньги есть?

Я засунул руку в карман куртки и нащупал там небольшой сверток: мама дала мне на дорогу, на всякий случай, сто пятьдесят рублей. У меня еще никогда не было такой большой суммы. Я сказал Андрею, сколько у меня денег.

Он радостно зашептал:

— Вот здорово! Давай пятьдесят рублей. У меня тоже есть пятьдесят. А пятьдесят уже дал Профессор.

У Капитана Андрей почему-то не решился попросить денег. Мы не знали, сколько стоит щенок, но решили, что ста пятидесяти рублей хватит.

Можно было бы сразу бежать на станцию, но возникло одно препятствие. Оказалось, что на этой станции поезд стоит всего пятнадцать минут и ребят не выпускают из вагонов. С одной стороны вагона дверь на площадку была заперта, а с другой стороны стояла вожатая нашего отряда Катя. Она никого не пускала.

Сначала я не совсем понимал, зачем Андрею соба-

ка. Но, когда на пути к щенку оказалось столько препятствий, я понял, что собаку нужно купить обязательно, что даже глупо ехать в лагерь без собаки.

И тут мне пришла в голову блестящая мысль.

— Профессор, — крикнул я, — вставай! Беги к Кате!

Профессор выронил книгу и вскочил на ноги.

— Скажи Кате, что занозил руку! Она вчера говорила, что у нее есть аптечка и чтобы мы в случае чего к ней обращались. Ну вот и беги за помощью! Катя пойдет вытаскивать тебе занозу, а мы...

— Обманывать как-то нехорошо... — нерешительно сказал Профессор.

— Смотря когда. Для такого дела можно и обмануть. Скорей!

Тут уж Профессор ничего не мог возразить и только поправил очки на носу. Он пошел на площадку, а мы двинулись за ним. Когда дверь за Профессором захлопнулась, мы прильнули к замочной скважине и стали слушать. Профессор говорил так правдоподобно, что мы и сами чуть не поверили, будто он всадил себе в руку огромную занозу и ему очень больно.

Ручка двери повернулась. Андрей толкнул меня, и мы оказались в маленьком отделении проводника нашего вагона. Не успели мы прийти в себя, как мимо нас по коридору прошла Катя. За ней с унылым лицом тащился Профессор. Он почему-то прихрамывал, хотя заноза, по его словам, сидела у него в руке.

Как только опасность миновала, мы бросились на площадку, соскользнули со ступенек вагона и спрыгнули на землю. Я упал и больно ушиб коленку. Платформы здесь не было, мы прыгали прямо на землю, а это было очень высоко.

У вагона стоял проводник. Он закричал: «Вы куда? Куда, пострелы!» — и чуть не схватил меня за шиворот. Но я увернулся, вскочил и помчался за Андреем. Около вагонов гуляли пассажиры; мы натыкались на них, падали и бежали дальше.

— Уже близко! — задыхаясь, крикнул Андрей.— Вон там, видишь?

— Ага, — ответил я, хоть на самом деле даже не знал, куда надо смотреть.

Мы уже подбегали к паровозу, как вдруг увидели, что прямо на нас едет тележка с какими-то ящиками. Андрей бросился в сторону и чуть не сбил с ног высокого человека в сером костюме. Человек обернулся — и у меня от страха затряслись ноги: перед нами стоял старший вожатый лагеря Сергей Сергеич. «Ну, все кончено! — подумал я. — Сейчас нас отправят домой».

В эту минуту мне показалось, что на свете нет ничего страшнее нашего поступка. Но тут я услышал совершенно спокойный голос Сергея Сергеича:

— Куда это вы, ребята?

— Мы, мы... — пролепетал я.

— Мы хотели купить щенка, овчарку! — преспокойно ответил Андрей.

Я посмотрел на Андрея, он показался мне героем.

— Но ведь через десять минут отходит поезд. Почему вас пустили? Вы спросили разрешения у Кати?

Тут и Андрей немного растерялся.

— Нет, мы сами... — опустив голову, ответил он.

— А вы подумали, что Катя отвечает за каждого из вас? Как же это вы подводите своего старшего товарища?

Мы молчали. Наконец Андрей уже совсем тихо сказал:

— Мы очень хотели купить и воспитать овчарку. Не для себя... мы хотели для пограничников. Разрешите нам добежать до рынка. Мы в одну минуту...

Сергей Сергеич улыбнулся.

— Нет, не разрешу, — сказал он. — Но в лагере у вас будет собака. Возвращайтесь в вагон. Сами возвращайтесь, а я куплю газету и тоже приду.

— Мы, честное слово, вернемся, сами вернемся... честное слово, — зачем-то пообещал я.

— Верю, верю, — сказал Сергей Сергеич и, повернувшись, быстро пошел к киоску, где продавали газеты. Он ни разу не обернулся в нашу сторону.

— Андрей, давай добежим и купим все-таки... Давай, а? — предложил я. — Ведь он не смотрит.

— А зачем честное слово давал? Зачем? Тебя ведь

никто не просил. Нет, теперь уж нельзя... Пойдем обратно.

Андрей махнул рукой, и мы пошли к своему вагону.

— Андрей, как ты думаешь, он сдержит свое слово — достанет собаку?

— Какая уж там собака! — ответил Андрей и тяжело вздохнул.

...Вскоре поезд тронулся. Андрей залез ко мне на верхнюю полку, и мы долго лежали вместе: вдвоем легче переживать горе.

Еще в Москве нас разбили на отряды, в каждом примерно по тридцать человек. Младшие, «смешанные» отряды и старшие девочки уехали на день рань-

ше нас. Третий отряд мальчишек ехал со своей вожатой в соседнем вагоне.

А вот нашему, первому, отряду не повезло. В нашем вагоне едут и старший вожатый Сергей Сергеич и просто вожатая Катя. Хорошо еще, что нет «младших вожатых», а то бы и они, наверное, ехали в нашем вагоне. Мы еще не доехали до лагеря, а нас уже заставляют полтора часа спать днем. Из вагонов выпускают только на больших станциях, и то ненадолго. Даже собаку не дали купить. Ну буквально издеваются!..

Мы с Андреем обсуждали наше трудное положение.

Андрей говорил недовольным голосом:

— Ты слышал, что сказал Сергей Сергеич: «Ваша главная задача — хорошо отдохнуть!» Смешно даже! Разве у нас такие должны быть задачи? Вот бы нам вожатого-фронтовика! Уж он бы знал, что нам нужно! А эти хотят сделать из нас барчуков. Нет, я так жить не смогу. С этим надо бороться!

И Андрей так резко повернулся на полке, что чуть не слетел вниз.

А потом Капитан снова рассказывал о подвигах своего папы. Мне кажется, он кое-что привирает.

17 июля

Сегодня в наш вагон пробралась Зинка. Она не смогла уехать с отрядом девчонок и ехала вместе с нами, в соседнем вагоне. Зинка говорит, что отстала от своего отряда, потому что была больна.

Но Андрей хорошо знает Зинку (они живут в одном дворе), и он считает, что она нарочно поехала с нами. Андрей говорит, что Зинка сильная и смелая. Во дворе ее даже мальчишки боятся, хоть она никогда не дерется. Она умеет делать стойку на руках и классно работает на турнике.

— Зинка — мой друг! — сказал Андрей.

Я видел Зинку первый раз, но уже смотрел на нее с уважением: не так-то легко стать другом Андрея.

Но дело не в этом. Дело в том, что Зинка пришла с важной новостью. Она разбудила нас, с презрением посмотрела на наши заспанные физиономии и насмешливо сказала:

— Всё на свете проспите! Валяетесь как ни в чем не бывало!

— А что в поезде делать? — спросил Андрей.

— Что делать? А вы не знаете, что мы, между прочим, к Сталинграду подъезжаем? — торжественно объявила она. — Скоро на юг будут другим путем ездить, более коротким, как до войны. А нам повезло: через Сталинград едем!

Мы так и ахнули: поезд подходит к Сталинграду!

— Что же ты раньше не сказала! Пришла — и молчит! — набросился на Зинку Андрей.

— Да я из-за этого и пришла. Тайком, на ходу, из вагона в вагон перебегала.

— Что же делать, ребята, а? — раздался снизу голос Профессора. Он начал поправлять очки на носу: значит, тоже разволновался.

— Если проеду мимо Сталинграда и не увижу его, я всю жизнь мучиться буду! — сказал Андрей.

— Так вас и пустили! Ни за что на свете не пустят. Надо удрать!

— Опять удрать?.. — нерешительно сказал я. — Жалко Катю подводить, она ведь за каждого из нас отвечает...

Зинка поправила свою косичку и ядовито сказала:

— Ну и выбирайте между своей мелкой жалостью и Сталинградом!

Вопрос был поставлен так, что нам оставалось только согласиться. Послышался голос Сергея Сергеича. Зинка быстро забралась на мое место, на верхнюю полку, завернулась с головой в одеяло и так здорово спряталась, что Сергей Сергеич ничего не заметил. Он сказал нам, что поезд в Сталинграде будет стоять сорок пять минут. Сначала всех выпустят погу-

лять минут на пятнадцать, а потом в вагон придет из агитпункта участник сражений за Сталинград и расскажет о боях в городе.

Как только Сергей Сергеич ушел, из одеяла донесся голос Зинки:

— Ага! А я вам что говорила! Пусть другие прогуливаются возле вагонов... А мы город посмотрим!

...Когда поезд остановился, мы вместе со всеми ребятами вышли на платформу. Между нашим поездом и вокзалом стоял товарный состав. Мы долго выбирали момент и, когда наконец Сергей Сергеич о чем-то заговорился с Катей, вскочили на площадку товарного вагона, потом спрыгнули с другой стороны и побежали к воротам. Нас было пятеро: Зинка, Андрей, Профессор, Капитан и я.

От вокзала уцелела только одна стена. Мы прошли через ворота, с правой стороны. Вообще-то я умею держать себя в руках. Когда я выхожу к доске, учительница литературы даже удивляется моему спокойствию: «Васильков, подтянись, ты не на прогулку отправился!»

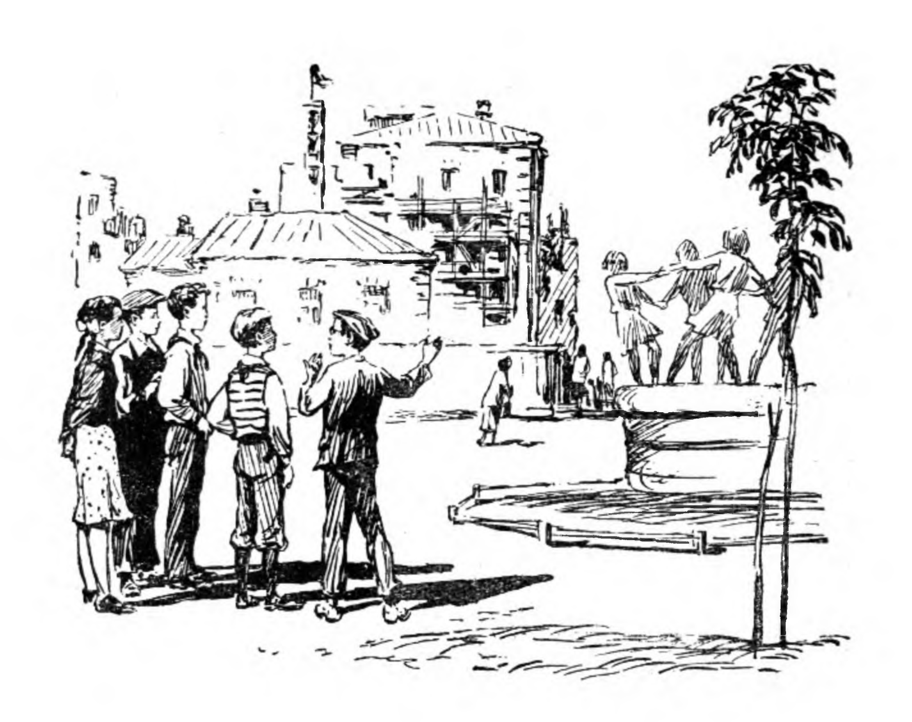
Вот как бесстрашно иду я навстречу опасностям!..

Но, когда мы входили в город, я так сильно волновался, что даже вспотел. Вот он, самый смелый город на свете!

Сперва я все время глядел себе под ноги. «Вот по этим самым камням, — думал я, — бежали в атаку наши бойцы или, может быть, полз какой-нибудь герой-разведчик. А вот на этой площади шли бои. Наверное, здесь проходил Родимцев или Чуйков...» Я очень много читал о Сталинграде и знаю фамилии всех генералов, которые командовали там.

Мы шли молча. Никому не хотелось разговаривать. Посреди большой площади мы увидели фонтан. Вокруг него стояли скульптуры ребят-пионеров; они кружились, взявшись за руки.

— Ребята! — воскликнул Профессор. — Я эту скульптуру видел в кино, в картине, где показывали



оборону Сталинграда. Значит, она уцелела... Вот здóрово!

Здания были в лесах. Со всех сторон стучали молотки, визжали пилы. Мимо проезжали грузовики с кирпичами и досками. Когда мы смотрели в окна некоторых домов, то видели небо. А от одного дома осталась только стена. Она была вся в ямках от пуль, и где-то высоко-высоко — кажется, на шестом этаже — болталась рама от картины. Так, наверное, и провисела всю войну...

Капитан сказал:

— Знаете, ребята, а лучше бы Сталинград не восстанавливали. Пусть бы он стоял как памятник победе таким, каким был в сорок третьем году.

— Вот еще! — набросился на него Андрей. — Обязательно надо восстановить! Фашисты хотели уничтожить его — так пусть он будет еще лучше, чем был! Мы отстояли Сталинград, мы его и отстроим.

— «Мы-ы»! — фыркнул Капитан.

— Да, мы! У меня брат в Сталинграде погиб! — крикнула Зинка.

— А у меня здесь отец врачом в медсанбате служил, — сказал Профессор.

У всех, кроме меня, нашлись близкие и родные, которые воевали в Сталинграде. Капитан сказал, что его отец тоже в это самое время плавал по Волге. Странно! Раньше он говорил, что его отец в это время воевал на Черном море...

Мы хотели еще походить по улицам, но Андрей сказал, что нам пора возвращаться. Он взял у Капитана самопишущую ручку (эту ручку Капитану подарил отец) и написал на одном из заборов: «Московские пионеры Зина Валькова, Саша Васильков, Коля Ермаков (по прозвищу Профессор), Андрей Горин (по прозвищу Капитан) и Андрей Глебов были в Сталинграде 17 июля 1945 года».

Свое имя Андрей написал последним. Я еще вчера заметил: Андрей очень скромный.

...Мы быстро дошли до вокзала. Товарного поезда уже не было. Мы разыскали свой вагон, простились с Зинкой и незаметно пробрались к себе.

Все ребята собрались в коридоре, и молодой, но совсем седой человек в гимнастерке с золотой звездочкой на груди рассказывал о боях за Сталинград.

— У моего папы такая же звездочка, — сказал Капитан.

— При чем тут твой папа! — вдруг обозлился Андрей.

Капитан надулся и отошел в сторону.

А седой человек рассказывал про осажденные дома. Дома здесь были как настоящие крепости: фашисты их по целым месяцам осаждали. Он сам, вместе со своими товарищами, защищал один такой дом, а городские ребята приносили воду и пищу.

Потом все задавали вопросы.

Мы с Андреем старались задавать как можно

больше вопросов, чтобы Сергей Сергеич видел, что мы здесь. Нам казалось, что он не заметил нашего побега. Но он вдруг так пристально посмотрел на нас обоих, что мы замолчали и перестали задавать вопросы. Было ясно: он все знает.

Поезд тронулся. Ребята еще долго шумели в коридоре. А мы забрались на свои полки и молча ждали наказания. Мы были уверены, что на этот раз Сергей Сергеич нас не помилует.

А потом произошло самое неожиданное. Наш отряд разбивали на звенья. И вдруг Катя предложила выбрать вожатым нашего звена Андрея. Я не поверил своим ушам. А Сергей Сергеич, видя наши удивленные лица, сказал, что Андрей — очень инициативный пионер и сумеет хорошо руководить звеном. Андрея выбрали единогласно.

18 июля

От города Новороссийска мы часа три ехали в больших открытых автобусах. Новороссийск очень сильно разрушен. Но здесь, как и в Сталинграде, со всех сторон слышен стук, всюду строительные леса, кирпичи, цемент.

В Новороссийске я первый раз в жизни увидел море. Правда, я увидел не все море, а только кусочек, потому что автобус ехал быстро, а на берегу было очень много домов. Когда город остался позади, началась узкая шоссейная дорога. Она была прижата к высокой горе и обвивалась вокруг нее, как змея вокруг великана.

Дорога то поднималась вверх, то спускалась вниз. С другой стороны дороги был обрыв. Когда я посмотрел вниз, у меня даже чуть-чуть закружилась голова. Но я, конечно, и виду не показал. Ведь рядом со мной сидел Андрей. А Капитану — тому стало совсем плохо. Он сидел бледный-бледный — его тошнило. Я думал, что Андрей будет смеяться над ним. Но Андрей взял платок, намочил его холодной водой из фляги,

которая болталась у него на боку, и обвязал этим платком голову Капитану. Потом он посоветовал:

— Вниз не смотри. И дыши глубже.

Капитан начал бормотать, что ему уже совсем хорошо, но Андрей перебил его:

— Да не ври ты! Подумаешь, большая беда. Со мной тоже случалось...

Иногда мне казалось, что, если сейчас из-за поворота нам навстречу вылетит другая машина, мы обязательно столкнемся и разобьемся вдребезги. Но машины выскакивали и проносились мимо. Я не мог понять, как на такой узкой дороге разъезжаются два автомобиля. Но Катя сказала, что здесь шоферы совсем особенные, горные, мастера своего дела.

Потом мы проезжали большие деревни. Они называются станицами. Из-за оград выскакивали охрипшие собаки и с яростным лаем неслись за автобусами. Потом они отставали, останавливались и, мирно виляя хвостом, возвращались на свои дворы. Станичные ребята махали нам и что-то кричали, только мы не слышали, что именно...

Наконец мы увидели городок. Издали он был очень красивый. А когда подъехали ближе, то увидели, что он почти весь разрушен. Кое-где на стенах разбитых зданий сохранились надписи: «Хлеб», «Ресторан», «Промтоварный магазин»... Я читал о том, как фашисты разрушали города. Но, когда увидел все это своими собственными глазами, мне даже страшно стало.

Мы проехали весь город, завернули за угол — и вдруг увидели море. Тут уж оно все было перед нами, как будто кто-то распахнул огромную дверь. Море все сверкало... Мне казалось, что голубая вода налита в огромную чашу без краев.

Всю дорогу было очень жарко. А сейчас стало так свежо, так хорошо, что все ребята начали улыбаться и глубоко дышать. Воздух был какой-то особенный... В городе совсем не такой воздух.

Проехали мимо высокого дома с красивыми башнями. Дом стоял над самым морем. После городских развалин он показался мне настоящим дворцом.

— Интересно, кто живет в этом доме? — толкнул меня в бок Андрей.

— Раньше какой-нибудь помещик жил, — уверенно ответил я. А кто живет сейчас, я, конечно, знать не мог.

За поворотом показались два белых дома: одноэтажный и двухэтажный. Автобусы остановились около этих домов. Тут же была волейбольная площадка. Из дверей одного дома выбежали две девчонки и закричали:

— Приехали! Прие-е-ехали!

Вышел повар в белом колпаке. Он вытер лицо фартуком, но оно все равно было такое блестящее, как будто его маслом обмазали. Повар смотрел на нас сердито, словно хотел сказать: «Только вас тут и не хватало!..» А потом вышла женщина с круглым зеркалом на лбу, от которого по нашему автобусу сразу запрыгали зайчики. Из уха ее, по шее и по белому халату тянулась тонкая резиновая кишка.

— Ага! Сейчас первым делом к врачу потащат! — шепнул Андрей.

Но нас к врачу не потащили, а сперва распределили по комнатам. Комнаты чистые-чистые — даже на пол ступать страшно: боишься испачкать. В каждой комнате стоят пять кроватей и тумбочки. Белье, салфетки на тумбочках — и все, все белое, прямо сверкает. И стены тоже белые и пахнут мелом и морем.

Раньше в этих домах было общежитие какого-то техникума. А теперь техникума нет: он во время войны эвакуировался и не вернулся назад.

В одноэтажном доме живут девочки, а в двухэтажном — мальчишки. Наш, старший, отряд — на втором этаже. Андрей попросил, чтобы его, Профессора, Капитана и меня поселили в одной комнате. Катя разрешила. Просто удивительно!

Пятым к нам в комнату поместили Левку Козлова. Он привез с собой рубанок, напильник и еще какие-то инструменты. Левка всю дорогу что-то строгал, пилил. Еще в вагоне его прозвали «Мастером».

Из окон нашей комнаты была видна извилистая дорога. С обеих сторон ее окружали те самые тополя, которые в книжках называют «стройными». Дальше, за дорогой, было широкое кукурузное поле. А еще дальше поднимались горы. Я всегда думал, что горы наполовину темные и наполовину белые от снега. А тут они были почти все зеленые, как поле, и только макушка была белая, как будто на самом краю поля росло много-много одуванчиков.

Оказалось, что отряд девочек был на пляже. А нас встретили дежурные.

Нам дали полотенца, по куску мыла, и мы тоже пошли на пляж мыться. Мыло было какое-то странное, похожее на черную лепешку. Оказывается, то мыло, которое в магазинах продают, не мылится в морской воде.

Мы купались в море!

Я лег на песок, и теплые волны обдавали меня с ног до головы. Я нахлебался соленой воды и долго отплевывался.

— Тебе что, море не нравится? — спросил Профессор.

— Еще как нравится!

— А чего же ты плюешься?

— Это я от радости плююсь!

— Оригинально!.. — ответил Профессор и скрылся под водой.

И я тоже нырнул.

А потом все хохотали и брызгались.

Но не прошло и десяти минут, как раздались звуки горна. Катя приказала нам вылезать. Вот тебе и на́!

Катя подавала свои команды с берега, а мы делали вид, что не слышим и не понимаем, о чем она там

кричит. И я тоже приставлял ладонь к уху, а потом разводил руками: дескать, ничего не слышу!

Тогда Катя в своем полосатом купальном костюме и голубой резиновой шапочке сама бросилась в воду и в один миг доплыла до нас.

— Живо на берег! Не то на три дня лишу купанья! — сердито крикнула она.

Мы тут же перестали строить из себя дурачков и полезли на берег.

— Ага, сразу услышали! — усмехнулась Катя.

А Витька Панков дождался момента, когда огромная волна, всё заглушая, обрушилась на песок, и гордо произнес:

— А мы вас вовсе и не боимся! Не запугивайте, пожалуйста!

Но слышал его слова только я один, потому что стоял рядом, а Катя, конечно, ничего не слышала. И Витька это очень хорошо знал.

— В другое время можете барахтаться, а ведь сейчас устали с дороги, — сказала Катя.

Как будто она лучше нас знает, устали мы или нет!..

Мы попросили, чтобы после обеда нам разрешили погулять и осмотреть город, но нас заставили идти на «мертвый час». Его теперь называют «тихим часом». Но, мне кажется, название «мертвый час» больше подходит: умереть можно со скуки! Ложась в кровать, Андрей заявил, что с такими порядками нужно бороться. И мы будем бороться!

Я достал бумагу и решил написать письмо папе.

Мой папа не герой, как у Капитана, он даже вовсе не был на войне. У него всего одна медаль — «За доблестный труд». Такая медаль есть почти у всех взрослых. Мой папа — мастер в цехе. Конечно, мне бы хотелось, чтобы папа тоже был Героем Советского Союза. Но все равно он очень хороший. Я его сильно люблю и всегда с ним советуюсь. И вот сейчас я решил написать ему письмо.

Я терпеть не могу писать письма. На бумаге все не так получается, как на самом деле. Ведь часто бывает так: о чем много думаешь, о том не можешь написать. Вот как, например, я напишу, что уже немного соскучился по маме и папе? Галка прочтет — и начнет издеваться: «Ага, уже нюни распустил!» Вот и приходится писать всякую чепуху. А чем писать всякую чепуху, так уж лучше совсем ничего не писать. Вот я ничего и не пишу... Но сегодня я должен был посоветоваться с папой. Я рассказал ему, какие у нас порядки, что нас заставляют спать днем, рано ложиться вечером, что от поезда ни на шаг не отпускали, и еще многое другое. Я спросил у папы, прав ли Сергей Сергеич, когда говорит: «Ваша задача — хорошо отдохнуть!»

Я знаю, как папа ответит. Он всегда говорит, чтобы из меня не делали барчука. Я уверен, что папа будет на моей стороне. В конце письма я просил поцеловать маму, передать привет Галке и сказать ей, что у меня есть воля и что она это очень скоро узнает.

19 июля

Через три дня, 22 июля, будет торжественное открытие лагеря. Открытие хотели назначить на воскресенье, но в городе на этот день объявлен воскресник, а к нам должны приехать гости из города. Вот и пришлось перенести наш праздник. Ну, и очень хорошо: лучше подготовимся!

Дел сегодня всем хватает. Сергей Сергеич даже объявил соревнование между отрядами и звеньями на лучшую подготовку к открытию лагеря.

— Мы должны всех перешибить! — предупредил Андрей.

Меня выбрали редактором отрядной стенгазеты. Я должен выпустить ее за два дня. Но я решил выполнить задание досрочно и выпустить газету сегодня вечером. Пусть это будет самая первая стенгазета в нашем лагере! Представляю, как удивится Андрей...

Андрей весь день тренируется на спортивной пло-

щадке под руководством физкультурника Петра Николаевича. Этот Петр Николаевич уже из Москвы приехал таким загоревшим, что черней его, наверное, и в Крыму никого нет. Как это он смог так здорово загореть в Москве? Андрей тренируется вместе с Зинкой. На открытии лагеря оба они будут выступать со спортивными номерами.

Сегодня я сам торопился поскорей уйти с пляжа: времени мало, а работы пропасть! Я ведь должен не только выпустить стенгазету — я еще участвую в постановке пьесы. Роль у меня не самая главная, но очень ответственная. Я не должен говорить ни одного слова, а просто выйти на сцену в форме советского солдата и передать донесение генералу. Сначала мне предложили другую роль, со словами на целые две страницы, но я должен был изображать пленного гитлеровского офицера. На это я, конечно, не согласился. Уж лучше молчать в форме советского бойца, чем разговаривать в форме фашиста.

С утра мы сидим над большим листом белой бумаги: делаем стенгазету. Мы — это я, Левка-Мастер и Капитан.

Сергей Сергеич подошел к нам и посоветовал:

— А вы опишите свой поход в Сталинград, путешественники! Всем ребятам будет интересно почитать о Сталинграде.

«Ага! Значит, он уже совсем не сердится на нас, — подумал я. — Небось даже жалеет, что не удрал вместе с нами». Хотя ему удирать незачем. Он ведь может просто пойти всюду, куда захочет. Да, хорошо быть взрослым! Интересно, когда я тоже смогу ходить куда захочу? Года через три, наверное. Хотя нашей Галке уже шестнадцать лет, а она по всякому пустяку спрашивает у мамы разрешения. Уж я-то не стану спрашивать! Впрочем, все это не имеет никакого отношения к стенгазете.

Нам нужно было написать о Сталинграде. Я поручил это дело Капитану.

— Только ты с чувством напиши, — предупредил я. — Всё опиши: и как мы волновались и как свои фамилии на доске написали...

— Будь спокоен! — ответил Капитан.

Эх, жалко, что я прямо там, в Сталинграде, ничего не записал! А разве сейчас передашь, какое у нас было тогда настроение!

Потом пришла Катя. Она посоветовала поместить в стенгазете какое-нибудь стихотворение. Откуда же его взять? Но вдруг я вспомнил, что Профессор в поезде целыми днями читал стихи. «Наверное, он и сам сочиняет», — решил я и тут же побежал искать Профессора. Я нашел его в беседке за домом. Расхаживая взад и вперед, он повторял:

Ненавижу
всяческую мертвечину!
Обожаю
всяческую жизнь!..

Я не очень-то разбираюсь в стихах, но сразу догадался, что это Маяковский. Сначала Профессор про-

бовал отказаться от моего предложения. Но я сказал, что стенгазету невозможно вывесить без стихов, что Андрей приказал ему написать стихи. И тогда он согласился.

Я дал ему час сроку. Но Профессор заявил, что этого мало и что Пушкин писал «Евгения Онегина» больше семи лет. Тогда я дал ему еще полчаса и ушел.

Скоро Профессор принес стихотворение.

Сперва я просто запрыгал от восторга: стихотворение было прямо как в настоящей книжке. Профессор написал о звездах, луне и всяких печальных мыслях. Последняя строчка была такая: «И звезды грустно смотрят на меня...»

— Ты — гений! — сказал я Профессору.

Он ничего не возразил мне.

Но, когда мы показали эти стихи Андрею, произошло что-то совершенно неожиданное. Андрей сморщился, как будто у него заболел зуб:

— Это какой-то похоронный марш, а не стихи! Ночь... Звезды... Мы уж спим давно, когда они светят.

Мне стало жалко Профессора, и я посоветовал:

— Ты вот Маяковского читал: «Ненавижу всяческую мертвечину...» Ну и напиши что-нибудь вроде этого!..

Через час Профессор, запыхавшись, прибежал с новым стихотворением. Оно было посвящено нашему приезду в лагерь и кончалось так:

Здравствуй, солнце золотое!
Здравствуй, быстрая волна!
Все кипит, кипит прибоем!
И в сердцах у нас — весна!

После каждой строчки стоял восклицательный знак. Это было очень здорово!

— Вот это да! — закричал я. — Теперь ты действительно гений!..

Как редактор, я спросил только, почему в третьей строчке два раза повторяется слово «кипит». Но Про-

фессор сказал, что иначе не получается размер. Ну, ему виднее. Да потом — так даже крепче!

Мы поместили стихи на первом месте. Затем переписали рассказ о нашем путешествии по Сталинграду и сочинили еще две заметки. В одной из них мы написали про пионера Вано Гуридзе, который в первый же день проспал линейку.

В другой заметке мы высмеивали Капитана. Дело в том, что Капитан еще в поезде говорил, будто может три раза переплыть Москву-реку. Но в лагере мы в первый же день заметили, что он очень неохотно идет в воду.

Капитан одной ногой ходил по дну, а другой бил по воде: делал вид, что плавает. И руками он тоже поднимал такие брызги, что рядом стоять было невозможно.

«А ты зайди подальше! Ты поглубже зайди! — кричали ему с берега. — Там уж ноги не хватит — другую подпорочку поискать придется! Может, тебе шест принести? Или ходулю?..»

Обо всем этом мы и написали в стенгазете. Целые полстолбца написали!

На гóре Капитана, внизу осталось немного места, и тогда мы решили сделать иллюстрацию к заметке. Мастер изобразил воду, на ней — топор, а внизу подписал: «Как топор на воде». А заметку назвали так: «Капитан сухопутного плавания». Ничего, пусть отучится врать!

Но Капитан не на шутку обиделся. Он сказал, что выходит из редколлегии.

— Ты не имеешь права, ведь тебя ребята выбрали! — возмутился я.

— А ты не имеешь права меня высмеивать! Не помещай заметку, тогда останусь, — ответил Капитан.

Дудки! Пусть уходит, справимся и без него. Надо будет сегодня же обсудить это дело с Андреем.

Мы так увлеклись стенгазетой, что вскоре забыли про ссору с Капитаном.

Все заметки были переписаны. Теперь дело было только за художником, то есть за Мастером. Левка действительно оказался мастером на все руки. Он здорово разукрасил газету. Заголовок газеты был написан на фоне моря и солнечных лучей. Тут же был изображен пионер со знаменем. Мне показалось, что он похож на Андрея. Мастер нарисовал еще три карикатуры и написал заголовки к заметкам. Я сказал, чтобы в самом низу он нарисовал большой почтовый ящик и на нем написал: «Готовьте заметки!»

Но Мастер не согласился:

— Да ну его — ящик! Во всех стенгазетах этот ящик. Надоел! Как только увидят его, так нарочно не будут писать. Давай лучше изобразим дерево, а в нем — дупло; из дупла высовывается белка и приглашает: «Давайте-ка заметки!»

Так мы и сделали.

К вечеру газета была готова. Я торжествовал. А Мастер помалкивал. Он вообще молчалив и не любит восторгов. Наша газета будет самой первой в лагере. Мы решили вывесить ее завтра утром, а сегодня никому не показывать, даже Андрею...

Но где вывесить газету? Мастер не спеша пошел в комнату, принес оттуда инструмент и сказал, что к вечеру он приготовит доску, на которой мы будем вывешивать свои стенгазеты. Уж не знаю, где он раздобыл фанеру, но только к вечеру доска была готова. Это была настоящая витрина. Точно такие же витрины висят в Москве на каждой улице и на бульваре, около нашего дома. Этот Мастер — просто клад для нашего звена.

Доску мы решили повесить около столовой, где утром проходят все ребята. После ужина мы тайком пробрались к столовой и сделали, как задумали. А потом вернулись в комнату. Мастер не спеша вытер инструмент и положил его в ящик, а ящик задвинул под кровать.

Угол, где стоит кровать Мастера, какой-то особен-

но уютный. На тумбочке аккуратной стопкой лежат книги; тут же — разные фигурки, вырезанные Мастером из дерева. На стене — портрет изобретателя радио Александра Степановича Попова. Этот портрет Мастер привез из Москвы.

Я лег в постель, но долго не мог заснуть. Я думал, что, когда Мастер вырастет, он, как Попов, изобретет что-нибудь великое.

Правда, все самое необходимое, кажется, уже изобретено. Но кое-что, конечно, осталось и для Мастера. Вот, например, ракета для полетов на Луну. Или такой аппарат, который смог бы за какие-нибудь два — три часа вдолбить в голову знания за всю школу. Сколько бы тогда было сэкономлено времени! В общем, Мастеру будет над чем подумать.

А Капитан сразу повернулся к стене и сделал вид, будто спит. Он сегодня и с Андреем поссорился: Капитан утром не застелил свою постель, а просто накрыл одеялом смятую подушку и простыню. Привык, наверное, дома, чтобы за ним убирали. Андрей сказал, что он позорит всю нашу комнату и что мы этого не потерпим. Капитан обиделся. Сам виноват — и сам же обижается!

20 июля

Сегодня утром все ребята по пути в столовую останавливались возле доски и читали нашу газету. Я стоял за углом дома и наблюдал... Ребята громко смеялись. Ура! Значит, карикатуры похожи! Значит, узнали кое-кого! А потом к доске подошел Андрей. Он осмотрел всю газету и начал оглядываться по сторонам. Я сразу понял, что он ищет меня, не выдержал и вышел из своего укрытия.

Я думал, что Андрей меня похвалит. А он вдруг как набросится на меня:

— Зачем высмеяли Капитана?

— А зачем он врал? Зачем говорил, что плавает, как рыба, три раза Москву-реку переплывает...

— Так вот и научите его плавать. А зубоскалить нечего!

Тут уж я не выдержал и сказал, что это вовсе не зубоскальство, а критика, что Андрей зажимает критику и что это ему, как звеньевому, совсем не к лицу.

Андрей ответил, что сперва надо самокритику разворачивать, то есть самих себя критиковать, а потом уж на других кидаться. А я ответил, что пока не вижу в себе недостатков, достойных внимания печати. Тогда он сказал, чтобы я одолжил у Профессора очки и поглядел на себя повнимательней. А я сказал, что очками и шляпами только в трамвае ругаются. Андрей замолчал: видно, согласился со мной. И тогда уж я набросился на него еще сильней: рассказал про вчерашний поступок Капитана.

Андрей сначала даже не поверил:

— Отказался делать газету? Ну, этого мы так не оставим. А я-то еще защищал его!

Потом к нам подошли Катя и Сергей Сергеич. Им наша газета понравилась, но они сказали, что в ней мало остроты.

— То есть критики? — переспросил я и торжествующе взглянул на Андрея.

Мы снова весь день готовились к открытию лагеря. Катя вдруг обнаружила, что у меня хороший голос, и стала загонять меня в хоровой кружок. Сначала я, конечно, отказывался. Мне всегда бывает очень смешно смотреть на певцов: они ртом выделывают такие штуки, как будто кривляются. Об этом я сказал Кате. Она ответила, что я неправ, но если уж так стесняюсь, так она поставит меня во второй или третий ряд, и я смогу прятать свой рот за чужую спину. Тогда я согласился.

А вечером к нам в гости приехал секретарь райкома комсомола товарищ Зимин. Мы уселись на траве за домом, а для гостя принесли с веранды плетеный стул.

Секретарь райкома рассказывал нам, как фаши-

сты жестоко, по плану разрушали город, взрывали дома. Они закладывали мины даже в городском парке.

Было тихо-тихо. Даже море не шумело и кусты акаций не шевелились.

Товарищ Зимин рассказывал еще, как жители города по вечерам, после рабочего дня, помогали восстанавливать те самые дома, в которых сейчас расположился наш лагерь.

А каждое воскресенье они выходят на воскресники. Они разбирают стены разрушенных зданий, а все сохранившиеся балки, доски, кирпичи складывают в одно место, чтобы потом из этого материала построили новые дома. Завтра в городе будет большой воскресник. Все жители выйдут на улицы.

«Вот бы и нам пойти на воскресник!» — подумал я.

В этот момент кто-то толкнул меня в спину. Я оглянулся и увидел Андрея. Из первых рядов он незаметно пробрался назад. Вид у него был такой, как будто он хотел сообщить мне что-то необычайное.

— Через несколько минут приходи в нашу комнату, — шепнул Андрей.

Я не стал ждать несколько минут, а тут же выбрался с площадки и пошел за Андреем. Мы поднялись на второй этаж. В комнате нас уже ждали Профессор и Мастер. Потом пришли Вано Гуридзе, тот самый, который проспал линейку (это произошло с ним совершенно случайно), и Витька Панков. Витька здорово играет в футбол и вообще спортсмен. Вот только рисуется немного.

Андрей таинственно огляделся по сторонам, закрыл дверь и, хоть нас никто не мог услышать, заговорил шепотом:

— Вы только подумайте, ребята: весь город будет работать, а мы должны греться на солнышке? Пионеры мы, в конце концов, или нет? Сергею Сергеичу, наверное, самому не хочется работать — вот он и нам не дает. Я больше терпеть не буду. Сегодня же саги-

тируем весь лагерь и пойдем на воскресник! Согласны?

— Ну, и выгонят нас из лагеря в Москву, — спокойно возразил Мастер. — Это — не дело. (Он всегда говорил, если ему что-нибудь нравилось: «Это — дело!» — а если не нравилось: «Это — не дело!»)

— У меня предложение... — заволновался Профессор и начал поправлять очки на носу. — У меня есть важное предложение! Агитировать сразу всех не удастся...

— А что же делать? — нетерпеливо перебил Андрей.

— А вот что! Будем помогать восстановлению города тайно, своим звеном... Да и то не все звено допустим к этой работе, а только самых сильных и смелых ребят, самых надежных!..

Мы решили провести строгий отбор. Каждый из нас должен принести клятву и пройти тяжелое испытание. Клятву мы сочинили тут же. Я вырвал лист из Галкиной общей тетрадки и написал: «Я (дальше — имя, фамилия или прозвище), желая помочь восстановлению города, разрушенного врагом, клянусь беспрекословно выполнять все поручения пионерского звена и звеньевого...»

Насчет следующей фразы возникли разногласия. Я предлагал написать так: «Клянусь, не щадя сил и самой жизни, помогать населению города...» Но Профессор сказал, что сейчас не война, никто в городе убивать нас не собирается и поэтому слова «не щадя самой жизни» нужно зачеркнуть.

— Но ты забыл, что фашисты оставили в городе много мин! — возразил я Профессору.

— Все уже давно разминировано!

— А может быть, хоть несколько мин осталось, откуда ты знаешь? Значит, риск все-таки есть! — сказал Вано с такой радостью, словно он только и мечтал наткнуться на мину. — И потом, вообще Сашкина фраза торжественнее.

Большинство поддержало меня, и моя фраза тут же была вписана в текст клятвы.

Мы долго думали над тем, какое испытание должен пройти каждый из нас. Наконец придумали: нужно из нашей комнаты, со второго этажа, по выступам и водосточной трубе слезть вниз и тем доказать свою ловкость, смелость и силу. Но это испытание можно было провести только завтра, в «мертвый час». А сейчас на площадке были все вожатые, все ребята, и лезть через окно было нельзя.

Мы решили, что сегодня, ввиду срочности дела, обойдемся без испытания, но с условием, что каждый пройдет испытание завтра или в понедельник. Нам не терпелось поскорее стать участниками восстановления города. Мы решили, что первым произнесет клятву наш звеньевой Андрей, а за ним — все остальные. После произнесения клятвы мы торжественно пожали друг другу руки.

Потом я выдрал из Галкиной тетрадки еще один лист, и мы написали план действий: «1) участие в воскресниках, 2) поиски мин и полная их ликвидация, 3) помощь жителям города — главным образом престарелым (старше сорока лет)».

Мы очень увлеклись и не заметили, что дверь давно открыта и на пороге стоит Капитан.

— Ты все слышал? — грозно спросил Андрей.

Вместо ответа Капитан начал просить, чтобы мы разрешили и ему тоже произнести клятву.

— Ни за что! — ответил Андрей.

— Почему?

— Потому что нам нужны только самые сильные и смелые. А ты... ты дезертировал, отказался делать газету.

— Но ведь это было совсем неважное дело! Чепуха! А тут... Я клянусь, что все буду выполнять... все, что прикажете!

— Нет уж! Если ты не мог выполнить маленького дела, то большого и подавно не выполнишь. И вооб-

ще ты считаешь, что тебе все можно... Почему? — Андрей говорил все громче. — Потому, что у тебя папа Герой! Поэтому, да? Так папу твоего мы все уважаем, а сам ты — такой же, как мы, и даже еще хуже!

— И что ты из кожанки вон лезешь, не пойму? — сострил Профессор, но сам даже не улыбнулся. — Помнишь, у Крылова есть такая басня — «Гуси»? Там тоже гуси хвалились, что их предки «Рим спасли»...

Капитан чуть не заплакал. Он обещал исправиться, больше не хвастаться и не врать. Я понимал, что сейчас он может обещать все на свете.

— Ну ладно, — сказал Андрей, — сейчас мы все равно не примем твою клятву, а потом, может быть, и примем. Но для этого ты должен выполнять все задания. Мы будем проверять тебя.

Капитан обрадовался и обещал все выполнять.

Тогда Андрей дал ему первое задание: Капитан должен был стоять в коридоре и следить, а при первой же опасности сообщить нам. Потом Андрей сказал, чтобы мы его подождали, и куда-то ушел. Скоро он вернулся, но не один. С ним была Зинка. Андрей сказал, что ручается за нее, и мы тут же посвятили Зинку в свои планы.

Мы условились, что завтра утром, когда все пойдут на пляж, мы убежим в город и весь день будем работать на воскреснике.

Заиграл горн. Андрей приказал всем разойтись по комнатам и лечь спать, чтобы не вызывать подозрений. Капитан был снят с поста.

Мы легли, но долго не могли заснуть. Наверное, все думали: «Скорей бы пришло завтра!» А я думал еще о том, что теперь некогда будет вести свой дневник. Придется поменьше записывать.

21 июля

После завтрака ребята должны были, как всегда, полчаса отдыхать на территории лагеря (Катя выдумала, будто сразу после завтрака нельзя греться на

солнце и купаться). Ребята начали играть в крокет, в волейбол. Сергея Сергеича не было в лагере, он куда-то ушел еще рано утром. Был самый подходящий момент, чтобы убежать в город.

Ко мне подошел Профессор и зашептал:

— Сашка, давай уговорим Андрея взять на воскресник Капитана, а? Он все время без отца, понимаешь? Отец его сначала четыре года на войне был, ни разу даже домой приехать не мог, а теперь, понимаешь, отец служит в Севастополе, а они в Москве живут. Ну, вот там бабушка да сестричка ходят за ним, как за барином. Он и стал таким. Мы его переделаем.

— Как — переделаем? — не понял я.

— Ну, перевоспитаем. Я считаю, что это наш долг. Будем ему всякие трудные задания давать — пусть закаляется! Отец его спасибо нам скажет. Возьмем Капитана с собой, согласен?

Я подумал про себя, что Профессор может быть настоящим другом.

Андрей согласился с нами, и скоро мы — все семеро, принесшие вчера торжественную клятву, и Капитан (он был восьмым) — встретились за домом.

Мы прошли через небольшую заросль кустарников и свернули на широкую немощеную дорогу. По обе стороны ее выстроились в ряд серебристые тополя, как будто два отряда вышли на утреннюю линейку. А вдали мы увидели высокие горы. Они упирались в самое небо, а облака как будто лежали на них...

— Посмотрите-ка, облака прилегли отдохнуть! — воскликнул Профессор. — Про это самое у Лермонтова написано: «Ночевала тучка золотая на груди утеса-великана!..»

— Ох, и красиво же!.. — согласился Андрей.

Потом мы спустились к берегу моря и минут через пятнадцать были уже в городе.

Мы нарочно шли не по прямой дороге, чтобы сбить с толку погоню.

Мы направились вдоль главной улицы. Казалось, что жители, все до одного, вышли сегодня на улицы. Возле каждого разрушенного дома работали люди. Одни, стуча молотками, разбирали уцелевшие стены по кирпичам; другие накладывали кирпичи на носилки, относили в сторону и там складывали ровными рядами; третьи таскали бревна, балки, доски.

Мы прошли несколько кварталов, много раз сворачивали в узенькие переулочки, не зная, где нам остановиться.

Потом опять вышли на главную улицу и вдруг, по команде, застыли на месте: прямо на нас с носилками в руках шел... кто бы — вы думали?.. Сергей Сергеич! Да-да, старший вожатый нашего лагеря! Он был не в своем чистеньком костюме, а в черной спецовке и сапогах.

Сергей Сергеич на ходу о чем-то разговаривал с высоким мужчиной, который держал носилки сзади. Это нас и спасло. Сергей Сергеич не успел еще заметить нас, как все мы, кроме Профессора, нырнули за угол дома. А Профессор продолжал идти прямо навстречу своей гибели. Он был близорукий и сразу не узнал Сергея Сергеича.

Мы выглядывали из-за угла дома и с ужасом ждали, что сейчас произойдет. Сергей Сергеич заметил Профессора. Он опустил носилки и подошел к нему. Было ясно: Профессор попался. Ждать больше было нечего, и мы пустились наутек. Мы пробежали несколько улиц, а потом пошли шагом, выбирая место, где бы можно было начать работу. Не срывать же все дело из-за потери одного товарища!

Скоро мы увидели полуразрушенный дом, возле которого работали одни только женщины. У дома уцелели две стены, кусок крыши, а под крышей стояла печь. Возле стены лежали пустые носилки. Здесь мы и решили начать работу.

Мы не знали, как предложить свою помощь. Наконец Андрей, запинаясь, сказал:

— Тетеньки, а тетеньки, можно мы вам поможем, а?

Все три женщины сразу обернулись. Они очень удивились, увидев нас.

— А вы откуда? — спросила одна из них.

— Мы из соседнего колхоза, — не задумываясь, соврала Зинка.

— Из какого же? — снова спросила женщина. И, как мне показалось, недоверчиво.

Что же ей ответить? Что сказать? Но тут я вспомнил о совхозе «Заря», про который нам рассказывал секретарь райкома.

— Мы из «Зари», — быстро ответил я.

— Так то ж совхоз, а не колхоз, — сказала женщина.

— Она просто ошиблась! Мы из совхоза... — затараторил я.

— Да-да, из совхоза, — поддакнула Зинка.

— И что же, помочь нам хотите?

— Ой, тетенька, хотим, очень хотим! — закричали мы все вместе.

— А я не тетенька, а Клавдия Ивановна.

— Хотим, Клавдия Ивановна! — снова закричали мы.

— А справитесь?

— Справимся, справимся!

— Ну что же, берите носилки.

Мы все бросились к носилкам. Но носилок было двое, а нас семеро. Мы с Зинкой схватили верхние носилки. Она стала сзади, а я спереди. Другие носилки за передние ручки взял Андрей, а сзади захотел стать Витька Панков. Но Андрей сказал, что сзади станет Капитан:

— Пусть потаскает носилки! Ему полезно: разовьются мускулы.

Капитан с благодарностью посмотрел на Андрея и схватился за ручки носилок.

Мастер, конечно, захватил кое-что из своего завет-

ного ящика: молоток и пилу. Пилу он отложил в сторону, а молоток ему пригодился: Мастер начал разбирать стену дома. Витька Панков и Вано Гуридзе встали на подачу кирпича.

Было жарко. Сначала мы не замечали этого. Но через час я стал весь мокрый. Я снял рубашку и работал в одних трусах. Руки у нас стали красными от кирпича. Я занозил себе палец. Зинка в одну минуту вытащила мне занозу. Все-таки у девчонок тоже есть свои хорошие качества: мы, например, не умеем так ловко вытаскивать занозы.

Время от времени мы отдыхали, а один раз даже сходили к морю и искупались. А потом снова работали.

Мы работали вместе со взрослыми!

Мы помогали восстанавливать город, разрушенный фашистами!

Клавдия Ивановна и другие женщины похваливали нас:

— Молодцы, молодцы, ребята!

А потом Клавдия Ивановна спросила, не устали ли мы и не пора ли нам домой. Она сказала, что наши матери, наверное, очень волнуются, что она сама мать и что будь она на месте наших матерей, так уж давно бы сошла с ума. Но мы все равно отказались уходить.

Тогда женщины сказали, что мы теперь справимся и без них, а они перейдут на другой «объект».

Было уже два часа дня, но мы решили, что обедать в лагерь не пойдем, а будем работать до вечера.

— Теперь нам все равно пропадать. А уж пропадать, так с музыкой! — сказал Андрей и снова взялся за носилки.

Потом Мастер перешел со своим молотком от стены к печке и приготовился ее разбирать. Но тут произошло событие огромной важности.

Мастер нагнулся над печкой и вдруг закричал:

— Ребята, сюда! Скорее!

Мы побросали носилки и подбежали к нему. Сначала мы не могли понять, в чем дело. Но потом, взглянув туда, куда смотрел Мастер, я увидел какие-то строчки, слова, написанные на белой штукатурке чернильным карандашом. В некоторых местах штукатурка немного открошилась, и слова трудно было разобрать. Но печка стояла как раз под уцелевшим куском крыши, и это спасло надпись от дождей и снега.

Вот что было написано на штукатурке крупными и какими-то очень круглыми буквами:

«К партизанам мы пробиться не смогли. Но одну фашистскую баржу все-таки потопили! Сейчас, ночью, нас с Бородачом окружили гестаповцы. Мы спрятались в развалинах этого дома. Бородач отстреливается. У нас есть одна граната. Оставим ее для себя. Прощайте, все товарищи, друзья! Да здравствует наша Родина!»

Внизу стояла подпись: «В. А.» И еще ниже: «20 марта 1943 года».

Несколько минут мы стояли молча. Потом Андрей дотронулся до своей головы: хотел, видно, снять шапку, да от волнения забыл, что мы все без шапок.

Потом он взял кусок кирпича и нацарапал на печке: «Место гибели героев открыто московскими пионерами 21 июля 1945 года».

— Это зачем? — спросила Зинка.

— Так нужно. Для истории, — объяснил Андрей.

— А ведь они... погибли... — сказала Зинка каким-то не своим, тонким-тонким голосом и стала тереть глаза.

— Погибли... — тихо подтвердил Андрей.

— Ребята! — воскликнул Вано Гуридзе. — Надо немедленно сообщить об этом! В райком и вообще всюду... Это ведь очень важное открытие!

— Никуда не надо сообщать раньше времени. Пока все должно быть в тайне, — строго сказал Андрей.

— Почему? — удивился Вано.

— Я еще сам не знаю почему, но так лучше. В тайне всегда лучше.

Мы все согласились с Андреем.

— Но печку могут разобрать по кирпичикам, — подумав немного, сказал Мастер. — Не заметят надпись — и разберут. А разве это — дело?

Андрей почесал затылок. («Побрел за мыслями!» — как говорит Катя.) Потом он схватил кусок фанеры и нацарапал кирпичом: «Печку трогать запрещено». И еще приписал внизу: «Из специального решения горисполкома».

— Так будет верней, — объяснил он.

Фанеру установили на самом видном месте.

День уже кончался. Посовещавшись, мы решили возвратиться в лагерь.

Мы все время думали о гибели двух неизвестных нам героев. Вспоминали каждое слово, которое было написано на печке чернильным карандашом, вспоминали те крупные, круглые буквы...

И мы совсем забыли о том, что ждет нас в лагере.

Только проходя через заросли кустарников и увидев знакомые белые дома, я заволновался. А вдруг в лагере переполох, все бросились искать нас, среди вожатых паника? Но ничего подобного почему-то не было. Ребята спокойно готовились к ужину, мыли руки. Мы посмотрели друг на друга и теперь только заметили, какие у нас грязные лица, руки, рубашки. Надо было сейчас же умыться. Мы побежали к умывальникам.

Никто не интересовался, где мы были. Это было даже обидно!.. Мимо нас прошли Катя, Сергей Сергеич и не обратили на нас никакого внимания. Неужели не заметили нашего исчезновения? Не может быть!

В комнате нас ждал Профессор. Он встретил нас очень странно: не смотрел нам в глаза и все время поправлял очки на носу. Профессор сказал, что Сергей Сергеич не ругал его, а только сейчас же отослал в лагерь. Но, когда сам Сергей Сергеич вернулся в лагерь с воскресника, он позвал Профессора к себе и долго разговаривал с ним.

— А про нас-то он выведывал? — спросил Андрей.

— Нет, ничего не выведывал.

— Совсем ничего?

— Ничего, — ответил Профессор, но каким-то странным голосом.

Мы не стали больше расспрашивать его и побежали в столовую.

А самое удивительное случилось вечером. На вечерней линейке перед спуском флага на середину площадки вышла Катя и, обращаясь ко всем пионерам, сказала:

— Ребята! Сегодня пионеры звена Андрея Глебова на славу поработали: они помогали восстанавливать город, разрушенный врагом. Но только отправились они на воскресник тайком от нас всех. Странно! Зачем же скрывать хорошие идеи? Пионеры этого звена решили и впредь помогать населению города.

Они даже план составили. Я думаю, мы поддержим это дело и все примем в нем участие!

Вот что сказала наша вожатая Катя. А Сергей Сергеич стоял рядом и одобрительно покачивал головой.

Откуда они всё узнали?

Когда я пришел в нашу комнату, то увидел там Профессора и Андрея. Между ними шел жаркий спор.

— Как же ты мог выдать тайну? Ты нарушил клятву, ты предатель! — суровым голосом говорил Андрей.

— Ты не имеешь права так говорить! Я не хотел выдавать, — ответил Профессор.

— Не хотел, не хотел, а все-таки выдал!

— Я сначала ничего не говорил. Еще в городе Сергей Сергеич спросил у меня: «Ты ничего больше не хочешь мне рассказать?» Я ответил: «Ничего!» Но потом я пришел в лагерь и увидел, что Катя плачет... Да-да, плачет из-за нас! Она и физкультурник Петр Николаевич бегали искать нас на набережную и даже в совхоз. Ну, тогда я пошел и сказал, что вы в городе. Сказал, чтобы они больше не искали. А когда вечером вернулся Сергей Сергеич, он вызвал меня к себе и долго разговаривал со мной...

— Это уж нам неинтересно! — перебил Андрей.

Профессор все время поправлял очки, и от этого у него на носу образовалась красная блестящая дорожка.

— Ты не имел права нарушать клятву! Да что тебе объяснять!.. — Андрей махнул рукой так, будто говорил с безнадежно пропащим человеком.

22 июля

Сегодня вечером — торжественное открытие лагеря. Но еще до вечера произошло одно замечательное событие.

Утром мы, как всегда, ходили на пляж с Катей. Катя следит, чтобы мы вовремя переворачивались с

живота на бок, с левого бока на правый, а потом на спину. Скоро, уж наверное, и дышать заставят по расписанию.

Но не в этом дело. Главное произошло перед самым обедом, когда мы вернулись с пляжа. Катя сказала, что Сергей Сергеич просит меня и Андрея зайти к нему в комнату. Мы очень удивились: неужели наказание за вчерашний побег будет сегодня?

— А вы как думали? — «подбадривал» нас Витька Панков. — Вчера на линейке был всего-навсего педагогический приемчик: «Поддерживаем!.. Ценная инициатива!..» И все такое прочее. Я уж знаю. А сегодня — раз! — и вышибут из лагеря. Так что можете собирать вещички...

Больше всех волновался Капитан:

— А почему только им страдать? За нас за всех? Ведь все мы удирали...

— Им оказывается честь, как инициаторам, так сказать. А ты что такое? Несознательный элемент, подпавший под дурное влияние, и больше ничего!

— И где это ты, Витька, таких умных слов нахватался? — зло спросил Андрей.

— Как — где? Да меня, если хочешь знать, больше вас всех воспитывали. Я в школе считаюсь почти неисправимым! — с гордостью произнес Витька. — Это я здесь держусь: неохота родителей срамить — лагерь-то заводской. Силы накапливаю. А в школу вернусь — ух, развернусь!

И он широко развел руками, словно хотел показать нам, как именно он «развернется» в школе.

— Звонишь ты — и всё! — махнул рукой Андрей.

Капитан глядел на Андрея жалобно, словно видел его последний раз в жизни. А глаза его так прямо и говорили: «Если тебя и в самом деле вышибут, что же мы тогда будем делать?»

До комнаты Сергея Сергеича нас провожало все звено. У двери все пожали нам руки, как будто прощались с нами навсегда...

— Держитесь, ребятки!..— шепнул Витька. И первый выбежал на улицу.

Мы открыли дверь и увидели, что старший вожатый что-то пишет. «Так и есть: о нас приказик сочиняет», — подумал я. Мы вошли в комнату, а он нас вовсе и не заметил. Постояли несколько минут. Наконец Андрей тихонько кашлянул.

— Хотите знать, почему я вас не замечаю? Потому что вы не стучитесь, а прямо без всякого стука врываетесь в комнату, — сказал Сергей Сергеич.

И правда, как это мы забыли? От волнения, наверное.

— Ну, путешественники, хотел я всей вашей компании сюрприз устроить: билеты до Москвы! Как раз могли бы целое купе занять, и ехать было бы не скучно. Да есть одно смягчающее обстоятельство... Дело вы хорошее придумали: городу помогать! Я даже хочу в ваш знаменитый план от себя один пункт вставить. И вот какой!.. Неподалеку отсюда есть костнотуберкулезный санаторий. Больные ребята там лежат годами. Давайте шефствовать над санаторием, а? Тоже будет помощь городу. Согласны?

— Согласны, — ответил я.

Андрей молчал.

Лицо у Сергея Сергеича стало вдруг строгое и даже суровое.

— А о всяких там побегах — забыть навсегда! Больше не прощу! Ни разу!

Мы ничего не ответили. Но Сергей Сергеич как будто что-то прочитал на наших лицах:

— Вот и добро, что поняли. Теперь слово свое крепко держите. А я свое сдержал!

Сергей Сергеич нагнулся, вынул из-под стола и протянул нам... Кого бы — вы думали?.. Щенка! Самую настоящую овчарку! Мы так и ахнули.

А Сергей Сергеич гладил собаку между ушей и говорил:

— Вы же хотели собаку? Ну вот и получайте!

Мы молчали. Мы совсем и забыли о собаке, забыли про обещание Сергея Сергеича. А он, значит, помнил...

Наконец мы пришли в себя, схватили щенка и начали тормошить и разглядывать его. А он жмурился, тихонько скулил и даже один раз залаял. Это был довольно большой щенок, уже похожий на взрослую овчарку. Спина и живот у него были серые, а грудь белая.

Мы хотели сейчас же нести щенка к себе в комнату и показать его всем ребятам, но Сергей Сергеич остановил нас:

— Щенок ваш, но на сегодня я оставляю его у себя.

— Почему? Почему? — заволновались мы.

— Потому что вы начнете сейчас же возиться с собакой, всех ребят соберете и сорвете открытие лагеря. Нет уж, сейчас идите тренируйтесь, репетируйте. А завтра утром приходите за щенком.

Мы не стали спорить и направились к двери. У самой двери Андрей обернулся и, покраснев до ушей, сказал:

— Сергей Сергеич, большое вам спасибо!

— Как говорят, лучше поздно, чем никогда, — сказал Сергей Сергеич и громко рассмеялся.

Во дворе нас ждало все звено.

— Кто это там лаял? — набросились на нас ребята.

— Кто может лаять? Собака, конечно. Вот такая овчарка! — Андрей широко развел руками. — Теперь следить будет за нами. Чтобы не удирали!..

А под вечер, после чая, было открытие лагеря. К нам приехало много гостей. Были и герои-партизаны, и городские ребята, и секретарь райкома товарищ Зимин. Говорили даже, что должен приехать один детский писатель, который отдыхал где-то поблизости. Но он так и не приехал...

После торжественной линейки был концерт. На зе-

леной лужайке, между двумя деревьями, мы натянули веревку. По ней передвигалась красная материя. Это был наш занавес. Сценой была лужайка. А зрители сидели прямо на траве.

На меня надели гимнастерку, галифе и сапоги.

Все это было мне очень велико. Сапоги чуть не падали с ног. А гимнастерка была такая широкая, что я прямо купался в ней.

«С какого-то великана сняли, наверное», — подумал я.

Оказалось, что все обмундирование достал где-то Сергей Сергеич. Где, интересно, он раздобыл все это, у кого?..

На сцене я был всего полминуты, и все обошлось благополучно. Когда я вышел на сцену, зрители зашептали: «Да ведь это Сашка! Сашка из первого отряда!»

Я отдал донесение, повернулся на каблуках и вышел. С меня тут же сняли военную форму, потому что ее должен был надеть Боря Власов. Он играл роль советского офицера.

Тут я вспомнил, что впопыхах забыл приколоть к плечам полоски красной бумаги, которые должны были изображать погоны. Хорошо, что зрители ничего не заметили!

Концерт был большой. Ребята пели, плясали, а Мастер даже показывал фокусы.

Но больше всего мне понравились спортивные упражнения. С ними выступили Андрей, Зинка и Витька Панков под руководством Петра Николаевича. Они делали стойку, пирамиду и, как говорит Андрей, «классно работали на турнике». Им помогал Капитан. Он придерживал турник с таким гордым видом, будто ставил мировой рекорд. А потом он даже подтянулся несколько раз на руках. Это Андрей его научил. Капитан сегодня впервые снял свою шикарную кожанку с молниями и надел спортивную форму: трусы, майку. Руки у него худые и белые-белые,

как у какой-нибудь Снегурочки. Даже смотреть тошно.

Потом гости осматривали лагерь, беседовали с нами. Около столовой была устроена выставка стенгазет. Еще вчера провели конкурс на лучшую газету. Наша газета хоть и вышла самой первой, но заняла всего третье место. Зато доска, на которой она висит, — самая красивая в лагере. Вот если бы за доски тоже давали премии! А почему бы и не давать: ведь они имеют очень большое значение! Вот, например, из-за красивой доски возле нашей газеты больше всего народа. А заметки все равно не очень-то читают, хоть двадцать премий присуждай!

После чая с нами беседовал бывший командир партизанского отряда. Он рассказал, что партизанам приходилось скрываться в самом городе, так как вокруг нет лесов. А в таких условиях очень нужна была помощь ребят. Они могли незаметно перебегать из дома в дом, быть связными и разведчиками.

Как жалко, что я во время войны не оказался в этом городе! А ведь вполне мог бы оказаться. Например, так: поехали бы мы с мамой отдыхать — и застряли бы здесь, то есть не успели выехать. И я бы тоже помогал партизанам. Хотя мне было тогда всего восемь лет... Но ничего! Это вполне сознательный возраст. В общем, об этом мечтать уже поздно...

Я шепнул Андрею:

— Давай расскажем, что нашли место гибели двух героев. Давай, а? Ведь знаешь, как здорово будет!

Андрей даже рот мне зажал рукой и испуганно огляделся по сторонам — не слышал ли кто-нибудь моих слов.

— С ума ты сошел! Все испортить хочешь, да?

Я хотел сказать, что ничего не собираюсь портить. Но сказать я ни слова не мог, потому что рот мой все еще был зажат рукой Андрея.

— Это пока должно быть нашей священной тай-

ной! — продолжал Андрей. И тут только отнял руку от моего рта. — Понял? У меня есть план.

Я согласился: раз есть план, тогда совсем другое дело! Но все-таки как хотелось бы мне рассказать всем о нашей замечательной находке... нет, о нашем открытии! А ведь это и в самом деле открытие. Да еще какое открытие! Может, на том месте когда-нибудь памятник поставят. И все люди, проходя мимо, будут замолкать, какие бы у них ни были важные-преважные разговоры, и все будут снимать шапку. А на черном мраморе будут высечены имена героев, имена, которых мы пока и сами не знаем.

За окнами стало уже совсем темно. Давно замолчали горны, давно уехали гости. Катя уже три раза желала нам спокойной ночи, а мы всё не засыпали. Андрей повернулся ко мне и сказал:

— Сашка, а мы насчет Сергея Сергеича, кажется, того... А? Как ты думаешь? Другой бы нас давно из лагеря выгнал: подумаешь, беглецы какие!

Андрей еще долго ворочался: его, наверное, мучила совесть.

Тогда я выскочил из-под одеяла, сел к Андрею на кровать и зашептал:

— Давай-ка расскажем Сергею Сергеичу про надпись на печке. Он нам поможет, вот увидишь!

— Да нет... — Андрей таинственно огляделся по сторонам. — Пока нельзя говорить. У меня план есть!

— Какой план?

— Классический! Мы сами, без всякой там посторонней помощи, узнаем имена героев, погибших на том месте... Узнаем всю их историю, понимаешь? И тогда соберем торжественный сбор своего отряда прямо там, в городе, возле разрушенного дома. И присвоим своему отряду имена героев. Здорово, а?

Сперва я прямо закричал от радости, так что даже разбудил Профессора. Он открыл глаза, но в темно-

те, да еще без очков, ничего не разобрал. А потом мне в голову стали приходить всякие сомнения. Как же мы, например, узнаем имена героев?

— Расспросим жителей города, осмотрим музей, памятники партизанам... Будем следопытами! Мы ведь знаем инициалы одного героя: «В. А.», а кличка другого — «Бородач». Значит, ключи у нас в руках!

Так объяснил мне Андрей. И тогда я быстро-быстро заснул. И мне приснился торжественный сбор в городе, возле разрушенного дома. Только почему-то на этом сборе присутствовали мама, папа и даже Галка.

23 июля

Утром Сергей Сергеич отдал нам щенка:

— Берите, теперь собака ваша.

— Насовсем?

— Нет, не насовсем. Воспитывайте ее здесь, в лагере, потом можете взять с собой в Москву. Но, когда щенок вырастет, вам придется отдать его.

— Для пограничников?

— Может быть, для пограничников, а может быть, и для каких-нибудь других целей.

— Ага, понимаю! Наверное, для уголовного розыска, да? Воров ловить? — таинственно, полушепотом спросил я.

— И это полезное дело! — ответил Сергей Сергеич.

Мы схватили щенка и собирались бежать, но старший вожатый остановил нас:

— А как вы назовете собаку?

Я посмотрел на испуганные, мигающие глаза щенка и предложил:

— Назовем его — Смелый!

Сергею Сергеичу эта кличка понравилась, и мы с Андреем побежали на зеленую лужайку. Там мы выпустили Смелого на траву. Он, видно, не знал, что ему делать, и сел, растерянно оглядываясь по сторонам.

Сразу же вокруг нас собралось много ребят. Все они гладили Смелого, трепали его за уши. Тут он совсем растерялся.

Подошла Катя и сказала, что это никуда не годится:

— Служебная собака должна быть смелой и злой. Нужно, чтобы она подпускала к себе немногих и только им доверяла. А вы сделаете из щенка домашнюю «моську».

Катя рассказала нам, чем и сколько раз в день мы должны кормить Смелого. Интересно, откуда она все это знает?

— А где нам брать для него еду? — спросил я.

— Об этом вы поговорите с поваром Филиппом Матвеевичем.

Ну, это трудное дело! Говорят, что все полные люди — добряки. Где-то я слышал об этом или даже в книжке читал. Но могу твердо сказать, что из этого правила бывают исключения. Вот, например, Филипп Матвеевич — одновременно и полный и сердитый человек. Я думаю, он и говорить-то с нами не захочет.

Мы хотели устроить Смелому лежанку у нас в комнате, но Катя не разрешила держать щенка в доме.

— Где же нам его держать? — спросил я.

— Собаку подарили вам — вы и позаботьтесь об этом. Хорошо бы найти для собаки какую-нибудь будку...

Легко сказать — найти! Будки на улице не валяются. На выручку пришел Мастер. Он, как всегда, молча пошел в комнату, принес оттуда свой ящик с инструментами и только тогда сказал:

— Сделаю я будку. Так и быть.

— Да где же ты материал-то возьмешь? — спросил Андрей.

— Раз сказал — сделаю, значит сделаю. Только помощника мне дайте: пилить придется.

— Возьми Капитана, — предложил Андрей.

— А что он умеет?

— Все сумеет! — уверенно сказал Андрей.

Капитан согласился.

Мы знали, что Мастер — умелый парень. Но, честно говоря, на этот раз нам показалось, что он прихвастнул: сделать собачью будку не так-то просто!

Мастер и Капитан ушли. Они целый день, до вечера, искали материал и мастерили, мастерили...

За обедом мы с Андреем попросили «добавки». Все удивились: обед, как всегда, был сытный. Когда нам принесли по второй порции супа, мы незаметно отлили суп в приготовленную миску и поставили ее под стол. Туда же мы добавили и два куска мяса. Когда Катя ушла за чем-то на кухню, мы вытащили свою миску из-под стола и торжественно понесли Смелому его первый обед. Нам пришлось пойти на эту хитрость потому, что мы еще не успели поговорить с Филиппом Матвеевичем. Не знали даже, с чего начать разговор.

Мы все время крутились около кухни. Но Филипп Матвеевич не обращал на нас никакого внимания. Он в своем белом колпаке и белом халате часто выходил во двор, точил что-то на большом сером камне, давал распоряжения. Потом он возвращался на кухню и начинал быстро-быстро молотить по столу двумя длинными, узкими ножами, как будто играл на каком-то музыкальном инструменте. Лицо у него все время было сердитое. Как подойти к нему?

После чая мы снова пошли к кухне. Туда привезли дрова. Филипп Матвеевич стоял возле дров и сердито говорил женщине в таком же белом халате, как и он:

— Ну что я могу поделать? Некому сейчас пилить дрова! Некому!

В два прыжка я подскочил к повару и предложил:

— Филипп Матвеевич, можно нам попилить дрова?

Филипп Матвеевич удивленно посмотрел на нас и спросил:

— Вы дежурные, что ли?

— Да нет, мы сами хотим... Разрешите, Филипп Матвеевич!

— Ну ладно, давайте. Да много ли вы напилите?

Мы горячо взялись за дело. Пилили долго, до самого ужина. Филипп Матвеевич несколько раз выходил из кухни, качал головой и говорил:

— Отдохнули бы малость!

Мы вспотели, рубашки стали мокрыми, но мы не замечали усталости и упорно зарабатывали пропитание нашему Смелому.

Мы кончили пилить, когда увидели, что ребята идут ужинать. Вышел Филипп Матвеевич. Он посмотрел на гору напиленных дров, и тут я в первый раз увидел, как он улыбается.

— Молодцы, молодцы! — сказал Филипп Матвеевич. — Как же мне отблагодарить вас? Даже не знаю...

Момент был самый подходящий. Я сказал:

— Филипп Матвеевич, у нас к вам есть маленькая просьба...

— Какая просьба?

— Если можно, оставляйте нам каждый день немного костей и мяса. И, если можно, немного молока.

— Вы что же, не наедаетесь, что ли?

— Да нет, мы не для себя — мы для собаки, для щенка...

— Откуда же у вас щенок?

— Нам Сергей Сергеевич подарил, честное слово! — быстро сказал Андрей. — Мы хотим воспитать щенка для пограничников...

— Или для уголовного розыска! — вставил я.

— Немного костей и мяса, говорите? Сами-то небось не костями питаетесь? А собаку, значит, хотите голодом заморить? — вдруг набросился на нас повар. — Нет уж, я ей сам рацион установлю. Только лапы оближет!

Нам повезло: Филипп Матвеевич оказался большим любителем собак.

24 июля

После завтрака мы впервые купали Смелого. Оказалось, что он хорошо плавает, а когда вылезает на берег, очень смешно фыркает и отряхивается. Потом Смелый ложится на песок, кладет голову на вытянутые лапы и «загорает». Мы с Мастером руководили его купанием, а все ребята с завистью смотрели на нас. А потом мы стали учить Смелого ловить воров. Я схватил полотенце и вещи Витьки Панкова, который в это время купался, убежал с его вещами и спрятался за кусты.

Профессор пристально взглянул в глаза Смелому и указал на мои следы, которые ясно отпечатались на песке. Таинственным голосом он произнес:

— Смелый, совершено преступление: украдены вещи! Ищи, Смелый! Ищи вора!

Пес не двигался с места.

Тогда Профессор подтолкнул его сзади. Никакого впечатления! Профессор легонько шлепнул Смелого — тот взвизгнул и побежал, но не по моим следам, а совсем в другую сторону. Он, видно, совсем не хотел работать в уголовном розыске.

Профессор вернул пса на исходную позицию и стал серьезно убеждать его:

— Ну пойми, Смелый, пойми, что я тебе говорю. У Витьки Панкова украли вещи...

— Кто украл? Кто украл мои вещи? — послышался сзади тревожный Витькин голос. Он как раз только что вылез из моря. — Кто украл мои вещи?

— Да подожди ты! — отмахнулся Профессор.

— Мои вещи украли! — завопил Витька, и в самом деле не видя ни своих вещей, ни полотенца. — Я купался, а их украли... А у меня брюки совсем новые, мама перед отъездом купила!..

Стали сбегаться ребята. Но Профессор так увлекся, что продолжал убеждать Смелого, а на Витьку не обращал никакого внимания.

Я видел все это из-за кустов. Когда Витька совсем

уж разволновался, размахался руками кто-то даже предложил ему на время свои штаны, я не выдержал и вышел из-за кустов.

— Ах, это ты украл? — набросился на меня Витька. — Издеваешься, да?

— Мы Смелого воспитываем, — стал объяснять я.

Но Витька не хотел меня слушать.

— Ты на своих штанах его воспитывай, а мои оставь в покое!

Странный человек этот Витька!..

Андрей не помогал нам воспитывать щенка: он учил Капитана плавать.

Капитан шумно бил руками и ногами по воде, так что во все стороны летели брызги. Андрей слегка поддерживал Капитана снизу, а потом заводил его в глубокое место и незаметно отпускал. Капитан проплывал немного сам, а потом, как только замечал, что его уже не поддерживают, начинал глотать воду, пускать пузыри и идти ко дну. Но Андрей плыл рядом. Он тут же хватал Капитана за руку и «спасал» его. Так повторялось много раз.

У Андрея железное терпение!

25 июля

Утром Мастер и Капитан повели нас с Андреем в заросли кустарника, они работали полтора дня. И мы увидели замечательную будку. Будка напоминала домик. Она была большая и просторная.

— Вот это здóрово! — восхищенно воскликнул Андрей.

Мы тут же решили, что за собакой будут ухаживать только четверо: Андрей, Мастер, Капитан и я. А остальным ребятам мы не разрешим даже близко подходить.

На будке мы написали: «Не подходить — собака кусается». А потом подумали и для пущей убедительности в скобках добавили: «Может разорвать на куски!»

Будка была поставлена на лужайке, за домом. После обеда я повел Смелого в его новую «квартиру» (прошлую ночь щенок провел у меня под кроватью).

И тут я узнал об одном секретном разговоре. Случилось это вот как. Я вел Смелого на лужайку, к будке. Проходя мимо беседки, я услышал голос Сергея Сергеича. Потом сквозь кусты увидел нашу вожатую Катю и узнал голоса других вожатых. «Зачем это они все забрались сюда? — подумал я. — Наверное, что-нибудь тайное...» Ноги мои как-то сами собой остановились, а уши вдруг стали улавливать самые отдаленные звуки, хоть я вовсе не хотел подслушивать.

Сергей Сергеич говорил:

— Мы им, если хотите знать, должны быть благодарны!

— За что же это? — спросил кто-то из вожатых.

— Да за то, что они нам очень многое подсказа-

ли. Вот, например, мы не догадались устроить экскурсию в Сталинград, а они догадались. Мы все время говорим: «Надо воспитывать в труде! Надо приучать к труду», — а повести ребят на воскресник не додумались. А они до этого и без нашей помощи дошли. Так что надо повнимательней к ним приглядываться, поддерживать их и только кое в чем поправлять. Одним словом, как пишут в статьях: «Надо направлять детскую инициативу в нужное русло»...

«Про кого это он говорит? — подумал я. — Кому они должны быть благодарны? Кто это им подсказывает?» И вдруг меня осенило: ну конечно же, это про нас, про наше звено! И про меня, значит!

От радости я так сильно дернул за веревочный поводок, что чуть не задушил Смелого. Он тихонько заскулил. Я зажал ему морду, быстро выбрался из своего укрытия и помчался искать Андрея. Смелый еле поспевал за мной.

Я нашел Андрея на волейбольной площадке.

— Ура!... — закричал я. — Они нам благодарны! Мы им подсказали! Мы им помогли! Это Сергей Сергеич сказал, я сам слышал. Он сказал, что мы им очень помогли, что они все просто пропали бы без нас, что без нас они теперь ни одного шагу не сделают!

На радостях я, кажется, кое-что прибавил.

Андрей попросил меня рассказать все по порядку. Я рассказал. Сначала он тоже обрадовался и заулыбался. Только заулыбался еле-еле. Он всегда так улыбается, что не поймешь, улыбается он или не улыбается.

А потом Андрей вдруг нахмурился и спросил:

— Ты еще кому-нибудь рассказывал?

— Да нет, не успел еще. Но ты не беспокойся, я всем расскажу! — заверил я Андрея.

А он в ответ совершенно неожиданно показал мне кулак:

— Если еще хоть кому-нибудь проболтаешься об этом разговоре — получишь! Понял?

Я, по правде сказать, ничего не понял. И зачем он из всего тайны делает?

— А я вовсе не боюсь твоего кулака! — гордо ответил я.

— Можешь не бояться, но все-таки имей его в виду...

Я посмотрел внимательно на то, что мне нужно было иметь в виду. Кулак у Андрея был небольшой, но очень внушительный.

Я ничего больше не сказал Андрею. Но до сих пор не могу его понять. Почему он не хочет, чтобы я рассказал ребятам о разговоре в беседке? Ведь все наше звено было бы так радо!.. Шутка ли: Сергей Сергеич нам благодарен! Может, Андрей боится, что мне не поверят? Ведь свидетелей не было. Один Смелый все слышал. Но какой же это свидетель? Только скулить умеет, да и то не вовремя. Нет, пожалуй, дело не в этом...

Может, Андрею просто завидно, что не он услышал разговор, а я?

В общем, я не мог ничего понять и решил посоветоваться с Профессором. А он выслушал меня, поправил очки и сказал, что все очень даже просто и понятно: Андрей не хочет подрывать авторитет Сергея Сергеича, потому что это неблагородно. Ведь такие ребята, как, например, Витька Панков, вообразят черт знает что и сразу начнут задаваться.

— И вообще как-то некрасиво, что ты чужой разговор подслушал, — сказал Профессор и брезгливо поморщился.

Что же теперь делать? Если я все разболтаю ребятам — так это будет неблагородно. А если промолчу, Андрей подумает, что я испугался его кулаков. Просто безвыходное положение!

26 июля

Сегодня был совет дружины. Пригласили все наше звено.

Председатель совета Петя Дорошенко, которого

все зовут просто Петро, сказал, что скоро в лагере будут спортивные соревнования. Соревнования по бегу, прыжкам и метанию гранат будут проходить внутри отрядов — между звеньями. А в волейбольном состязании сборная команда нашего отряда встретится со сборной девчонок. Это они сами нас вызвали. Я предлагал отказаться. Очень нужно с ними связываться, даже как-то несолидно. Но Зинка подняла ужасный визг: «Ага, сдрейфили, сдрейфили!..» И Андрей тоже отличился: сказал, что девчонки играют не хуже нас (как у него только язык повернулся!). И еще он сказал, что у меня вообще по этому вопросу отсталые взгляды.

Капитаном нашей волейбольной команды назначили Андрея, а капитаном девчонок — Зинку. Впервые они встретятся как противники.

Я очень люблю играть в волейбол, и играю неплохо. Даже «гасить» умею.

Андрей знает это и включил меня в нашу команду. Он сказал, что мы будем тренироваться каждый день. Не понимаю, зачем это нужно. Девчонки смеяться над нами будут, скажут: «Вот уж пыхтят, вот уж стараются!» А мы у них и так выиграем, без всяких тренировок.

Потом совет обсуждал вопрос, который назывался так: «Инициатива звена Андрея Глебова». Эту самую инициативу все поддержали и решили, что каждый пионер должен оказать какую-нибудь, хоть самую маленькую, помощь городу. Мы берем шефство над костнотуберкулезным санаторием.

Стали составлять список ребят, которые пойдут в санаторий. Я протиснулся к самому столу, за которым сидел Петро, и попросил:

— Запиши, пожалуйста, меня!

Андрей дернул меня за рукав:

— Ты же в волейбольную команду записался!

— Ну и что же? — ответил я. — Успею и туда и сюда. Ты уж обо мне не беспокойся.

— Очень мне нужно о тебе беспокоиться! Я о команде беспокоюсь, а не о тебе.

С Андреем происходит что-то неладное. Особенно ясно я почувствовал это вечером.

Мы собрали секретный сбор своего звена. Андрей изложил план, который уже был мне известен.

— Надо как можно быстрей узнать имена героев, которые погибли на том самом месте! И всю их историю узнать!

— А может быть, и описать эту историю? — предложил Профессор.

— Очень ценная мысль, — согласился Андрей. — Напишем небольшую книгу об их подвигах. Издавать ее не будем (говорят, что это — канительное дело!), а просто подарим ее пионерам города. Согласны?

Все мы согласились.

— Тогда нужно выбрать спецдвойку для выполнения всех этих заданий.

Профессор сказал, что слово «спецдвойка» звучит как-то нехорошо: напоминает об отметках.

— Тогда изберем спецбригаду, — предложил Андрей. — Кто хочет войти в нее?

Я первый поднял руку. И тут Андрей как подскочит, словно у него внутри что-то взорвалось:

— Сашка хватается сразу за десять дел! Всюду хочет поспеть. Он и в санаторий, он и в волейбольную команду, и в бригаду — всюду готов! Да еще с собакой возится. Несерьезно это... Ты бы, Саша, подумал над собой, вот что!

Я даже вздрогнул. Эти слова: «Подумай над собой!» — мне часто говорила Галка.

Мама ее поправляла: «Не «над собой», а «о себе», ты хочешь сказать?»

Но Галка, которая всегда хвастается своей грамотностью, и в другие разы упорно повторяла: «Подумай над собой!» Так ей, видно, больше нравилось.

Она так часто это повторяла, что я даже пытался несколько раз подумать, да все никак не получалось.

Только, бывало, начну о себе думать, а меня в кино позовут или на каток нужно ехать, или еще куда-нибудь. Так ни разу «над собой» и не подумал. И не собираюсь вовсе! Пусть Андрей это запомнит крепко-накрепко.

В спецбригаду выбрали Профессора и Вано Гуридзе. Как наиболее «литературно одаренных». А может быть, я тоже «литературно одаренный»: вот уж какой день пишу свой дневник! И мне это даже начинает нравиться.

27 июля

Высоко над морем стоит каменный дом с башнями. Мы заметили его еще в день нашего приезда в лагерь. Раньше, до революции, в этот дом приезжал на лето какой-то граф. Все лето граф веселился, безобразничал, а осенью уезжал в Петербург. После революции граф удрал за границу.

Дом с башнями — самый красивый в городе. Здесь устроили санаторий для детей, больных костным туберкулезом. Еще до войны сюда привозили больных ребят со всех концов страны. А когда началась война, санаторий эвакуировался. В красивом доме жил фашистский генерал, поэтому его не разрушили.

И сейчас здесь — снова санаторий. Больные ребята лежат в гипсе по два — три года, а иногда и больше. Наши врачи придумали новый способ лечения: ребята круглый год лежат на свежем воздухе — на верандах, под навесом. Зимой их закутывают в меховые мешки, но не увозят с веранды.

Но что самое удивительное — ребята продолжают учиться, они ни на один год не отстают от нас. В санатории есть учителя по всем предметам. Больным ребятам устраивают и контрольные работы и экзамены. Они переходят из класса в класс. Они много читают, слушают радио, разучивают новые песни.

Почти все ребята вылечиваются, выздоравливают и уезжают из санатория. Но не забывают о нем.

Они пишут письма своим учителям, врачам, санитаркам...

Все это нам рассказал главный врач Савелий Маркович, пока мы гуляли с ним в саду около санатория.

Дело в том, что мы пришли в санаторий в то время, когда ребят осматривали врачи. А порядки там строгие, и нам пришлось подождать.

В парке росли какие-то огромные деревья и было много птиц.

Скоро врачебный обход кончился, и нас позвали на веранду. Я волновался. Мне казалось, что ребята, которые так долго лежат в постели, должны быть угрюмыми, печальными. Но они встретили нас радостно. У них были розовые, веселые лица. Даже как-то не верилось, что эти ребята так тяжело больны.

Мы привезли с собой костюмы и декорации, чтобы повторить концерт, который подготовили к открытию лагеря.

Наши «артисты» сегодня очень волновались. Даже я свою немую роль исполнил, как говорят, с особенным подъемом. На меня снова надели гимнастерку, галифе и огромные сапоги. Но уж сегодня я не забыл приколоть к гимнастерке погоны.

А Мастеру пришлось показывать свои фокусы целых три раза. Ребята приподнимались на постелях и старались разглядеть, в чем секрет каждого фокуса.

И тут же нас пригласили на большой праздник: на днях санаторию исполняется пятнадцать лет. Ребята готовят к празднику разные выступления. А потом всем покажут новый фильм. Его ребята ждут с особенным нетерпением.

Во время концерта я заметил одного мальчика. Он чем-то отличался от всех других ребят. У него было строгое, даже грустное лицо. За весь концерт он ни разу не улыбнулся. Только когда на сцену привели пленного фашистского генерала, мальчик приподнялся и крикнул:

— Ага, попался!

Я подошел к постели этого мальчика, но не знал, с чего начать разговор. Мальчик как будто совсем и не замечал меня. На вид ему было лет тринадцать.

— Можно, я здесь сяду? — спросил я.

— Садись, если хочешь, — мрачно ответил он.

Я сел, помолчал немного, а потом спросил:

— Хочешь, я напишу письмо твоим родным или знакомым? Ты продиктуй, а я напишу.

— У меня нет родных. И знакомых нет, — ответил мальчик.

Он вынул из-под одеяла руку, чтобы поправить подушку. И тут я заметил, что на руке у него выжжен номер.

— Что это у тебя? — не подумав, спросил я.

— А ты не видишь, что ли? Номер это... клеймо. А зачем — это ты у фашистов спроси!

— Ты что же, в плену был?

— В плену? Ну нет! В плен я бы не сдался. В лагерь они меня посадили за связь с партизанами...

Мальчик рассказал мне, как в его родное село, под Гомелем, пришли фашисты и как он помогал партизанам. Враги заподозрили его и посадили в концлагерь. Там мальчика били палками по спине. Он голодал. И вот у него началась тяжелая болезнь.

— Многие наши ребята побывали в руках у фашистов. Здоровым оттуда не уйдешь! — сказал мой новый знакомый.

Несколько минут мы молчали. А потом мальчик очень тихо и очень грустно сказал:

— А мамку и братишку фашисты расстреляли. Отец на войне пропал. Вот и нету у меня сейчас родных. И письма писать некому... Вот только старшей сестре я все-все рассказываю. Да она тут, рядом... Ей письма писать не надо.

— Значит, у тебя есть старшая сестра? — обрадовался я. — А ты говоришь — родных нету!

— Это не такая сестра, а медицинская, понимаешь? Да она мне все равно что родная.

Я хотел сказать что-нибудь хорошее, ласковое, но никаких слов у меня не нашлось, и я только спросил:

— А как тебя зовут?

— Пашкой... Павлом.

— Как Корчагина, значит?

Мальчик удивленно посмотрел на меня и ничего не ответил.

Вскоре наши ребята начали собираться обратно в лагерь. На прощание я спросил:

— Павка, можно я буду приходить к тебе?

Я и сам не заметил, как назвал мальчика Павкой.

— Заходи, если хочешь.

28 июля

Мы рассказали Сергею Сергеичу о своих планах. Сказали ему правду, но не всю, не до самого конца. Сказали, что хотим написать книгу о партизанах города. А больше мы ему ничего не сказали. Сергей Сергеич разрешил нашей спецбригаде ходить в город и

узнавать все, что нужно. Разрешил! А меня в бригаде нет... Разве это справедливо?

Пусть меня не включили в бригаду, а я хочу быть в ней. И буду! Профессор и Вано даже не узнают, что я буду следовать за ними по пятам. Всюду, всюду!.. Так я решил сегодня утром. А после «мертвого часа», когда спецбригада вышла из лагеря, я тайком пошел за ней. Я и Смелого захватил с собой. Пусть учится ходить по следам, следить и искать!

Было очень трудно идти так, чтобы нас не заметили. Местность открытая, даже спрятаться некуда. Одни только тополи спасали нас.

Я шел затаив дыхание. Зато уж Смелый сопел за двоих. А Вано Гуридзе, как назло, каждую минуту останавливался, оборачивался и хватался за собственную пятку. Видно, что-то попало ему в тапочку. Нам со Смелым из-за этой тапочки приходилось каждую минуту шарахаться в сторону. Вано вообще всегда вертится, как волчок, минуты не может постоять спокойно. Он говорит, что в его жилах течет очень горячая кровь. Не понимаю только, как он со своей горячей кровью линейку проспал?

Первым делом спецбригада зашла в райком комсомола. Тут уж я, конечно, не мог следовать за ней. А как раз напротив был маленький магазинчик, и оттуда было очень удобно наблюдать. Мы со Смелым и зашли туда. В магазине продавали рыбу с очень чудным названием — «барабулька». Люди заходили в магазин, и каждый спрашивал: «Есть барабулька? Есть барабулька?» Голоса сливались, и получалось какое-то смешное бульканье: буль-буль-буль...

Я стал читать объявления, расклеенные по стенам. Тут же висели и «Правила поведения детей и подростков в общественных местах». Интересно, а кто я — «дитя» или уже подросток? Я стал читать «Правила» и узнал очень много нового. Оказывается, на сеансы позже шести часов детям ходить нельзя. А я до сих пор не знал об этом и преспокойно себе ходил.

Я до того зачитался, что даже забыл следить за дверью райкома. Но вдруг, на мое счастье, кто-то наступил Смелому на лапу — он завизжал, поднялся крик: «Безобразие! Ходят в магазин с собакой! Вы бы еще слона привели!» — и так далее. При чем тут слон? Уж люди, когда разозлятся, прямо не соображают, что говорят.

Я вспомнил о нашей спецбригаде, посмотрел в широкое окно витрины и увидел, что Профессор и Вано как раз выходят на улицу.

Мы со Смелым вновь последовали за ними. Конечно, на некотором расстоянии. Профессор и Вано зашли в садик, где стоял памятник партизанам, и переписали себе в блокноты все имена, которые были высечены золотыми буквами на мраморе. А потом они направились в сторону моря. И мы туда же.

Спецбригада дошла до того места, которое в городе называют Высоким берегом. Все здесь было разрыто, как будто только вчера кончились бои. Траншеи еще не были засыпаны землей. Часто попадались столбики, к которым были прибиты маленькие таблички, на вид точно такие же, как стоят на бульварах со всякими там строгими предупреждениями: «Не рвать цветы!», «Не мять траву!» Только кругом не было ни травы, ни цветов и на табличках было одно лишь слово: «Разминировано». То тут, то там поднимались небольшие холмы. Но когда я подходил ближе, то оказывалось, что это не холмы, а дзоты. Какие жестокие шли здесь бои! А вот теперь тихо-тихо. Даже как-то странно...

Я так задумался, что перестал следить за нашей спецбригадой. А она вдруг исчезла куда-то. Уж не спряталась ли в какую-нибудь траншею.

— Смелый, ты не видел? — спросил я.

Но он в ответ лишь споткнулся и чуть не полетел в глубокую воронку от бомбы.

Дойдя до самого обрыва, я понял, куда исчезли ребята. Они спустились вниз, к морю, по узкой каме-

нистой тропинке. Спускаться за ними было нельзя: я бы тут же выдал себя. Тогда я на животе подполз к самому краю обрыва, свесил голову вниз и только было собрался наблюдать, как вдруг один довольно увесистый камешек сорвался вниз и тут же послышался голос Вано:

— Ой, что это?

«Прямое попадание!» — подумал я.

Хотел отползти от края обрыва, но тут же целый град камней, задетых мною, посыпался вниз.

Вано взбежал по каменистой тропинке наверх, чтобы узнать, кто это обстреливает спецбригаду. И увидел нас со Смелым.

Но он почему-то вовсе не удивился, а даже обрадовался:

— Иди, Сашка, сюда! Иди! — и потянул меня за руку.

Мы стали спускаться по тропинке. Вано все торопил меня, тянул и тянул.

— Да тише ты, мы же собаку задушим! — крикнул я, потому что веревочный поводок натянулся, как струна: Смелый отставал.

На берегу я увидел небольшой памятник. Он был сделан из серого гранита. Волны докатывались до него. Они еле-еле, очень осторожно и бережно касались гранитного подножия. И тут же откатывались назад. На сером камне было высечено: «Здесь в 1942 году сражались с фашистами и погибли смертью героев отважные воины из батальона старшего лейтенанта Михайлова».

Бойцы старшего лейтенанта Михайлова продолжали сражаться, когда весь город был уже занят фашистами. Герои отошли до самого берега. Когда же они увидели, что патронов больше нет, а за спиной у них море, они с ручными гранатами бросились на врагов. Вот какие бывают люди!

Все это Вано и Профессор узнали в райкоме комсомола и пересказали мне.

— А о партизане с инициалами «В. А.» никто ничего не знает. И кличка «Бородач» никому не известна, — грустно сказал Профессор.

— Ничего, ничего! — подбодрил его Вано. — Будем искать. А кто ищет, тот всегда найдет!

Последнюю фразу Вано не проговорил, а пропел на мотив известной песенки. У нашего Вано очень хороший голос. Уж его-то не приходится «загонять в хоровой кружок», он там самый главный, или, как это называется, запевала. Катя говорит, что если Вано будет учиться, так из него вполне может выйти толк. Она, наверное, хочет сказать, что Вано может стать артистом.

Вот здорово было бы! Прихожу я когда-нибудь, через много-много лет, в Большой театр, покупаю программу и читаю: «Евгений Онегин — Вано Гуридзе». Я, конечно, рассказываю всем кругом, что это тот самый Вано, с которым мы были в пионерском лагере и который однажды проспал линейку. Никто, конечно, мне не верит. А в конце первого действия, когда Вано выходит раскланиваться, я подбегаю к самой сцене. Вано тут же узнает меня, машет мне рукой, и все убеждаются, что это действительно тот самый Вано. И уж потом все смотрят не на сцену, а на меня... Но все это будет очень не скоро. А пока что, значит, мы возвращались в лагерь.

Когда мы уже подходили к самому лагерю, Профессор вдруг спросил:

— А ты, Саша, как, собственно говоря, оказался в городе?

— Шел за вами по следам. Как невидимка!

— Но ведь звено решило тебя в бригаду не включать!

— Подумаешь, «звено решило»! А если оно неправильно решило — тогда что?

— Так ведь в лагере была волейбольная тренировка, — вспомнил Вано. — А ты, значит, ее пропустил? Эх, несерьезный ты парень...

Опять то же самое! Дома Галка целые дни трезвонит: «Несерьезный ты парень, легкомысленный ты человек! Не умеешь отвечать за свои поступки!» И здесь то же самое начинается. Ну уж простите, пожалуйста! Галка — так та хоть в девятом классе учится. А Вано и Профессор, как и я, в шестом. От них уж я и подавно не буду терпеть всякие оскорбления!

А девчонки, между прочим, если узнают, что мы каждый день тренируемся, так просто смеяться над нами будут. Скажут: «Испугались!» Зинка первая же скажет.

29 июля

Сегодня в лагере устроили шахматный турнир. По-моему, я и в шахматы играю хорошо. И поэтому решил принять участие в турнире. Меня долго отговаривали: говорили, что желающих играть много, а шахматных досок мало... Но я проявил характер (Галка еще говорит, что у меня нет воли!) и настоял на своем. А почему же я должен не участвовать в турнире, если хорошо играю!

Правда, я не имею никаких категорий, как, например, Профессор. Он имеет целую четвертую категорию и очень гордится этим. Я думал, что мне сперва нужно будет сдать на первую категорию, потом на вторую, потом на третью и лишь после этого я смогу дотянуться до Профессора. Но когда я высказал все это главному судье турнира Петро, то он расхохотался и сказал:

— Ты что думаешь, в шахматах так же, как в школе: единица — самая плохая отметка, а четверка и пятерка — самые высокие? Ошибаешься, дорогой! Там все наоборот: первая категория — самая высокая, а четвертая — самая низкая.

И снова расхохотался. А что же тут, собственно говоря, хохотать? Я же не виноват, что в шахматах все наоборот!

По правде говоря, я не очень хорошо знаю теорию шахматной игры. То есть я знаю одну теорию, которая называется теорией «киндер-мата». При ее помощи можно очень легко поставить мат в четыре хода. Только надо, чтобы твой противник плохо играл. Может, одной этой теории маловато? Вот Профессор, например, знает всякие там староиндийские, новоиндийские, среднеиндийские и многие другие партии. Но я думаю — не в теориях дело. И не в категориях. Важно голову на плечах иметь — вот что важно!

Есть, правда, у меня как у шахматиста один небольшой недостаток: я очень люблю брать ходы назад. Я полагаю, что в этом нет ничего особенного. Ведь я же не чужой, а свой собственный ход беру назад и сам же заменяю его другим ходом.

Но, когда я объяснил все это нашему судье Петро, он опять расхохотался, чтобы я не строил из себя дурачка, и еще раз напомнил мне, что в турнире ни одного хода назад брать нельзя.

И это очень осложнило все дело.

А Вано Гуридзе, с которым мне пришлось играть, даже не разрешал дотрагиваться до фигуры: если, например, дотронешься до пешки, то обязательно должен ею ходить, а ладьей уже нельзя. А что, если у меня руки сами собой двигаются от волнения и задевают за фигуры? Я же не виноват.

Вот Вано, например, все время хватается за голову, и за стул, и за столик. А я за одни только фигуры. У каждого своя привычка.

Но Вано со мной не согласился и сказал, что хвататься за голову шахматными правилами не запрещено, а за фигуры — запрещено. И вот, когда я однажды совершенно случайно и буквально еле-еле дотронулся до королевы, Вано приказал мне ходить именно ею. А ей ходить было совсем некуда, только на одну клетку вбок. И то в этом случае она попадала под вражеского коня.

Витька Панков, следивший за нашей игрой, ехидно сострил:

— Лошадь Вано Сашкину королеву переехала!

А разве можно играть без королевы! И вот на семнадцатом ходу я сдался. То есть не сразу сдался, я еще пытался спорить, но главный судья Петро сказал, что по всем шахматным правилам Вано прав. Тогда я сказал, что такие странные правила мне не подходят и что я больше участвовать в турнире не буду.

— Теперь уж ты не можешь выбывать из турнира! Надо будет заново всю таблицу составлять! — закричал Вано и замахал руками. И еще он сказал, что потеряет из-за меня одно очко.

Как только я услышал, что Вано, на которого я злился, может потерять из-за меня очко, так уж окончательно заявил:

— Не буду играть — и всё!

А тут еще прибежал Капитан и начал кричать, что я уже второй раз пропустил волейбольную тренировку и что Андрей назвал это «вопиющей безответственностью».

Капитан теперь прямо не отходит от Андрея. И всякие его задания выполняет, словно адъютант или оруженосец какой-нибудь. Я даже переименовал его в «Санчо Пансо». Но Профессор сказал, что я просто ревную Андрея к Капитану.

Вот уж, в самом деле, наш Профессор любит иногда поумничать! Ну, при чем тут слово «ревную»? Оно совсем в других случаях употребляется.

Значит, Капитан сказал, что Андрей считает мое отношение к тренировкам «вопиющей безответственностью». Тогда я очень обрадовался и сказал главному судье Петро:

— Вот видишь, не могу дальше участвовать в шахматном турнире, потому что должен бывать на волейбольных тренировках.

На этот раз Капитан прибежал вовремя.

30 июля

Во время чая Катя подошла ко мне и сказала:

— Саша, а ты в костнотуберкулезный санаторий не собираешься? К тому мальчику, с которым разговаривал, помнишь?

Наивный вопрос: помню ли я про Павку! Да я как раз после чая собирался идти к нему. Без всяких Катиных напоминаний. А теперь вот получится, что она меня подтолкнула... И как это она успела заметить, что я с Павкой разговаривал? Все-таки какая наблюдательная!

Я допил чай, запихал в рот булку, а сахар понес Смелому (уж который день чай без сахара пью, даже привыкать стал). И мы отправились в санаторий. По дороге Смелый очень смешно гонялся за бабочками. А они, как будто нарочно, дразнили его: то покружатся перед носом, то сядут на ухо, то на хвост... Ни одной бабочки Смелый, конечно, не поймал и приплелся в санаторий с грустной, разочарованной мордой.

На большой веранде было очень шумно. Все готовились к завтрашнему празднику: кто разучивал песню, кто читал стихи, а в углу ребята, лежа в постелях, репетировали отрывок из какой-то пьесы. Только Павка один ничего не репетировал, а лежал молча и, как мне показалось, глядел в потолок. Когда я подошел ближе, то увидел, что он лежит с закрытыми глазами, но не спит. Я подсел к его постели, а Смелого уложил рядом на полу.

— А ты разве завтра выступать не будешь? — спросил я.

Павка только тут обратил на меня внимание.

— А? Пришел? — как-то безразлично произнес он.

— Почему ты не готовишься к празднику? — снова спросил я.

— Очень нужно! — Павка презрительно усмехнулся. — Песенки, стишки всякие...

В это время Павка нечаянно свесил руку вниз и коснулся морды Смелого. А тот как огрызнется!

— Кто это там? — удивился Павка.

Он не мог заглянуть под кровать. Я поднял Смелого и усадил его к себе на колени.

— Собака? Настоящая овчарка? — воскликнул Павка и стал гладить Смелого.

Пес пытался ворчать, но я шлепнул его несколько раз и приказал:

— Сидеть смирно! Не огрызаться у меня!.. Ишь какой, пришел в гости — и огрызается!

Тут же я решил, что пятым человеком, которого Смелый должен считать «своим», будет Павка.

А Павка прямо весь переменился: так обрадовался щенку.

— Приходи, — говорит, — к нам завтра обязательно. У нас кино будет, новую картину обещали привезти. Я кино до смерти люблю. А ты? И книги я люблю читать. Особенно «Тома Сойера». Ты читал? Вот уж отчаянный был парень! Если бы он в нашей деревне оказался, так уж наверняка помогал бы партизанам.

— Факт — помогал бы! — согласился я.

А Павка все рассказывал и рассказывал:

— Я знаешь сколько книг здесь прочитал! Названия я не все запоминаю и фамилии писателей тоже... Но это ведь неважно, как ты думаешь?

— Конечно, неважно! — согласился я.

— Но зато я содержание помню всех книжек до одной! Больше всего я люблю читать про путешествия и про всякие геройские подвиги. А еще люблю старые, прямо до дыр зачитанные книжки. Знаешь, бывают такие. Они еще так приятно попахивают земляным погребом. Замечал? И все состоят из отдельных пожелтевших листочков, а некоторых страниц даже не хватает. И всегда их не хватает в каком-нибудь самом интересном месте. Уж это я заметил! А ты?..

— Ага, замечал...

— И я, знаешь, всегда думаю: а что такое прои-

зошло на этих самых вырванных страницах? И очень часто догадываюсь!

Откровенно говоря, я удивился, что Павка, лежа на спине, мог так много читать. А он как будто отгадал мои мысли и сказал:

— Мне чаще всего старшая сестра читает, Марфа Никитична. У нее сегодня выходной день. Но она все равно ко мне приходила. И почитала немножко. Она, знаешь, привыкла сыну своему, когда он маленький был, вслух читать. А сейчас сын ее куда-то уехал, далеко-далеко... Она все ждет его, все ждет... И грустит очень. Но он, наверное, скоро вернется. Знаешь, как она ждет его?

— А теперь он большой уже? — спросил я.

— Не знаю... Как-то неудобно спрашивать. Она сама когда рассказывает о нем, и то плачет. А тут еще вопросы всякие задавать... Но он скоро вернется, я так думаю.

— И куда он уехал, не знаешь?

— Да говорю тебе — не спрашивал!

— Ага, понятно...

— Раз сама не рассказывает, значит, и спрашивать нечего. Она ему много новых книг приготовила. Очень много. И пока что мне их читает. Но и потом, когда он вернется, она все равно мне читать будет. Ведь правда?

Когда я поднялся, чтобы уходить, Павка сказал:

— Приходи завтра. Новую картину посмотрим. Я прямо дождаться не могу... Только жалко, что картины по одному разу прокручивают. Сразу-то не всё разберешь!

Павка стал совсем другим, даже в гости меня пригласил. Вот как хорошо, что я захватил с собой Смелого!

Прощаясь с Павкой, я сказал:

— Завтра пораньше приду. Помогу вам подготовиться. Ладно?

— Приходи когда хочешь, — снова безразличным голосом ответил он.

И почему это у него так быстро меняется настроение?

31 июля

Ночью я проснулся от странного шума. Спросонок я не мог разобрать, в чем дело. Открыл глаза и почувствовал, что из окна прямо в лицо летят холодные водяные брызги. Край моей подушки был совсем мокрый. Тогда я понял — на улице идет дождь.

Это был первый дождь со дня нашего приезда в лагерь. В комнате сразу стало свежо и приятно. Дождь, наверное, был очень сильный, если брызги долетали до моей постели.

Вдруг я услышал, как тихо скрипнула дверь. Я притворился спящим. В комнату на цыпочках, боясь разбудить нас, вошла Катя. Она прикрыла окно — брызги перестали лететь на мою подушку. Потом Катя подошла к Профессору, поправила одеяло на его постели и вышла. Форточка осталась открытой, и сквозь нее в комнату лилась прохладная-прохладная струя.

Утром дождь продолжал бубнить по крышам.

Профессор сказал, что это настоящий южный ливень. И откуда он все знает: настоящий или не настоящий?..

Мы сегодня не пошли на море, а только смотрели на него из окна. Море почернело. Огромные волны, грохоча, набегали на берег, как будто хотели смыть и пляж и все кругом. Было очень красиво. Иногда даже казалось, что все это происходит не в жизни, а на картине.

Наши ребята собрались в большой комнате. Здесь Сергей Сергеич и Катя устроили обсуждение повести писателя Аркадия Гайдара «Тимур и его команда». Все мы очень любим эту книгу.

Но мне было не до чтений и не до обсуждений.

Ведь сегодня в три часа дня должен начаться большой праздник у ребят в санатории. Неужели дождь помешает нам пойти туда?

Я вспомнил, что обещал Павке прийти пораньше и помочь подготовиться к празднику. Неужели все сорвется? Неужели дождь будет лить до самого вечера?

Но дождь, видно, решил не мешать нам. Часам к двенадцати небо прояснилось, засинело, выглянуло солнце. Дождь постепенно затих.

После обеда я попросил Сергея Сергеича освободить меня сегодня от «мертвого часа». Я объяснил старшему вожатому, почему мне нужно пойти в санаторий немного раньше других.

— Завтра днем примешь двойную порцию сна! — засмеялся Сергей Сергеич.

Я побежал в санаторий. Но добраться до него было не так-то легко. Мне показалось, что дождь затопил весь городок. Он размыл дороги. Всюду были огромные, глубокие лужи. Мне попадались телеги и машины, которые увязли в грязи, буксовали и не могли выбраться. В одном месте было особенно много воды: маленькая речушка, текущая к морю, разлилась и затопила целую улицу. Я снял тапочки и пошел босиком. Вода доходила мне до самых трусов.

Наконец я добрался до санатория и по широкой лестнице взбежал на веранду. В разных концах веранды ребята, как и вчера, готовились к празднику. На стульях лежали какие-то венки, разноцветные ленты, обручи. Но я сразу заметил, что у многих ребят грустные лица. Особенно угрюмый вид был у Павки. Около его постели стояла молодая учительница и о чем-то упрашивала его. А Павка упрямо твердил:

— Сказал — не буду, значит, не буду! Не буду — и всё!

— Вот он всегда так: если решит что-нибудь, не переубедишь его ни за что! — с досадой сказала учительница и отошла от Павкиной постели.

Мне даже стало жалко ее.

— А чего это ты «не будешь»? — спросил я у Павки.

— Выступать не буду. Не хочу и не буду. Что я, артист, что ли? А она заладила: «Расскажи, расскажи...»

— Ты разве собирался выступать?

— Мало ли что было раньше! Я хотел рассказать о том, как Павка Корчагин матроса Жухрая освобождал. Я ведь перечитал вчера эту книгу...

— А почему вдруг перечитал?

— Просто так...

Но я-то хорошо понял, почему он перечитал: потому что я прозвал его «Павкой». Вот почему!

— А теперь все изменилось, — сказал Павка.

— Что же изменилось?

Оказывается, изменилось очень многое: кинокартину, которую так ждал Павка, сегодня показывать не будут. Картину эту в последние дни показывали в совхозе. Из совхоза ее сегодня должны были привезти в санаторий. Уже с вечера приготовили подводу, чтобы утром послать ее в совхоз, но дождь размыл все дороги: ни санаторный грузовик, ни подвода не смогли проехать. А ведь до совхоза не близко — семь километров.

Был один выход — пойти в совхоз пешком. Но кто мог пойти? Шофер и конюх санатория — оба инвалиды. Сестры не могут оставить ребят. Да и не женское это дело — шлепать по грязи. Савелий Маркович хотел было пойти в совхоз сам, вместе с другим врачом. Но идти нужно было босиком, засучив брюки до колен, а у Савелия Марковича ревматизм. Я понял, что, если картину не доставят в санаторий, весь праздник будет испорчен. Что же делать? Как помочь ребятам?

И вдруг я понял! Ну конечно, мы, пионеры, которые взяли шефство над санаторием, должны наперекор всем дождям и лужам пройти в совхоз и принести оттуда кинокартину!

— Павка, можешь выступать на концерте. Можешь! Картина будет. Честное пионерское, будет, вот увидишь!

Не успел Павка спросить, в чем дело, как я, перепрыгивая через лужи, помчался обратно в лагерь. Был «мертвый час», но я поднял всех друзей, и мы тут же устроили экстренный совет.

Я коротко рассказал обо всем. Ребята поддержали меня. Даже молчаливый Мастер произнес целую речь.

Мы решили сейчас же бежать в санаторий. Но тут раздался голос Профессора:

— А как же Сергей Сергеич и Катя? Так они нас и пустят?

На радостях мы совсем забыли о наших вожатых. Разрешат ли они нам в такую погоду пройти по лужам четырнадцать километров?

Меня стали мучить сомнения. Конечно, может быть, Сергей Сергеич и разрешит. Он ведь сам тогда, в беседке, сказал, что нужно поддерживать нашу инициативу. Только он добавил, что ее нужно направлять в русло. Значит, может и не разрешить. А мы должны обязательно, во что бы то ни стало, прямо любой ценой, принести кинокартину: ведь я же обещал Павке, а он, уж наверное, всем ребятам передал, и все они ждут.

Я предложил пойти к Сергею Сергеичу и попросить его, как я просил уже сегодня утром, отпустить пятерых из нас в санаторий. Как будто для подготовки к празднику. Скажем, что картину не привезли и нам нужно подготовить физкультурные номера, чтобы показать их вместо кинокартины: Сергей Сергеич отпустит нас, а мы пойдем в совхоз. Все было очень просто. Но Андрей вдруг взбунтовался.

— Хватит! Врите сами, если хотите, — сказал он, — а мне надоело... Давайте попробуем сказать все как есть. А уж если не пустят, тогда посмотрим.

— Поздно будет смотреть. Мы же раскроем все свои планы, — возражал я.

— Вот еще придумал! — набросилась на Андрея и Зинка. — А если не разрешат? Тогда все пропало. Разве можно так рисковать?

И Витька Панков тоже сказал, что для такого случая вполне можно обмануть и что это будет даже очень честно.

— Честно обмануть? — усмехнулся Профессор.— Да вы забыли, что есть еще на свете сила убеждения. Это великая сила! Мы можем убедить Сергея Сергеича!

Одним словом, Профессор опять стал умничать. Спорить было некогда, и Андрей предложил решить все голосованием. Мы стали поднимать руки. Трое были за мое предложение, Андрей и Профессор — против, а Мастер воздержался. Значит, было принято мое предложение. Правда, всего одним голосом, но было принято! И зря! Но это я только сейчас понял, а тогда еще не понимал.

Андрей подчинился большинству: не пошел рассказывать Сергею Сергеичу о наших планах, но и обманывать тоже не пошел. А мы пошли — я, Витька Панков и Зинка.

Увидев нас, старший вожатый прежде всего спросил, почему мы разгуливаем во время «мертвого часа».

Я подтолкнул Витьку Панкова, и он начал, размахивая руками, рассказывать о том, как в санатории сорвался показ кинокартины, которую ребята так ждали. Дальше должно было пойти мое сочинение. Но Сергей Сергеич в этом месте оборвал рассказчика и спросил:

— Как это — сорвался показ картины? Почему сорвался?

— А кто же пойдет пешком по воде семь километров туда да семь обратно? — сказал я.

— Как это «кто пойдет»? А для чего же вы брали шефство над санаторием? — вдруг спросил Сергей Сергеич.

Я не поверил своим ушам. И тут же мы все, перебивая друг друга, загалдели:

— Сергей Сергеич, так вот мы и хотели пойти за картиной... Мы же понимаем...

«Хорошо, что еще не успели наврать!» — подумал я.

Для похода мы с Сергеем Сергеичем отобрали самых сильных и закаленных ребят. Решили, что в совхоз пойдут: председатель совета дружины Петро, наш прославленный спортсмен Витька Панков, Зинка, Андрей и я.

— А меня с собой возьмете? — спросил Сергей Сергеич. — Доверяете мне?

— Доверяем! Еще как доверяем! Это такой сюрприз, что вы с нами тоже пойдете!.. — затараторила Зинка.

Ну при чем тут «сюрприз»? Раздражает меня ее девчачья восторженность. Хорошо, конечно, что Сергей Сергеич пойдет с нами, но восторги тут излишни.

Вдруг в комнату вбежал Капитан. Дрожащим голосом он попросил:

— Можно, и я с вами пойду? Возьмите меня...

Глаза у Капитана блестели. Мы все поняли, что настал час, когда Капитан может окончательно доказать нам свою верность. И мы решили взять с собой Капитана.

Восьмым членом нашего отряда был, конечно, Смелый.

В санатории главный врач Савелий Маркович долго не мог прийти в себя, узнав о нашем решении. Он пожимал нам руки и много раз говорил «спасибо». Мне даже неудобно стало: чего уж так особенно благодарить!

Нам дали бумажку, которую Сергей Сергеич назвал доверенностью, и еще какую-то квитанцию. Все это Сергей Сергеич должен был передать директору клуба, когда мы придем в совхоз.

Мы вышли в путь.

Где-то совсем близко шумело море. Оно как будто все время повторяло одну и ту же фразу, словно заучивало ее наизусть...

Дорога шла между кудрявыми виноградниками. Все эти виноградники, которые тянутся на много километров, принадлежат огромному совхозу «Заря». Но этот совхоз еще не самый большой в районе. В другое время мы бы, конечно, рассмотрели, как растет виноград, приметили бы все интересное. Но сейчас нам было не до того: мы хотели как можно скорее дойти до совхоза и вернуться обратно в санаторий.

Сначала мы совсем не замечали пути. Но примерно через час я начал уставать. Ведь мы прошли до совхоза не семь километров, а гораздо больше: все время приходилось кружить, обходя огромные лужи и канавы, наполненные водой.

В одном месте пройти было совсем нельзя: вся дорога была затоплена водой. Нам пришлось идти среди виноградников. Мы осторожно обходили кусты, стараясь не помять ни одного листочка. Но вдруг сзади раздался крик:

— Эй, стойте! Стойте!

Мы обернулись и увидели, что от вышки, поставленной посреди поля, к нам бегут двое мальчишек. Мы остановились. Запыхавшись, мальчишки подбежали к нам.

— Вы кто такие? — спросил один из них.

— Мы пионеры, из лагеря, — ответил за нас всех Андрей.

— Пи-о-не-ры?.. — недоверчиво протянул мальчишка. — А почему по полю ходите? Разве не знаете, что здесь ходить нельзя?

Мы объяснили им, в чем дело.

С важным видом мальчишки начали совещаться между собой.

— Странно, — сказал один.

— Надо бы их отвести к Петровичу, — посоветовал другой.

Меня удивило нахальство мальчишек: вдвоем они хотели арестовать и вести куда-то семерых. Смелый сердито зарычал на незнакомцев.

— А откуда же у вас собака? — продолжал допрос один из мальчишек.

Мы и это тоже объяснили. Тогда мальчишки потребовали наши документы. Сергей Сергеич показал бумажки, которые нам дал Савелий Маркович. Ребята прочитали эти бумажки, посовещались и наконец решили отпустить нас. На прощание Сергей Сергеич спросил у ребят:

— А вы-то здесь какую службу несете?

— Сторожевую. Не видите разве? Вон там — пионерский пост, — сказал один из мальчишек и указал рукой на вышку.

— Ну что же, хвалю за зоркость! — сказал Сергей Сергеич.

— А нам похвалы-то ни к чему. Мы свое дело знаем, — важно ответил один из пареньков.

«Сторожа» побежали на свой пост, а мы пошли дальше.

Но вот показалась большая арка: «Совхоз «Заря». Мы узнали, где находится клуб, и сразу пошли туда. В очень красивом зеленом парке совхоза, среди клумб и дорожек, посыпанных песком, стоял каменный дом. Это и был клуб. Мы сразу нашли директора клуба, и Сергей Сергеич объяснил ему, зачем мы пришли.

Директор удивленно посмотрел на нас и сказал:

— А мы уже объявили вечерние сеансы: думали, что по такой грязи никто к нам не доберется.

— Придется отменить ваши сеансы, — ответил Сергей Сергеич.

Но директор клуба смотрел на нас все еще недоверчиво.

— Вы, что ж, и есть больные ребята? — спросил он.

— Нет, мы из пионерского лагеря. Мы москвичи, — сказала Зинка.

— И что ж, вы, москвичи, значит, для больных ребят стараетесь?

— Значит, стараемся...

Директор клуба заулыбался и начал хвалить нас. Он пригласил нас в кабинет, но документы все-таки спросил. Сергей Сергеич предъявил доверенность и квитанцию.

Минут через пятнадцать мы вышли из совхоза в обратную дорогу. Раньше я никогда не видел, как и в чем носят кинокартины. Оказалось, что их носят в круглых плоских коробках. В каждой коробке лежит одна часть картины. Сколько частей — столько и коробок. Коробки не тяжелые, но в каждой руке больше одной все равно не помещается. Всего нам дали десять коробок. Витька Панков, Капитан и я несли по две коробки, а Сергей Сергеич, Андрей, Петро и Зинка — по одной.

Обратный путь показался нам очень трудным. Коробки были легкие, но руки все-таки уставали. Один раз Капитан поскользнулся и упал. Мы так и вскрикнули. Но Капитан вел себя героически. Падая, он думал не о себе, а о коробках с кинолентами. Он поднял коробки вверх и не замочил их. Только весь испачкался в грязи. Дальше Капитан шел прихрамывая. Андрей забрал у него одну коробку. Чтобы Капитан не грустил, да и чтобы нам было веселее, я попросил:

— Капитан, расскажи нам что-нибудь про своего отца, про его службу на море.

— Ну да, а потом скажете, что я хвастаюсь...

— А ты постарайся так рассказать, чтобы нам это и в голову не пришло, — улыбнулся Сергей Сергеич.

Но Капитан только махнул рукой и упрямо сказал:

— Не буду рассказывать!

Было не жарко, но я весь вспотел. Лица у ребят стали красными. Никто не показывал виду, что устал. Чтобы нам было легче идти, Сергей Сергеич затянул песню, а мы все подхватили знакомый мотив:

Легко на сердце от песни веселой,
Она скучать не дает никогда!..

Ко всему еще снова пошел дождь. Мы сняли свои красные майки, завернули в них коробки с кинолентами, а по нашим лицам, плечам и спинам текли струи воды, как будто мы душ принимали.

Так мы и дошли до санатория. Мы думали, что концерт уже окончился. Но оказалось, что его и не начинали: ребята хотели сделать нам приятное и поэтому ждали нашего возвращения. Когда мы пришли, нас встретили криком «ура».

И вообще все смотрели на нас как на героев, а Сергею Сергеичу это очень не понравилось.

— Подумаешь, — сказал он, — прошлись под дождичком — велико ли дело!

Вот уж правильно сказал! И зачем это из мухи слона раздувать?..

Начался концерт. Ребята пели, читали стихи и... плясали. Да-да, ребята, лежа в постелях, плясали. Они не могли встать, но делали такие плавные движения руками, что нам казалось, будто они и в самом деле танцуют. В руках у них были разноцветные ленты и обручи.

А потом Павка читал отрывок из книги «Как закалялась сталь». Он так размахивал руками и делал такое отчаянное лицо, что всем казалось, будто он сам оседлал белогвардейского солдата и освободил из-под стражи матроса Жухрая.

Потом сестры перевезли кровати ребят в большой зал. Окна там были закрыты синими шторами, а на стене висела белая материя.

Потушили свет. И все прочитали название картины — «Чапаев». Что тут поднялось!

— Вот здóрово! — кричали ребята. — Это лучше всякой новой картины!..

А я подумал: «Как странно, что боевые атаки, отступления и наступления и даже целая река Урал — все это умещалось в плоских металлических коробках, которые мы несли под дождем. До чего только люди не додумаются!..»

1 августа

Утром на пляже мы опять учили Смелого. Я подносил к его носу кость, потом отбегал подальше и зарывал кость в песок, а Капитан и Андрей крепко держали Смелого. Когда я возвращался, мы отпускали щенка и начинали в три голоса кричать: «Ищи, Смелый! Ищи!»

Смелый со всех ног бросался по моим следам. Он сбивался с пути, возвращался и наконец в каком-нибудь месте начинал разрывать лапами горячий песок. Щенок докапывался до воды, но кость так и не находил. Золотой песок прилипал к мокрой собачьей морде.

Наконец Смелый отказался от своих попыток

отыскать кость и с горя бросился в море. Дул свежий ветер. Вихри песка кружились в воздухе, потом опускались, чтобы через минуту снова подняться и снова заставить нас закрывать майками лицо, прятать глаза и затыкать уши. Волны все время подхватывали Смелого и выбрасывали его обратно на берег. Эта игра с волнами очень нравилась Смелому. Он визжал и совсем забыл про кость. А потом мы учили его бегать с «важным донесением».

В это время ко мне подошел Профессор. Лицо у него было возбужденное, и он все время поправлял очки.

— Сашка, знаешь, что я придумал? — сказал Профессор.

— Что?

— Давайте писать нашу книгу о партизанах вместе с ребятами из санатория. Им это будет знаешь как интересно! Ходить вместе с нашей бригадой, собирать материал они не могут, но писать они вполне могут.

— Ходить с вашей бригадой даже мне запрещено, — сказал я, но с предложением Профессора согласился. — Только о нашем открытии и о надписи — ни слова! — предупредил я.

— Это уж само собой. Да только ведь все наши поиски пока что напрасны: про партизана «В. А.» и про «Бородача» никто ничего не знает. О других партизанах мы очень много узнали, а о них ничего.

— Узнаем еще! — уверенно сказал я. — И весь план Андрея выполним. Вот уж это действительно будет сюрприз для всех! Как ты думаешь?

— Ну разумеется! — ответил Профессор.

Вечером мы пошли в санаторий.

Предложение наше ребята приняли с восторгом. Нужно было сообщить им все, о чем успела разузнать наша спецбригада.

Профессор и Вано, оказывается, уже начали писать книгу о партизанах. И вот в санатории Профес-

сор прочитал первые главы. Кое-чего я и сам не знал еще и поэтому очень внимательно слушал Профессора. А потом я взял у него тетрадь, чтобы переписать в свой дневник хотя бы самое начало нашей книги о партизанах.

...В городе, на берегу моря, на много километров раскинулся пляж из чистого, золотого песка. Это один из самых больших черноморских пляжей. Фашисты отгородили лучшую часть пляжа и повесили объявление: «Вход только для офицеров гитлеровской армии. За нарушение приказа — расстрел». Каждое утро гитлеровцы грелись на этом пляже, играли в карты, а потом купались.

И вот партизаны задумали смелую и хитрую операцию.

Незадолго до этого, напав на вражеский транспорт, они захватили много мин. Однажды ночью на то место пляжа, которое было огорожено, пробралась группа партизан. Они заложили в песке мины, захваченные у врага. А утром на пляж, как всегда, пришли гитлеровцы. Они разделись, побежали к морю и тут... стали один за другим подрываться на минах, спрятанных в песке.

Слушая Профессора, я представлял себе, как фашисты, совсем голые, с зеленым листочком на носу (чтобы не облупился!), подпрыгивали на минах... «Так им и надо!» — подумал я. И вспомнил разрушенный дом в городе — место гибели двух героев, имена и историю которых нам так нужно было узнать.

Павка сегодня впервые встретил меня радостно. Но все же он был чем-то смущен. Мне сразу показалось, что Павка хочет сказать что-то важное, но не решается.

Когда Профессор закончил чтение, Павка спросил меня:

— Саша, у тебя есть настоящий друг в лагере?

— Есть, — ответил я. И потом добавил: — Андрей — мой лучший друг!

Мне показалось, что ответ мой огорчил Павку. Он задумался, но потом махнул рукой и сказал:

— Ну и пусть есть! Ведь можно иметь несколько, а то и много друзей. Можно?

— Ну конечно, можно. Почему ты спрашиваешь?

— Потому что я хочу дружить с тобой. Только по-настоящему, на всю жизнь! Давай?

— Ну конечно, давай!

— Ты знаешь, когда вы первый раз пришли к нам, я злился. Думал: вот экскурсию устроили, пришли глазеть на больных ребят... Я думал, что нечего вам, здоровым, делать с нами, с больными. А потом я понял, что вы пришли дружить. Я понял это вчера, в дождливый день, когда вы в совхоз ходили...

— Это чепуха! — перебил я Павку.

— Нет, не чепуха. Пройти четырнадцать километров, может быть, и чепуха, но придумать это могли только настоящие друзья. И это уже вовсе не чепуха. Понимаешь?

— Понимаю, понимаю...

— Я знаю, что ты скоро уедешь в Москву. Но для того чтобы дружить, не обязательно жить в одном городе. Ты мне будешь писать письма, рассказывать про Москву. Будешь?

— Обязательно буду!

— А потом я выздоровлю, и ты приедешь ко мне на границу.

— Куда?

— На границу. Я, когда выздоровлю, стану пограничником. Чтоб враги больше никогда-никогда не пришли в мою деревню и вообще в нашу страну!.. Я обязательно выздоровлю, вот увидишь!

— Я знаю, — ответил я, потому что и вправду верил, что Павка станет здоровым и что он непременно будет пограничником.

Когда я уходил, Павка сказал мне шепотом:

— Сашка, приходи ко мне почаще!

Мы крепко пожали друг другу руки.

2 августа

Сегодня случилось самое неприятное за все время моей жизни в лагере: я поссорился с Андреем. И поссорился не просто так, не в шутку, а по-настоящему, и, кажется, навсегда.

Утро было солнечное, тихое и не предвещало ничего плохого. Все ребята с нетерпением ждали этого дня — дня спортивных соревнований. Я тоже слегка волновался, но совсем не потому, что боялся встречи с волейбольной командой девочек. Я знал, что мы ее обыграем. В школе я считался одним из самых лучших игроков и был уверен в себе.

Физкультурные занятия у нас в лагере начинаются после чая, когда спадает жара.

К пяти часам ребята собрались возле спортивных площадок. К нам в гости пришли и городские пионеры. Ровно в пять часов главный судья соревнований Петро дал свисток.

Сначала все участники выстроились в колонны и прошли мимо гостей. Грянуло дружное: «Физкультура!»

А потом на большой зеленой лужайке, где еще днем были поставлены ворота, началась футбольная игра.

В обеих командах были пионеры нашего, первого, отряда. Но у игроков одной команды к белым майкам были пришиты синие полоски, а у игроков другой — зеленые.

Раздался свисток судьи. Игра, как всегда, началась с центра. Я сразу понял, что лучше всех играет наш Витька Панков — центр нападения «синих». Он быстро «переиграл» нападающих другой команды и, вырвавшись вперед, повел мяч к воротам. Но уже у самых ворот защитники отобрали у Витьки мяч и послали его в центр поля. Вскоре Витька вновь прорвался к воротам противника, вновь налетели на него защитники. Витьке некому было передать мяч. Его атака опять закончилась ничем.

— Случайно не забил, — сказал я, ни к кому не обращаясь.

И вдруг услышал около себя сердитый голос Андрея:

— Нет, не случайно! Индивидуалист он, всё сам хочет.

Я удивился. Мне показалось, что Андрей неправ. Но спорить было некогда: надо было следить за игрой, и я ничего не ответил.

Вскоре «случайность» повторилась с Витькой еще раз: он снова один бросился в атаку, и снова у него ничего не вышло. Я видел, что Витька играет здорово — пожалуй, лучше всех. Почему же он не может забить гол?

— Следующий раз забьет, — уверенно сказал я.

Но Андрей со злостью ответил:

— Забьет? Вот посмотришь! Ни одного гола он не забьет.

— Почему ты так думаешь?

— Да потому, что он никого, кроме себя, не видит... Понимаешь, один хочет играть против одиннадцати человек!

Я еще не соглашался с Андреем, но начал внимательнее присматриваться к игре Витьки Панкова — и заметил, что он все время терял мяч потому, что вырывался вперед один, не пасовал — почти ни разу не передал товарищам мяча. Когда ему хотели помочь, он грубо кричал:

— Не мешай! Не лезь!

Возмущению Андрея не было предела.

— Будь я их капитаном, я бы выгнал его с поля! — сказал он.

— Как это «выгнал»?

— Да так! Заменил бы другим — и всё, раз он не хочет играть по-настоящему. Честь команды надо защищать, а не свою собственную!

Я не очень-то люблю Витьку за то, что он сильно рисуется. Например, когда он играет в волейбол, то

прыгает, как балерина. Он и не только на площадке воображает, он всегда ходит своей особой походкой: вразвалочку и руки держит чуть-чуть растопыркой, как все знаменитые чемпионы. Нет, я определенно не люблю Витьку. И все-таки, когда Андрей предложил выгнать его с поля, я не согласился. Я представил себе, как Витьку выгоняют из команды, как он на глазах у всех гостей и ребят бледный уходит с поля. Мне стало жаль его. Я прямо поразился жестокости Андрея.

Игра на поле обострилась. Нападающие «зеленых» Женя Ступин, Валя Ильин и Слава Шишкин пошли в наступление. Каждый из них в отдельности играл хуже Витьки, это мне было ясно, но зато они здорово сыгрались. Женя, Валя и Слава нападали сообща, они передавали мяч друг другу, все время пасовали. Они бегали медленнее Витьки, но он так набегался вначале, стараясь всюду поспеть, что к концу первой половины игры уже устал. А с поля то и дело неслось: «Женя, давай мяч, давай!», «Принимай, Валя!», «Слава молодец! Иди вперед, иди!»

Перед самым перерывом Женя удачно передал мяч Вале Ильину, и тот угловым ударом красиво забил гол в ворота «синих».

Вратарь «синих» Толя Пекарев упал, но было уже поздно.

Толя явно подражает знаменитым вратарям: он нарочно упал и долго не поднимался, хотя видел, что мяч уже пролетел мимо него. А когда встал, то сделал вид, будто больно ушибся, чтобы все видели, как он смело, не щадя коленок, защищал свои ворота.

Во второй половине игры нападающие «зеленых» все время атаковали. А наш Витька, как видно, совсем скис. В ворота «синих» было забито еще два гола. Игра так и закончилась победой «зеленых» со счетом 3:0.

Не успели смолкнуть аплодисменты, как главный судья Петро уже пригласил всех к волейбольной площадке. Я сразу забыл о футбольной игре, которая

только что кончилась. Я думал только об одном: сейчас на меня будут смотреть все пионеры, все гости — надо не ударить лицом в грязь!

Петро дал свисток, и игра началась.

Я играл третьим номером, а четвертым номером был Андрей. Я знал, что у него очень сильный удар. Когда Андрей «гасит», то все игроки, стоящие по ту сторону сетки, пригибаются: от его удара не поздоровится!

Вскоре мы с Андреем встали у сетки. Я должен был пасовать Андрею, подкидывать ему мяч на такую высоту, чтобы он мог сильно ударить — «погасить». Тут нужно было учесть и его рост и высоту его прыжка. Но я не был ни на одной тренировке и не сыгрался с другими как следует. Я подкинул мяч, но слишком низко. Андрей ударил, и мяч... врезался в сетку. Игра началась неудачно. Мы потеряли подачу. Хоть по мячу бил Андрей, но всем было ясно, что сплоховал на этот раз не он, а я.

Дальше игра шла довольно ровно. Я взял несколько трудных мячей. Но каждый раз, когда нужно было пасовать, у меня получалось плохо. Первую игру мы проиграли. Но девчонки ненамного опередили нас. Когда мы переходили на другую сторону площадки, Андрей сказал:

— Сашка, возьми себя в руки!

Вскоре я встал на подачу. Я хотел искупить свою вину перед командой и потому волновался. У меня даже руки дрожали. Я ударил по мячу, но в самый момент удара ладонь моя слегка соскользнула в сторону, и я с ужасом увидел, что мяч полетел не прямо, а вбок — на «аут».

В чем дело? Неужели я совсем отвык от мяча, от подач? Да, я давно не играл. А главное — не знал игроков своей команды и не привык к этой площадке. Но сейчас поздно вздыхать, надо взять себя в руки. Когда я ударил по мячу, рядом со мной послышался голос Вано Гуридзе:

— Эх, мазила!

На Андрея я даже боялся посмотреть. Я старался играть хорошо, поспевать всюду, но, как всегда бывает в таких случаях, у меня получалось еще хуже. Я даже пытался брать чужие мячи, но меня только ругали за это. Я сам чувствовал, что игра у меня не клеится. Но впереди еще было очень много времени, и я был уверен, что успею показать себя.

Мы с Андреем снова встали к сетке. На подаче у девочек была Зинка. Я знал, что она сильно и далеко бьет. Я отошел подальше от сетки. Но Зинка, видно, заметила это и, как всегда, съехидничала: ударила не очень сильно. Мяч опустился у самой сетки, а там никого не было.

Момент был критический. Я решил тут же доказать Андрею и всем ребятам, что не хвалился, а действительно, на самом деле хорошо играю. Андрей снова передал мне мяч. Я решил «погасить»; напряг все силы, подпрыгнул и ударил по мячу. От волнения я даже не заметил, куда полетел мяч. Я думал, что все хорошо, но вдруг услышал такой знакомый и такой спокойный голос Петро:

— 5 : 0 в пользу второго отряда!

Значит, я снова забил мяч в «аут». Подумать только: счет 5 : 0, и из пяти мячей три забиты по моей вине!

Вдруг я увидел перед собой Андрея. Лицо его побледнело.

— Как ты играешь?.. На тренировки не ходил, а теперь гробишь всю команду! — как-то сквозь зубы прошептал он. — Сейчас же уходи с площадки!

Я сразу даже не понял, что сказал Андрей. Судья Петро дал свисток, чтобы мы прекратили разговор. Но Андрей попросил задержать игру и направился к судье. Через минуту Петро подошел ко мне и предложил уйти с площадки.

— Капитан команды заменяет тебя другим игроком, — сказал Петро.

Холодный пот выступил у меня на лбу. На секунду

я почему-то вспомнил, как Андрей зло говорил об игре Витьки Панкова, как предлагал убрать его с поля. Но сейчас уходить нужно было не Витьке, а мне. Я не стал спорить, а медленно пошел. Кругом стояли наши пионеры и гости из города, и все смотрели на меня, на мой позор.

Кто-то взял меня за руку. Я поднял глаза и узнал Капитана.

— Сашка, не сердись на меня. Я ведь не виноват, — сказал он.

Я понял, что меня заменили Капитаном, ничего не ответил и пошел дальше.

Я ушел в нашу комнату и лег на кровать. Не стал смотреть, чем кончится игра.

«Ага, поставил вместо меня своего нового дружка — Капитана!» — думал я об Андрее.

Все было ясно: Андрей просто отомстил мне за то, что я не приходил на тренировки. Он поступил не по-товарищески. Я никогда, никогда в жизни не прощу ему этого!

3 августа

Очень неприятно быть в ссоре со своим лучшим другом. Я никогда не представлял себе, что это так неприятно. Даже купание в море не доставило мне сегодня никакого удовольствия. О примирении, конечно, не может быть и речи: Андрей опозорил меня перед всем лагерем.

Как он мог это сделать?.. Во всех книжках пишут, что друзья должны в трудную минуту приходить друг другу на помощь, на выручку. Вчера мне было трудно играть. Андрей, значит, должен был прийти мне на выручку. А он, вместо этого, сделал так, чтобы мне было еще трудней: выгнал с поля. Хороша помощь! Все эти мысли я высказал Профессору, который вчера прибежал в комнату вслед за мной и стал утешать.

Но Профессор со мной не согласился:

— Андрею нужно было команду выручать, спа-

сать честь отряда, а вовсе не твою. Он так и сделал. И был прав!

— Нет, неправ! Неправ!

В это время с улицы донеслись три длинных свистка, а потом раздался такой торжествующий визг, что у меня в ушах зазвенело.

— Ага, проиграли наши!.. Ну, спас твой Андрей честь отряда, спас? И без меня проиграли. Значит, дело-то не только во мне одном! — сказал я.

Профессор удивленно посмотрел на меня:

— Ты вроде радуешься, что мы проиграли?

— Вот и радуюсь! Вот и радуюсь! — ответил я, хоть на самом деле вовсе не радовался.

Профессор вдруг разозлился и стукнул кулаком по тумбочке:

— Ах, вот ты какой? Ничуть мне тебя не жалко! И утешать тебя больше не собираюсь!

«Нужны мне твои утешения!» — подумал я тогда. Но сейчас мне жалко, что и Профессор тоже сердится. В общем, какой-то печальный сегодня день.

А вот Андрей утром сделал вид, будто между нами ничего не произошло: он подошел ко мне и хотел что-то сказать.

Я взглянул на Андрея, стараясь, чтобы глаза мои выражали полное презрение и даже ненависть.

Андрей удивленно пожал плечами и сказал:

— Чу-дак!

И ушел.

Путь к примирению отрезан.

Я уверен, что поступил правильно. Но все же мне было тяжело. Только днем я получил подарок, который немного утешил меня: пришло письмо от отца. Это был ответ на то письмо, которое я послал ему в первый день нашего приезда в лагерь. Но почему он так долго не отвечал мне?

Я быстро разорвал конверт и прочел вот что:

«Дорогой Саша! Ты просишь меня ответить, верно ли действует ваш старший вожатый Сергей Сергеич.

Я нарочно так долго не отвечал на твое письмо. Мне не хотелось, Саша, подсказывать тебе ответ на тот вопрос, на который ты сам, мне кажется, должен был правильно ответить. Я хочу, чтобы ты научился правильно разбираться в событиях и главное — в людях! Это очень пригодится тебе в жизни. Думаю, что в Сергее Сергеиче ты уже сам успел разобраться, и поэтому ни в чем не буду тебя убеждать. Скажу только, что он работает в нашем заводском комитете, а в комитет мы кого попало не выбираем.

Коротко расскажу тебе о домашних делах. Через два месяца — твой день рождения. Но мама уже сейчас купила подарок. Она спрятала его и хочет сделать тебе сюрприз. Но я все же, чтобы порадовать тебя, под большим секретом выдам мамину тайну.

Ты написал нам, что у твоего товарища по лагерю есть фотоаппарат «Пионер». Мама прочла письмо и сердито сказала: «Всегда ему нравится то, что есть у других. Наверное, уж целыми днями смотрит на этот аппарат, как маленький. Как будто это предмет первой необходимости. Обойдется пока и без аппарата!» И в тот же день вечером мама принесла домой фотоаппарат. И, конечно, уверяла меня, что последний раз в жизни выполняет твои капризы. А я тоже задумал купить тебе кое-что, но только сделаю это накануне дня рождения, чтобы меня никто не мог выдать.

Ну, Сашенька, я кончаю. Хочу увидеть тебя дома здоровым, сильным, загорелым! Мама и я крепко целуем тебя, а Галя, кроме того, просит передать, что она хорошо помнит о вашем споре. Она ждет от тебя каких-то доказательств. Что это за споры и что за доказательства — она мне не сказала. Ждем тебя с нетерпением. Твой папа».

Я очень обрадовался папиному письму, хоть мне уже совсем не нужно было знать его мнение о Сергее Сергеиче.

Мне вдруг очень захотелось увидеть маму, и папу, и даже Галку.

Мне было очень, просто до слез жалко самого себя. Даже мамин подарок не обрадовал. Я с удовольствием променял бы его на примирение с Андреем.

И, кажется, впервые мне захотелось домой. «Вот сейчас соберу вещи и удеру в Москву! — подумал я. — Тогда все узнают!» А что именно все узнают? Нет, это, конечно, глупо. Но куда же пойти? Все ребята на спортивных соревнованиях, и никому нет до меня дела...

А Павка? Как же я забыл о нем? Ну конечно, надо сейчас же пойти к Павке и все рассказать ему!

4 августа

Пусть Галка думает обо мне и о моей воле все, что захочет, но, честное слово, сегодня в лагере не произошло ничего особенного, если не считать того, что у нас был проведен «День песни».

Катя снова заставила меня петь в хоре. И снова я прятал свой рот за чужие спины.

Но вскоре меня вообще выгнали из хора, потому что сказали, что я самые веселые песни пою загробным голосом. А каким же голосом я могу петь, если мы еще до сих пор не помирились с Андреем!

...Решил все же записать еще кое-что, рассказать про успехи Смелого.

В последние дни мы учили Смелого бегать с донесениями уже не на короткое, а на большое расстояние.

Я засовываю под ошейник «важное донесение» и, пристально глядя в глаза Смелому, внушаю ему, как гипнотизер:

— Смелый, беги в санаторий! Беги к Павке!

Эту фразу я говорю несколько раз, а потом, сорвавшись с места, стремглав бегу в санаторий. Смелый бежит рядом до Павкиной постели. Павка вынимает «донесение». И тут же мы оба награждаем Смелого за верную службу: он получает кусочек жареного мяса. Потом мы таким же манером отправляем Смелого об-

ратно в лагерь. Это повторяется много раз. Зинка даже говорит, что я «издеваюсь над собакой». Но на самом деле я вовсе не издеваюсь — я воспитываю Смелого, как настоящую служебную собаку. И я уже коечего добился.

Сегодня днем, когда я опять сказал заветную фразу: «Смелый, беги в санаторий! Беги к Павке!» — пес, не дожидаясь меня, бросился вперед, а я остался на месте. Увидев, что я не бегу с ним рядом, Смелый не остановился, а продолжал мчаться к санаторию.

Профессор сказал, что у пса уже выработался условный рефлекс. Вполне может быть.

Капитан, Мастер и я — все мы прыгали от радости. На этот раз в донесении, которое лежало под веревочным ошейником, было написано: «Павка! Отправляю Смелого в первый самостоятельный рейс. Напиши мне тоже что-нибудь. Саша».

Мы с нетерпением ждали возвращения нашего четвероногого гонца. Казалось, что минуты тянутся очень медленно. Мы впились глазами в широкую немощеную дорогу. Проходившие мимо ребята с удивлением смотрели на нас, но мы не обращали на них никакого внимания.

«Найдет ли Смелый дорогу? Не заблудится ли он?» — думал я.

Вдруг на дороге показалось облачко пыли. Облачко приближалось к нам. Прошли какие-нибудь секунды, и вот мы увидели Смелого. Сухая серая пыль вздымалась из-под его быстрых ног. И сам он был весь такой же серый.

— Милый мой! Милый!.. — шептал я.

— Вот это дело! — произнес Мастер.

С какой нежностью я гладил пса, с какой радостью кормил его!

Под ошейником была засунута бумажка, свернутая в трубочку. Мне показалось, что в этой бумажке должно быть написано в самом деле что-то серьезное, очень важное для нас всех. Я развернул бумажку и

прочел: «Саша, помирился ли ты с Андреем? Ответь мне. Павка».

У меня сразу испортилось настроение.

— Прочти вслух! Что там написано? — нетерпеливо кричали ребята.

— Ничего особенного, — ответил я и разорвал бумажку.

— Давайте пошлем Смелого еще раз, — предложил Капитан.

Но на этот раз я сам повторил Зинкины слова: «Хватит издеваться над собакой. Пусть отдохнет». И больше в этот день не посылал Смелого к Павке.

5 августа

Сегодня, когда я пришел к Павке, он на меня так пристально взглянул и спрашивает:

— С Андреем помирился?

— Да не помирюсь я с ним никогда! Это уже ре-

шено. Мы с ним на всю жизнь поссорились, понимаешь! И не уговаривай ты меня!

— А у нас здесь кричать не положено, — раздался вдруг сзади спокойный и в то же время строгий голос. — Ты что это разгорячился?

Я повернул голову — и увидел женщину в белом халате, белой косынке и с очень-очень усталым лицом. Я даже вскочил со стула: мне показалось, что женщина хочет поскорей добраться до него, чтобы сесть и отдохнуть.

— Это наша старшая сестра Марфа Никитична,— сказал Павка. — А это...

— Это Саша Васильков, — улыбнулась старшая сестра. — Я уж сама догадалась...

Она как-то очень странно улыбнулась: улыбались морщинки на ее лице, улыбался рот, а глаза оставались печальными.

— Мне Паша много рассказывал о тебе, — сказала Марфа Никитична. — Я сейчас не буду мешать вашей беседе. Только не кричи, пожалуйста, Саша. Ладно? Это ребятам вредно. Да и вообще повышать голос без надобности ни к чему.

Она ушла. А я тихо сказал Павке:

— Какое у нее лицо грустное!

— Еще бы! Сына она все ждет. А он уехал и долго-долго не возвращается.

— А куда уехал-то?

— Опять ты — «куда»! Она же мне не рассказывала. Я так думаю, какая-нибудь секретная командировка. Бывают такие. Я где-то читал, вот не помню только где именно: названия книг у меня тут же из головы вылетают... Но зато она мне его тетрадку дала почитать. Со всякими записями. Там он, между прочим, и про нее пишет. Хочешь почитать?

Павка полез под подушку, вынул оттуда толстый-претолстый однотомник Некрасова, а в середине книги, между страницами, лежала тетрадка. Павка вынул ее, бережно разгладил и перелистал.

— Вот здесь — сказал он, — читай! Здесь как раз про Марфу Никитичну написано.

Я осторожно взял в руки тетрадку — не какую-нибудь толстую, общую, а самую обыкновенную школьную тетрадку в клеточку — и стал читать:

«...Когда я был маленький, я всегда очень боялся всяких болезней. Но не из-за себя, честное слово! А из-за мамы. Если температура у меня становилась чуть-чуть выше нормальной, мама сразу так пугалась, что мне и самому делалось не по себе. Она ведь у меня старшая медицинская сестра большого санатория и очень хорошо знает, что в гриппе, например, нет ничего особенного, но, когда я заболевал гриппом, мама тут же забывала обо всех своих медицинских познаниях. Ей начинало казаться, что болезнь неизлечима. Она звонила всем врачам в городе. И сразу становилась какой-то жалкой, беспомощной... Моя сильная и строгая мама! Я не узнавал ее в такие дни. Она все прощала мне: лишь бы поскорей выздоровел!

А почему я пишу обо всем этом в прошедшем времени? Разве сейчас что-нибудь изменилось? Хоть мне уже целых четырнадцать лет!

Помню, как я в первый раз пошел в школу. Этот день, наверное, все помнят. Мама шла со мной рядом, а я очень стеснялся: еще увидят товарищи со двора и начнут дразнить «маменькиным сынком». Я упрашивал маму: «Ну не надо меня провожать! Я и сам найду дорогу, это ведь очень близко». Мама согласилась, простилась со мной. А потом, когда я случайно обернулся, то увидел, что она все идет и идет сзади, прячась за прохожими. Как маленькая...

Сколько раз я пытался утром встать раньше мамы и приготовить ей завтрак. Но мне это почти ни разу не удавалось. Как только она услышит, что я поднимаюсь, так сразу вскочит с постели и оденется быстро-быстро, словно по военной тревоге. А потом, когда я завтракаю, она все стоит надо мной: «Масло не за-

будь... Не торопись, это вредно. У тебя еще есть время. Жуй как следует...»

И каждое утро слышу я от нее тревожный вопрос: «Ты все книжки взял?» Я знаю, что по вечерам она проверяет мой портфель: не забыл ли я положить туда какую-нибудь тетрадку или учебник. Все мое школьное расписание она помнит наизусть, кажется, лучше, чем я сам.

А когда я выступаю на вечерах школьной самодеятельности, мама выучивает все стихи, которые я должен читать. И потом, сидя в зале, она шепчет губами за мной, повторяет каждое слово: если собьюсь или забуду — она сможет подсказать...

Честное слово, я не гонюсь за пятерками. А если люблю получать их, так только для того, чтобы поскорей принести домой и показать маме. Я знаю, что у нее будет радостный вечер.

Как хочется мне поскорее вырасти, сделать какое-нибудь важное изобретение, получить много денег, чтобы принести их маме и отдать все, все... Я ведь знаю, что ей иногда не хватает денег, она одалживает у соседки. И еще я хочу очень многого добиться в жизни. И чтобы обо мне написали в газете. Пусть никто не читает, а только одна мама прочтет. Представляю себе ее лицо в ту минуту!

Мамочка, милая моя мама!.. Недавно я слышал, как соседка сказала: «Вы отдаете ему всю душу, потому что у вас нет никакой личной жизни». Как-то противно прозвучали у нее эти слова. И особенно это выражение — «отдаете душу». Мне показалось, что оскорбили что-то самое хорошее на свете. Может, мне зря так показалось? Но нет! Разве, если бы у нас был отец, мама стала бы другой? Нет-нет... Она не может быть другой... Просто не может.

Но почему я сегодня вдруг подумал обо всем этом? Ага, вспомнил: из-за Лешки Куроптева. Я зашел сегодня к нему за одной книгой. Он стал искать ее и никак найти не может. «Ты, — говорит матери, — не бра-

ла?» И так как-то грубо, нехорошо говорит. А мама у него уже старая и несчастная какая-то.

«Не брала я, Лешенька, не брала», — стала оправдываться она.

А Лешка еще поискал, поискал и вдруг как заорет:

«Ты, наверное, соседкиной дочке читать дала! Всегда без моего спросу книги берешь! Вот попробуй еще раз взять!..»

А через несколько минут Лешка эту самую книгу у себя под подушкой нашел. Только я книгу не взял. И вообще больше не буду у него брать: мне его книги читать противно...»

Я взглянул на Павку и тихо спросил:

— Она его очень ждет, да?

— Так ждет, что передать невозможно. Говорит: вот-вот должен приехать. А он все не едет и не едет...

— Интересно-о... — прошептал я.

— Саша, хочешь я тебе дам почитать эту тетрадку? — предложил Павка. — Там дальше еще много интересного. И про школу, и про учителей тоже есть... Хочешь, дам? Только на один день, не больше.

Мог ли я отказаться! Я взял тетрадку и пошел в лагерь, потому что пора было ужинать.

...Было уже очень поздно. Во всех комнатах нашего лагеря замолкли голоса. А шум прибоя в тишине слышался так отчетливо, как будто волны били прямо к нам в окно. И еще где-то далеко-далеко гармошка играла все время один и тот же мотив.

В окно глядела луна, такая круглая, будто она была не настоящая, а где-нибудь над сценой, в театре. От луны в комнате было совсем светло.

Я тихо достал тетрадку и стал ее перелистывать.

Вдруг кровать Андрея скрипнула.

— Сашка, хватит тебе шелестеть! Спать мешаешь! — сердито прошептал Андрей.

Но я чувствовал, что на самом деле он вовсе не сердится, а просто хочет заговорить со мной.

— А я тихо шелестю! — тоже сердито ответил я.

— «Шелестю»! Такого слова нет, — усмехнулся он. — Эх, грамотей!

— Мне некогда слова подбирать: тут такая тетрадка интересная!

— Ну да, интересная! Не верю! — сказал Андрей.

— Ну и не верь! — ответил я, а сам испугался: вдруг он кончит ворчать и заснет! Мне хотелось продолжать разговор: ведь так побурчим-побурчим себе под нос, да и помиримся. — У меня очень интересная тетрадка! — еще увереннней сказал я.

— Ну да! Не верю! — повторил Андрей.

Тогда я собрался с силами и сказал:

— А ты посмотри — и сам убедишься!

Мне показалось, что Андрей очень обрадовался моему предложению. Он вскочил с постели и подбежал ко мне:

— А ну-ка, покажи! Чего уж там такого особенного в этой тетрадке?

Мы подошли к подоконнику — там было светлее.

— Это тетрадь сына старшей сестры санатория, — объяснил я, не глядя на Андрея. — Он куда-то уехал далеко-далеко... А это вот, значит, его тетрадка... Тут он про мать свою пишет. А дальше про школу...

— Любопытно! — сказал Андрей и почесал затылок: «побрел за мыслями».

Ничего особенно любопытного в моем сообщении не было, но ему просто не хотелось ложиться обратно в постель, а хотелось помириться со мной. Я же хотел этого еще в сто раз больше!

— Вот читай отсюда, — сказал я.

— «Когда Лешку Куроптева выдвинули в совет отряда, — зашептал Андрей, — я встал и отвел его кандидатуру. Ребята не понимали — почему. А я сказал, что он дома орет на свою мать и что я ему из-за этого вообще не доверяю. Бородач поддержал меня и все...»

На этом месте Андрей остановился и стал перечитывать последнюю фразу. Он перечитал ее раз пять,

не меньше. Лицо у Андрея побледнело и стало каким-то сумасшедшим. «Может быть, от луны?» — подумал я. Да нет, и глаза у него бегали как-то ненормально. И лоб он вытер рукой, словно был полдень и страшная жара.

— Что с тобой? Что случилось? — испуганно спросил я.

— Разве ты не узнаешь? Разве ты не видишь? — буквально задыхаясь, спросил Андрей. — Круглые буквы! И Бородач... Бородач, которого мы никак не могли отыскать!

Он поспешно захлопнул тетрадку и прочитал то, что было написано на ее обложке: «Тетрадь по физике ученика седьмого класса «А» Вани Алексеева».

— Ваня Алексеев! — прошептал Андрей. — Ваня Алексеев!.. Вот они, инициалы «В. А.», которые мы тоже не могли расшифровать!.. Бежим скорей!

— Куда бежим? — не понял я.

— В город! К тому самому месту!.. Проверим!..

— Да ведь уже поздно. Нас никто не пустит.

— А мы и спрашивать не станем. Это же такое дело, такое дело! Прыгай в окно!

Мы как были босиком, в трусах и майках, так и выпрыгнули во двор. И помчались в город.

Андрей быстро отыскал тот самый разрушенный дом: он, оказывается, много раз приходил сюда один, тайком от нас всех.

Луна светила вовсю, и было светло как днем. Андрей раскрыл тетрадку, и мы стали сличать почерки.

— «К партизанам мы пробиться не смогли. Но одну фашистскую баржу все-таки потопили!» — прочитал Андрей. А потом прочитал другое: — «Когда я был маленький, я всегда очень боялся всяких болезней. Но не из-за себя, честное слово! А из-за мамы...» Конечно! Тот же самый почерк! — уверенно сказал Андрей. — И как это ты, Сашка, не обратил внимания? Эх, легкомысленная твоя башка!..

Момент был такой серьезный, что я даже не обиделся. Просто некогда было обижаться.

— Но ведь он же уехал далеко-далеко... И мама ждет его... Значит, он не вернется? — тихо спросил я.

Андрей ничего не ответил. Он только прочитал последние слова, написанные чернильным карандашом на штукатурке:

— «У нас есть одна граната. Оставим ее для себя...»

— Так надо сейчас же разыскать Марфу Никитичну и все рассказать ей, — предложил я.

— Что ты! Что ты! — Андрей замахал рукой. — Пока не надо, пусть еще подождет. Еще хоть несколько дней... Пусть подождет его...

— Но ведь она все равно узнает...

— Конечно, узнает. Потому что мы соберем здесь торжественный сбор и присвоим имя ее сына своему отряду. Вот!

— Это будет очень здорово! — сказал я.

— А пока пусть она ждет его... Пусть еще надеется, пусть...

6 августа

Я много раз бывал на торжественных сборах и слетах — и в школе, и в Доме пионеров, и в клубе папиного завода. Другой бы, уж наверное, давно привык и совсем не волновался, а я вот не могу. Как только услышу звуки горнов и барабанную дробь, как только увижу торжественно плывущие красные знамена, так до того расстраиваюсь, что даже слезы на глазах выступают. То есть расстраиваюсь я, конечно, от радости, а не от какой-нибудь там печали.

Но сегодня сбор был особенный. Таких сборов ни я и никто из наших ребят ни разу в жизни не видел и, может быть, никогда уж и не увидит больше.

Мы собрались в городе, возле того самого разрушенного дома. Каждые пять минут сменялся почетный караул у знамени. Самые обычные наши рапорты

звучали как-то по-особенному. Вокруг собрались жители города и городские пионеры.

Андрей от имени нашего отряда рассказал, как мы обнаружили надпись, как хотели узнать имена и историю героев, погибших на этом самом месте, как организовали спецбригаду и как в конце концов совершенно случайно узнали, кто же такие «В. А.» и «Бородач».

— То есть мы узнали только, что Ваня Алексеев был пионером и жил в этом городе, а кто такой Бородач, мы еще точно не знаем, — поправился Андрей.

Потом все устроились на небольшой полянке, недалеко от разрушенного дома. Секретарь райкома комсомола товарищ Зимин рассказал нам про Ваню Алексеева и про таинственного Бородача.

...Как только в город ворвались фашисты, Ваня сразу сказал своей матери, Марфе Никитичне:

— Не буду я сидеть сложа руки и смотреть, как бандиты у нас хозяйничают! Не могу я, мамочка!

Но установить связь с партизанами было не так-то легко. Тогда Ваня пошел к своему любимому учителю, которого ребята в шутку звали «Бородачом». А еще его звали «Макаром Чудрой» за то, что он был похож на цыгана. У него была черная-пречерная курчавая борода, которую он, расхаживая по классу, всегда поглаживал.

В доме у Бородача жил гитлеровский офицер. Под кроватью он хранил гранаты и ручные бомбы: до ужаса боялся нападения партизан.

Однажды Ваня разузнал, что в город пригнали большую баржу с боеприпасами. Он рассказал об этом Бородачу. Они посоветовались, посовещались и решили: вытащить из-под кровати офицера бомбы, ночью взорвать баржу и уйти к партизанам, которые, как было известно Бородачу, скрывались на территории виноградарского совхоза.

Ох, и смелый же это был план: вдвоем взорвать баржу! А ведь она охранялась, наверное...

Товарищ Зимин рассказывал очень коротко, но я представлял себе, как Ваня и Бородач ползли по пляжу, прячась за дюны, за рыбацкие лодки... Ваня, конечно, первый прыгнул на спину часовому, повалил его, и они покатились по песку (так всегда показывают в кинофильмах). Бородач, конечно, вовремя пришел Ване на помощь. Они уничтожили часового, потом уничтожили баржу, то есть не уничтожили, а взорвали...

Это я так себе представлял. Но товарищ Зимин сказал, что ничего точно известно не было, а было известно только одно: Бородач и Ваня хотели взорвать баржу, а после пробиться к партизанам. Об этом Бородач рассказал своему другу — одной старой учительнице.

А потом оба — и Бородач и Ваня Алексеев — пропали куда-то, и никто ничего о них не знал. Одни думали, что они погибли при взрыве баржи, другие

предполагали, что им удалось пройти через линию фронта и пробиться к нашим...

Так вот почему Марфа Никитична до сих пор ждала Ваню! «А мы, значит, отняли у нее эту надежду... последнюю надежду... — подумал я. — А нужно ли было это? Хорошо ли мы сделали? Может, лучше было бы ничего не говорить о нашем открытии: так бы и ждала она Ваню, и ждала...»

— Московские пионеры помогли нам разгадать трудную загадку, — сказал товарищ Зимин. — Мы теперь знаем, что, взорвав баржу, Бородач и Ваня Алексеев хотели уйти от преследования фашистов, но не смогли... Они были окружены и отбивались в развалинах этого дома. А последнюю гранату они оставили для себя. Они не сдались врагу! Так почтим же их светлую, незабвенную память!

Все встали. Девочки плакали, и мне тоже что-то попало в глаз, и я полез за платком, но платка я не нашел и поэтому стал вытирать глаза руками.

— Чего стесняешься? Не стесняйся, Саша, — услышал я вдруг позади себя.

Обернулся — и увидел Андрея. Он не плакал, а только молча смотрел куда-то вдаль... Андрей положил руку мне на плечо — и мне стало как-то спокойней и не хотелось, чтобы он убирал руку.

Но тут все снова пошли к разрушенному дому. И товарищ Зимин сказал:

— Пионеры первого отряда, обнаружившие место гибели героев, обратились к нам с просьбой. Они попросили, чтобы их отряду было присвоено имя пионера-героя Вани Алексеева. Разве можно было не уважить их просьбу!

Андрей вышел вперед, и товарищ Зимин вручил ему какую-то бумагу. Мне хотелось сейчас же посмотреть, что на ней написано, но неудобно было лезть вперед, и я решил потерпеть.

Теперь наш отряд носит имя Вани Алексеева. Правда, до отъезда из лагеря осталось всего шесть

дней, но ведь и в будущем году и каждый год здесь будет пионерский лагерь папиного завода. И всегда первый отряд лагеря будет носить имя Вани Алексеева. Пусть в лагере будут отдыхать другие ребята, пусть! Но и им будет, так же как и нам, приятно носить имя героя. И они будут спрашивать вожатых: «А почему наш отряд носит это имя?» И вожатые расскажут им, как мы однажды удрали на воскресник и как обнаружили место гибели героев. А мы уж тогда будем, может быть, совсем взрослыми людьми. Но, наверное, будем дружить, как и сейчас. Я так думаю.

А Марфы Никитичны не было на сборе. Я спросил у главного врача санатория — почему, а он сказал, что она тяжело заболела.

Заболела?.. Может быть, не стоило нам находить эту надпись?..

7 августа

Завтра все отряды пойдут в виноградарский совхоз. Но это будет не какая-нибудь там прогулочка или экскурсия. Нет, это будет настоящий поход! До совхоза — восемнадцать километров. Нас не повезут на машинах — мы пойдем пешком, в походном строю, с горном, барабаном и красными знаменами.

В совхоз отряды пойдут разными дорогами. Нам не дадут проводников, мы будем сами находить путь по карте и компасу. Все это придумал Сергей Сергеич. Он сказал председателю совета дружины Петро:

— А хорошо бы экскурсию в совхоз совместить с походом!

— Это здорово! — согласился Петро.

А дальше уж мы сами должны были соображать, изобретать, придумывать...

Сегодня все готовятся к походу — достают в городе карты, берут у Филиппа Матвеевича продукты на дорогу, чистят котелки.

Я уже говорил, что в совхоз отряды пойдут разными дорогами, но забыл сказать, что они будут сорев-

новаться друг с другом: кто первым придет в совхоз — тот и победит.

Впереди отрядов пойдут разведчики. Они будут оставлять на пути указательные знаки и предупреждать обо всех трудностях и преградах. Предупреждать об этом могут, конечно, и карты. Но они не очень-то верны: ведь карты отпечатаны еще до войны, а за это время сколько было разных перемен! Совет нашего отряда решил, что первые пять километров пути должны быть разведаны уже сегодня.

Дело в том, что к совхозу ведут три дороги. Самую короткую дорогу мы уступили третьему отряду и старшим девочкам. Дадим им несколько очков вперед! А вот по какой из двух остальных дорог пойдет наш отряд — еще неизвестно. На этот вопрос и должны ответить разведчики. В разведку решено послать двух пионеров. Но кого пошлют? Члены совета нашего отряда, Катя и Петро совещались между собой.

Всем ребятам, конечно, очень хотелось пойти в разведку, и все вертелись тут же, чтобы обратить на себя внимание. И я вертелся. И довертелся-таки до своего: одним из разведчиков назначили меня. Другие ребята просто умирали от зависти. А я принял это назначение скромно и тихо, как должное.

— А кто же будет вторым разведчиком? — спросил я.

— Андрей, — ответила Катя.

Ага, все ясно: опять педагогический приемчик! Катя и Петро, как и все в лагере, заметили нашу ссору с Андреем и вот хотят послать нас в разведку вместе, чтобы мы помирились. Мне вспомнилось, что в одной кинокартине я видел что-то очень похожее: два бойца ссорятся, и командир посылает их вместе на важное задание. Ну, и они там, конечно, мирятся. Название этой картины я позабыл.

Смешно даже: неужели Катя и Петро думают, что мы не можем помириться без их помощи? И я как можно громче сказал:

— Андрей, а здóрово получилось, что мы вместе идем, правда?

Пусть видят, что мы уже давно помирились без всякой их помощи. Как говорится, своими силами!

А председатель совета дружины Петро, который в походе будет командиром нашего отряда, сказал:

— Вы должны разведать обе дороги на пять километров. На пятом километре мы сделаем первый привал и тогда пошлем вперед других разведчиков. Особенно не спешите, но и не ползите, как черепахи. Другие ведь тоже высылают разведчиков. Так вы постарайтесь вернуться раньше их.

Минут десять мы с Андреем шли вместе, а потом широкая дорога разделилась на две узкие. Мы условились на обратном пути встретиться в том самом месте, где широкая дорога раздваивалась, чтобы в лагерь вернуться тоже вместе.

Простившись с Андреем, я зашагал быстрей. Идти было очень легко. По обе стороны стояли высокие тополя. Они бросали густую тень, и я совсем не чувствовал жары, хоть солнце светило вовсю.

На пути встречались разные препятствия: русла высохших речушек, неглубокие рвы... Все эти препятствия были нанесены на карте. По сторонам дороги валялись гусеницы танков, груды ржавого железа, дула разбитых пушек.

Я шел и мечтал о том, как в Москве познакомлю наших школьных ребят с Андреем, с Мастером, Профессором и даже с Зинкой. А у нас во дворе все ребята просто заболеют от зависти, когда увидят, сколько у меня новых друзей. Но я и их тоже познакомлю со своими лагерными товарищами. И мы в Москве тоже организуем могучее пионерское движение под боевым лозунгом: «Помогай родному городу!» Мы будем совершать такие дела, что нас обязательно вызовут в Моссовет и объявят благодарность. Я уже представлял себе, как подхожу к зданию Моссовета... Вдруг я

почувствовал острую боль в ноге и громко вскрикнул.

Размечтавшись, я забрел на небольшую полянку, покрытую маленькими, но очень злыми колючками. Я шел босиком, и несколько колючек вонзилось мне в пятку. Прихрамывая, стараясь не ступать на больную ногу, я выбрался с полянки. Присел на траву и попытался вытащить колючки. Но это было не так-то легко. Вот была бы тут Зинка — она бы мигом вытащила! Вся пятка горела, и я даже не мог найти место, куда колючка вонзилась.

Тогда я встал и пошел, или, вернее, заковылял дальше. Я шел очень медленно.

Вскоре дорогу преградила довольно широкая река. Она сверкала на утреннем солнце, радостно журчала прозрачной водой и совершенно не желала сочувствовать моему горю. Нужно было раздеться и переплыть реку. Я посмотрел на карту. До конца пути, который мне полагалось разведать, оставалось всего полтора километра. Раздеваясь, я думал о том, что опять подведу Андрея и весь наш отряд. Ведь я провозился с колючками не меньше пятнадцати минут, а теперь буду именно как черепаха ползти полтора километра до конца пути да пять километров обратно. А Андрей будет ждать меня на перекрестке дорог, и, уж конечно, другие разведчики вернутся в лагерь раньше. Я чуть не плакал от досады.

И вдруг мне в голову пришла мысль: «А не вернуться ли мне в лагерь сейчас же, не доходя этих полутора километров и не переплывая реки?» Ведь до сих пор не встретилось ни одного препятствия, которое не было бы нанесено на карту. Значит, и на последнем километре таких препятствий нет. Никто не узнает, что я не закончил разведку, и не сможет узнать об этом, если даже захочет.

Я снова натянул на себя рубашку и через минуту уже ковылял к лагерю. Когда я подходил к перекрестку дорог, Андрей ждал меня там. «Как хорошо, что

я вовремя вернулся, а то ругал бы меня Андрей на чем свет стоит!» — подумал я, увидев товарища.

Через пятнадцать минут мы доложили совету отряда о результатах нашей разведки. Было решено, что моя дорога больше подходит для похода: во-первых, на пути встречаются разные препятствия, а во-вторых, тополя, растущие вдоль дороги, смягчают жару. Дорога же, которую разведывал Андрей, шла по совершенно открытым и знойным местам.

Итак, завтра утром наш отряд выйдет в поход по дороге, разведанной мною!

8 августа

Рано утром под барабанную дробь и звуки горна наш отряд выступил в поход. По другой дороге в поход отправились остальные старшие отряды. Командиром там назначена Вера Жигалова. Но на самом деле всеми делами заправляет Зинка. Она сегодня нахально заявила, что придет в совхоз раньше нас. Ну, это мы еще посмотрим!

А весь отряд малышей в это время еще спал крепким сном. Малыши тоже отправятся в поход. Они пойдут по той же дороге, что и мы, но только в девять часов утра. Им, конечно, трудно будет пройти восемнадцать километров. Они пройдут только половину пути и на девятом километре остановятся.

На совете дружины было точно подсчитано, что, когда мы достигнем совхоза, малыши как раз дойдут до девятого километра. Дальше отряд не пойдет, а будет ждать машину, которую мы вышлем навстречу ему из совхоза.

Мы шли четким шагом, в ровном строю. На боку у каждого висела фляга с водой, а за спиной — походный рюкзак. С нами пошла и Катя. Но она была на положении рядового члена отряда. Командовал нами Петро.

И Смелый тоже был участником нашего похода.

Солнце только что поднялось. Тополя блестели от

росы. С моря дул ветерок, и на душе было так хорошо и радостно, что хотелось петь. И действительно, наш запевала Вано Гуридзе затянул песню. Я уже говорил, что у нашего Вано очень хороший голос. И когда он поет, то уже не вертится во все стороны, как волчок, а становится спокойным и задумчивым. Видно, очень переживает...

Первые километры пути были мне хорошо известны. Мы пересекли русло высохшей речки, прошли мимо лужайки, покрытой колючками. Я с ненавистью посмотрел на эту лужайку.

А вот и река! Это первое препятствие. Плыть было трудно: в одной руке каждый из нас держал рубашку, флягу и рюкзак. Одним из первых достиг берега Капитан. Он вылез из воды и сразу обернулся назад: Капитану очень хотелось, чтобы мы оценили его подвиг. Все действительно оценили, но только поздравлять стали Андрея: ведь это он научил Капитана плавать.

— Да, теперь уж мы без подпорочек обходимся и без ходуль, — сказал Андрей. — Вот только ручки у нас еще слабоваты: с подкладкой на меху...

Капитан ничуть не обижался, а даже, наоборот, смотрел на Андрея как на бога.

Мы снова тронулись в путь.

— Дальше все пойдет как по маслу! Никаких преград! — сказал я уверенно, стараясь скрыть волнение.

Я со страхом смотрел вперед: а вдруг на пути встретится какое-нибудь препятствие? И тогда все ребята поймут, что у меня не хватило пороху дойти до конца. Я еще раз взглянул на карту, и она меня немного успокоила.

Прошло еще минут двадцать. Дорога в самом деле была гладкая: ни одного холмика не встретилось. Я было совсем успокоился и поверил в свое счастье. Дорога повернула в сторону, мы прошли мимо каких-то низеньких кустарников. И вдруг так ясно, словно

передо мной было зеркало, я почувствовал, что лицо мое стало багровым от волнения. Ноги задрожали: я увидел длинную пропасть. Она пересекала дорогу и тянулась так далеко, что ей не было видно конца.

— Смотрите, противотанковый ров! — услышал я чей-то голос.

Да, это был самый настоящий противотанковый ров: метра четыре в глубину и не меньше трех с половиной в ширину. Такие рвы я видел неподалеку от Москвы. С одной стороны рва был пологий склон, а с другой — совершенно вертикальный, отвесный обрыв. Спуститься на дно было бы нетрудно, но как подняться на противоположную сторону по совершенно отвесному обрыву? Ров не был обозначен на карте. Это было препятствие, рожденное войной.

Я замер от ужаса: теперь и Петро, и Андрей, и все члены отряда будут знать, что я вчера не дошел до пятого километра, что я наврал, будто разведал всю дорогу.

Но раскаиваться было уже поздно. Мы с Андреем стояли рядом. Я боялся взглянуть на него.

К нам подошли Петро и Катя. У Петро, у нашего доброго Петро, которого все, любя, называли «хлопцем», было суровое, прямо грозное лицо.

— Кто разведывал эту дорогу? — спросил он.

Я сделал шаг вперед. Андрей продолжал молчать.

— Ты знал об этом препятствии? — спросил Петро.

— Нет... — тихо ответил я.

— Но ведь ты ходил в разведку?

— Я не дошел... я не до самого конца... — пробормотал я так, что даже сам не расслышал как следует своих слов.

— Значит, ты обманул нас? — спокойно, но както так, что мне стало холодно, спросила Катя.

А Андрей все молчал.

Я подумал: «Может быть, объяснить им, что я в разведке занозил ногу и поэтому... Хотя зачем! Ведь

это все равно ничего не меняет: нужно было честно обо всем рассказать!»

— Что ров появился — это даже хорошо. Лишнее препятствие в походе — всегда находка! Но как ты мог не выполнить задание и обмануть нас всех? — не глядя на меня, сказал Петро.

— Нет, все тут гораздо сложней, — возразила Катя. — За нами идут малыши, и мы должны будем дождаться их, чтобы помочь перебраться через ров. Значит, наш отряд наверняка придет в совхоз позже и займет последнее место!

— А ведь теперь наш отряд носит имя Вани Алексеева! Ты, наверное, забыл? — сказал Андрей.

И это было то, о чем я думал с той самой секунды, когда показался проклятый ров...

9 августа

Говорят, в совхозе было очень много интересного. Я пишу «говорят», потому что сам ничего толком не видел и не слышал, а только все время думал о том, что случилось со мной вчера... Ведь наш отряд и в самом деле пришел в совхоз последним. Все другие пришли раньше нас на целых двадцать минут. И все из-за меня, все из-за меня!.. Я до сих пор понять не могу, как это все случилось. Ведь я же хотел сделать лучше. Честное слово, хотел сделать лучше!

Я еще там, возле проклятого рва, попросил, чтобы меня снова послали в разведку на самом трудном участке. Но Катя только усмехнулась:

— Ты что же, так и собираешься всю жизнь подводить товарищей и тут же искупать свою вину, подводить — и искупать, подводить — и искупать?..

Я ни слова не ответил, потому что на всю жизнь вперед я еще ничего не загадывал, а только в ту минуту очень хотел пойти в разведку и доказать всем... А что доказать? Сам не знаю.

Может, Катя и права?

В совхозе ребята меня, как говорится, полностью

игнорировали. Как встретят, так отводят глаза в сторону, будто я прокаженный какой-нибудь.

И только потом, когда пошли на экскурсию по полям и директор совхоза Николай Иванович стал рассказывать всякие интересные вещи, все, как мне показалось, перестали злиться и вообще забыли про меня.

Мы смотрели, как поля с самолета опрыскивают бордосской жидкостью, чтобы вредители не заводились.

И тут случилось одно происшествие. Пока мы задирали головы вверх, двое мальчишек из младшего отряда ловко нырнули в кусты и начали там лопать виноград. Зинка заметила это и вытащила их за шиворот из кустов.

У мальчишек рты были набиты виноградом, и они никак не могли проглотить его (наверное, от волнения). Потом наконец проглотили и стали с самым мрачным видом повторять одну и ту же фразу:

— Да пусти ты!.. Да пусти ты!..

— Я вас так пущу, так пущу, что всю жизнь помнить будете! — орала на них Зинка.

Она попросила Витьку Панкова подержать ребят, словно они могли удрать куда-нибудь, а сама скрылась в кустарнике и через секунду вернулась, неся вещественное доказательство преступления — виноградные гроздья, которые мальчишки от страха побросали в кусты.

Директор Николай Иванович заступился за мальчишек и сказал, что в этом нет ничего особенного и что винограда всем хватит.

А Зинка сказала, что, если бы они попросили, тогда было бы совсем другое дело, а раз не попросили — значит, это самое настоящее воровство!

И я тоже согласился, что это безобразие. А Андрей, который стоял впереди меня, вдруг обернулся и сказал:

— Безобразие, говоришь? Да они ангелы небесные по сравнению с тобой!

И тут я понял, что никто обо мне не забыл и что самое неприятное, наверное, еще впереди. И уж дальше я все время молчал.

В столовой для нас приготовили большие корзины с виноградом.

Сперва все как набросились на корзины! Но я заметил: если думаешь о чем-нибудь вкусном, чего нет (ну, например, думаешь зимой о вишнях или о винограде), то кажется, что ел бы это самое «чего нет» без конца; но если вкусного много и можно есть сколько угодно, так очень быстро надоедает... Так было и в столовой. Уже через десять минут ребята только стреляли друг в друга косточками.

А у меня вообще не было никакого аппетита, и я не съел почти ни одной виноградинки. Только положил немного в пакет, чтобы завтра отнести Павке, — вот и все.

10 августа

Сегодня вечером меня обсуждали на совете отряда.

Больше всех нападал на меня Андрей. Чего он только не говорил! И все мои грехи припомнил. Я даже не ожидал, что он такой злопамятный!

Он говорил, что я очень легкомысленный человек и за поступки свои не желаю отвечать, и что я подвел всех на волейболе, и что с шахматного турнира удрал, и что за спецбригадой следил, «наплевав», как он выразился, на все звено...

Когда Андрей говорил, со всех сторон неслись разные реплики. Витька Панков сказал, например, что я «типичный несознательный элемент». Он-то мог бы и помолчать. Рисуется так, что смотреть тошно. Строит из себя чемпиона! А сам, между прочим, подвел нашу футбольную команду на состязаниях. Его бы тоже не мешало обсудить! И мне было бы немного легче: у наших ораторов на двоих не хватило бы пороху, и каждому меньше досталось бы. Между прочим, откуда

происходит слово «оратор»? Я сегодня понял, что оно происходит от слова «орать». Я это понял, когда Вано Гуридзе выступал. Он топал ногами, махал руками, как мельница: наверное, его горячая кровь накалилась сегодня до ста градусов. И все, все меня ругали!

Даже молчаливый Мастер и тот вставил слово. Он развел руками и сказал:

— Да, с походом плохо вышло. Это уж не дело!

Тогда Андрей прямо совсем озверел и предложил, чтобы мне объявили выговор на линейке, перед всем лагерем.

У меня даже мурашки по телу запрыгали. Ведь я уже и так все понял... честное слово, все понял, зачем же такие жестокости?

И вдруг за меня заступились. Кто бы — вы думали? Вожатая Катя... Вот уж не ожидал! Она сказала, что Андрей в основном прав (ну, это я и сам знаю!), но что вообще-то я парень неплохой и добрый и что я помог дружине узнать историю Вани Алексеева.

— А потом подвел отряд его имени, да? — крикнул Андрей. — А с тетрадкой все это, если хотите знать, случайно получилось. Сашкиной заслуги тут вовсе нет.

Катя предложила на линейке меня не позорить, а ограничиться этим разговором. Почти все ее поддержали. А Андрей сплюнул и сказал:

— Эх вы, добренькие... Смотреть противно!

Ко мне подошел Витька Панков:

— Кланяйся в ножки: пожалели тебя!

Еще чего захотел! Вот если бы меня Андрей простил, так я бы на животе, по-пластунски, десять раз прополз до моря и обратно. Но Андрей не простил...

11 августа

Последний день нашей лагерной жизни. Сегодня утром на пляже я видел, как Андрей, Вано и Профессор разглядывали какую-то толстую тетрадку в кожаном переплете, очень похожую вот на эту, в которой

я веду свой дневник. Из их разговора я понял, что в руках у них книга о партизанах города, что там очень много написано о Ване Алексееве и что книга эта уже кончена.

— Знаете, кому мы подарим ее? — сказал Андрей. — Матери Вани, Марфе Никитичне. Она сейчас больна, но мы пойдем к ней домой и подарим. Согласны?

Профессор и Вано прямо заплясали на песке — так им понравилась эта идея. Они знали, что я слышу их разговор, но ко мне не обращались.

А перед обедом они пропали куда-то и даже на «мертвый час» опоздали. Я пришел в комнату и лег в постель. Мастер тоже улегся. И вдруг ввалилась вся пресвятая троица. А вслед за ними вошла Катя.

— Мы были у Марфы Никитичны, — рассказывал Андрей, — и подарили ей нашу книгу. Она так была довольна, так довольна!.. Она уже поправляется...

— А потом, — перебил его Вано, — она нам такой подарок сделала!..

Он что-то показал Кате.

Мне очень хотелось посмотреть, прямо глаза чесались от любопытства, но я лежал, повернувшись к стене, и делал вид, что сплю.

— Вот какой он, Ваня Алексеев! — шептал Вано, чуть не захлебываясь от восторга. — Марфа Никитична нам подарила!

«Наверное, они фотокарточку разглядывают», — подумал я.

А Андрей вдруг как вскрикнет:

— Ой, ребята, а может, эта карточка-то у нее последняя была? А мы взяли!

— Это маловероятно, — подумав немного, произнес Профессор. — Последнюю она бы не отдала.

— А вдруг!..

— Нужно было спросить, последняя или не последняя. Что это вам все благородные мысли в голову задним числом приходят? — с досадой сказала Катя.

Но тут Мастер вскочил с постели, зашелестел фотобумагой (значит, взял в руки Ванину фотокарточку) и сказал:

— Давайте ее сюда. Я сделаю!

Что именно хотел сделать Мастер — видно, никто не понял, а он не стал объяснять. Он вообще не любит заранее говорить о своих планах и намерениях.

Катя вдруг спросила:

— А Сашу вы не взяли с собой?

Никто ничего не ответил.

— Ну, это уже нехорошо! Ведь он помог вам узнать историю Вани... И вообще это несправедливо.

— Он слышал, что мы собираемся идти к Марфе Никитичне, — ответил Андрей. — Мы на пляже нарочно громко говорили, чтоб он услышал. А что же, ему специальное приглашение посылать на золотом подносе? Так, что ли?

Я стал чуть-чуть похрапывать, чтобы все были уверены, что я сплю. А на самом деле мне хотелось не храпеть, а плакать...

После «мертвого часа» я побежал в санаторий. У меня было очень мало времени: ведь сегодня торжественное закрытие лагеря.

Собираясь к Павке, я позабыл, что в санатории ребята отдыхают днем гораздо дольше, чем мы. Вспомнил я об этом, когда молодая сестра в белом халате и в косынке решительно преградила мне путь у входа на веранду. Как я ни умолял сестру, все было напрасно: в санатории—железные порядки. Только главный врач Савелий Маркович мог дать разрешение.

— Можешь пойти к Савелию Марковичу. Да только напрасно. Я уж тут третий год работаю, и ни разу еще никто не нарушал дневного сна. Не разрешит он.

Но я все-таки пошел к Савелию Марковичу. Другого выхода все равно не было.

Главный врач встретил меня хорошо. Но как

узнал, зачем я пришел, так сразу нахмурился и закачал головой.

Когда я понял, что мне, может быть, не придется проститься со своим другом, сердце у меня упало и, сам не знаю откуда, появился ораторский талант. Я начал рассказывать Савелию Марковичу о своей дружбе с Павкой. Не могу передать, что я тогда говорил, потому что у меня сейчас все равно не получится так убедительно, как получилось тогда.

Савелий Маркович долго слушал меня, потом встал и сказал:

— Ну ладно, разрешаю тебе, Саша, проститься. Паша ведь все равно не спит сейчас: разве можно спокойно спать, не простившись с другом! Пойди и успокой его. Еще, чего доброго, разочаруется в тебе. А всякое разочарование вредно сказывается на здоровье. Только поэтому и разрешаю. Но даю на все прощание десять минут. Не больше!

Савелий Маркович проводил меня на веранду, а потом вернулся назад. Когда мы проходили мимо дежурной сестры, лицо ее вытянулось от удивления: она впервые видела, чтобы кто-нибудь поднимался на веранду во время «мертвого часа».

Савелий Маркович был прав: Павка действительно не спал. Он лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок. И вдруг он увидел меня. Его глаза сразу перестали быть грустными и радостно заулыбались. На цыпочках, чтобы никого не разбудить, подошел я к Павкиной постели.

— А я думал, что ты не придешь, — прошептал Павка.

Потом он спросил о нашем походе в совхоз. Я, как мне кажется, покраснел, но о своем позоре ничего не рассказал: зачем омрачать последнюю встречу!

Я видел, что Павке не хочется говорить о моем отъезде, и начал вполголоса подробно рассказывать ему о нашем торжественном сборе возле разрушенного дома.

— А Марфа Никитична заболела, — грустно сказал Павка. — Я все знаю: ведь мы книгу-то о партизанах вместе с вашим Профессором кончали. А все-таки здорово это получилось с тетрадкой-то, а? И хорошо, что вы эту надпись нашли. Теперь все знают, что Ваня — герой! А Марфа Никитична выздоровеет. Ей уже немного лучше. И я выздоровлю! Ты знаешь, меня смотрел профессор Чернобаев, и он сказал, что я буду совсем, совсем здоров. Ну, как будто и не болел даже!

Я так обрадовался, что чуть не полетел со стула и начал говорить совсем громко, забыв, что кругом спят. Опомнился я только тогда, когда в дверях показалась сестра и знаками дала мне понять, что пора уходить. Я встал. И лишь тогда Павка сказал мне:

— Значит, завтра ты уезжаешь?

— Да, завтра днем, часов в двенадцать...

— Саша, я хочу подарить тебе одну вещь на память.

Павка вытащил из-под подушки маленький перочинный ножичек. Ножичек был самый обыкновенный. Но в ту минуту он показался мне необычайно красивым.

— Не надо, не надо! Что ты! — замахал я руками.

Но Павка решительно протянул мне ножичек:

— Нет, ты возьми его. Обязательно возьми. Этот ножичек мне очень дорог: мне подарил его отец. Да я не стал бы дарить тебе какую-нибудь чепуху, я должен подарить именно то, что мне дорого. Ведь мы друзья на всю жизнь!

Я чувствовал, что в ответ тоже должен что-то подарить Павке. Я хотел поискать что-нибудь в своих карманах. Но ни на майке, ни на трусах не было карманов, и мне даже порыться было негде.

— Павка, а что же я-то тебе подарю на память? У меня с собой ничего нет.

— Пиши мне письма о Москве. Я буду их все очень хранить... И очень буду ждать, очень...

Я вернулся в лагерь. Все готовились к вечернему костру. Андрей таскал хворост и сучья.

Я пошел в дом и стал заглядывать во все комнаты. Но всюду было пусто. Только Мастер забрался в темную кладовку и, обвязав лампочку своими красными трусами, совершал что-то таинственное.

Я снова вышел на улицу. И вдруг как-то особенно ясно услышал шум прибоя. За двадцать пять дней я так привык к этому шуму, что перестал слышать его. Я, может быть, в последний раз увидел, как поднимались волны. Они показались мне небывало большими. Они будто хотели подняться как можно выше, чтобы заглянуть к нам в лагерь, добраться до наших белых домиков... Мне очень захотелось проститься с морем.

Я сбросил тапочки и босиком, по острым камням и колючкам, побежал к пляжу. Когда мои ноги погрузились в горячий песок, мне стало так же хорошо, как в тот день, когда я впервые увидел море. Мне показалось, что и море тоже обрадовалось моему приходу, что оно тоже хочет проститься. Волны били мне в грудь, потом широко разливались по пляжу и с тихим шорохом уползали.

Я набрал полную панаму ракушек и побежал обратно в лагерь. Ракушки я спрятал на дно чемодана. Пусть в Москве, в дождливые осенние дни или в зимнюю вьюгу, эти ракушки напомнят мне о далеком южном городке, о золотом пляже, о синем, праздничном море.

Мне захотелось в последний раз пройти по зарослям кустарников, заглянуть в беседку, поваляться на зеленой лужайке. Я шел по аллее в каком-то задумчивом настроении. И вдруг я услышал торжествующий лай. Это Смелый, будка которого стояла неподалеку, узнал мои шаги и лаял, рвался ко мне.

Я отвязал Смелого и начал трепать его за уши. Он радостно крутился у моих ног, лизал руки и ласкался.

И тут в голову пришла мысль, которая заставила меня немедленно разыскать Капитана и даже вызвать

Мастера из таинственной, темной комнатушки. Андрея я не позвал.

— В чем дело? — недовольным голосом спросил Мастер, щурясь от яркого света.

— У меня есть одно предложение. Только дайте слово, что согласитесь со мной.

— Посмотрим! — многозначительно сказал Капитан.

— Нет, дайте слово, что согласитесь!

Я нагнулся, обнял Смелого и начал гладить его по белой лохматой груди. Пес даже глаза зажмурил от удовольствия.

— Да в чем дело, в конце концов? — воскликнул Мастер. Он начинал не на шутку сердиться.

— Кто из нас в Москве будет воспитывать Смелого? — спросил я.

— Все вместе, — ответил Мастер.

— Ну да! Мы все перессоримся из-за него. У кого он, например, будет жить?

— У всех по очереди.

— Что ж, мы так и будем таскать его через весь город: из Сокольников на Арбат, а потом в Измайлово?

— К чему ты клонишь? — спросил Капитан.

— А вот к чему. Что, если бы нам пришлось отдать Смелого?

— Зачем отдать? — удивился Мастер.

— Ну... или, вернее, подарить...

— Как это — подарить? Кому? — закричали оба.

Я боялся, что они не согласятся со мной, но медлить было нельзя.

— Давайте подарим Смелого моему другу Павке! А, ребята?

Сперва они помолчали, потом Капитан нерешительно развел руками:

— Да как же он, лежа в постели, будет воспитывать собаку?

— Павке гораздо лучше! — горячо заговорил я,

стараясь убедить товарищей. — И знаете, кто нашел улучшение? Профессор Чернобаев!

Последние слова я произнес так, будто фамилия профессора Чернобаева была с пеленок знакома моим друзьям.

— Но ведь мы хотели отдать собаку пограничникам, — сказал Мастер.

— А Павка как раз и собирается стать пограничником! Он воспитает собаку лучше нас с вами.

Друзья продолжали молчать. Вдруг Мастер, словно приняв какое-то решение, махнул рукой и сказал:

— А это — дело! По-моему, можно подарить.

— Пожалуй, можно, — подтвердил Капитан.

Но впопыхах мы совсем забыли о том, что надо спросить разрешения у Сергея Сергеича: ведь это его подарок.

Мы разыскали старшего вожатого.

Он не только разрешил нам подарить собаку, но даже похвалил нас и сказал, что наша дружба с санаторными ребятами — настоящая пионерская дружба!

Через несколько минут я принес из комнаты листок бумаги и написал на нем вот что: «Дорогой Павка! От имени всех ребят лагеря дарим тебе нашего Смелого. Дарим его вместе с будкой и жестяной миской для еды. Воспитывай Смелого, а потом возьми его с собой на погранзаставу. Ведь ты будешь пограничником! Скорей выздоравливай!»

Мы подписались под этим письмом. Потом я свернул бумажку трубочкой и, как всегда, положил ее Смелому под ошейник. А Смелый все время заглядывал мне в глаза. Он будто чувствовал, что в его судьбе должны произойти какие-то перемены, и очень хотел узнать, какие именно.

Я поцеловал Смелого в мокрый черный нос. Мне стало как-то не по себе. Капитан и Мастер тоже волновались. Я испугался, как бы они не передумали, и решил поскорее закончить прощание.

— Смелый, беги в санаторий! Беги к Павке! — произнес я, как всегда, тоном гипнотизера.

Смелый сорвался с места и помчался к своему новому хозяину, в санаторий. А мы смотрели ему вслед. Вскоре серый пушистый хвост последний раз мелькнул и скрылся за кустами акации.

Вечером мы узнали, что Смелый добрался до санатория и что его там хорошо встретили. Нам рассказал об этом Савелий Маркович. Он пришел из санатория к нам в гости, на костер.

Савелий Маркович подошел ко мне и сердито спросил:

— Ты что же это, Саша, без спросу увеличиваешь штаты в моем санатории?

— Как — увеличиваю? — не понял я.

— Не притворяйся! — Савелий Маркович погрозил мне пальцем. — Присылаешь к нам всяких крикливых, шумливых, смелых...

Тут я понял, о чем идет речь. А главный врач улыбнулся и сказал:

— Ну, шучу, шучу! Хороший подарок прислал Паше... И будку вашу мы тоже заберем. Сам потащу, невзирая на ревматизм.

...Гости к нам съехались со всего города.

Наступила торжественная минута. Андрей поднес спичку к куче хвороста посреди лужайки. Хворост вспыхнул, пламя тут же набросилось на сучья, на ветки — и огромный костер, треща, запылал.

Концерт был не такой большой, как в день открытия лагеря, но был еще интереснее, потому что проходил при свете костра.

Наши малыши очень хорошо пели, плясали и показывали разные смешные сценки. Потом Профессор с выражением прочитал собственное стихотворение о нашем лагере, которое кончалось так:

Провели мы здесь, ребята,
Замечательные дни!..

Вано Гуридзе поразил всех. Он начал петь одну очень красивую восточную песню, а потом песня как-то совершенно незаметно перешла в лихой танец — лезгинку. И тут я увидел, что у него действительно очень горячая кровь: он поднял возле костра такой ветер, что пламя кидалось из стороны в сторону...

А в физкультурных номерах сегодня участвовали почти все ребята. Мы делали сложные пирамиды, классно работали на брусьях, на турниках. И это, по-моему, очень расстраивало Витьку Панкова.

Вдруг я увидел, что от дома к большой поляне, на которой проходил наш сбор, бежит Мастер. В руках он держал что-то, а что именно — я издали не разобрал. Но вот Мастер подбежал ближе, и мы заметили, что в руках у него фотографии. Пламя костра осветило их, и мы увидели лицо Вани Алексеева.

— Вот это дело! — с восторгом сказал я, сам не замечая, что повторяю любимое выражение Мастера.

— Мастер, откуда это у тебя? — удивленно спросил Андрей.

— Сделал своим «Пионером» снимок со снимка. Ничего особенного, — ответил Мастер. — Тут десять фотографий. Раздадим всем членам нашего звена. А оригинал вернем Марфе Никитичне. Я сам отнесу ей после костра, ладно?

— Ладно, ладно! — воскликнул Андрей и обнял Мастера.

Как я завидовал Мастеру в эту минуту! Так вот почему он целый день просидел в темном чулане!

Началась наша последняя, торжественная линейка. Голоса вожатых... Короткие рапорты... Мне вдруг стало грустно-грустно: ведь я слышу все это последний раз. То есть, конечно, не последний раз в жизни, а здесь, на этой поляне. Ведь, может быть, я уже никогда сюда не приеду. А если даже приеду, то, наверное, здесь уже не будет ни Сергея Сергеича, ни Профессора, ни Зинки, ни нашего Вано... ни Андрея.

Запели горны, загремели барабаны. Дежурный, стоявший у мачты, потянул вниз тонкую бечевку, и красный флаг медленно пополз к земле.

12 августа

Снова стучат колеса поезда. Снова я лежу на верхней полке и гляжу в окно.

А внизу Профессор, Витька Панков и Мастер играют в «известных людей». Это очень интересная игра: берется какая-нибудь буква, и каждый называет всех известных людей, каких он знает на эту букву. Можно называть писателей, композиторов, артистов. Кто назовет больше фамилий — тот и выиграл. Выигрывает все время Профессор. Он знает известных людей даже на букву «Щ»!

Внизу то и дело происходят ссоры: Витька Панков говорит, что Профессор просто выдумывает некоторые фамилии, пользуясь его, Витькиной, необразованностью.

— А ты посмотри в энциклопедии, посмотри! — возражает Профессор, теребя очки на носу. — Не

знать, кто такой был Доницетти, — это просто стыдно! Известный итальянский композитор. У него еще есть опера «Любовный напиток».

— В Большом театре она не идет! — заявляет Витька.

— Мало что не идет! А ты посмотри в энциклопедии.

— Ты знаешь, что в поезде нет энциклопедии, потому и говоришь «посмотри»!

Вместо энциклопедии все трое обращаются к Сергею Сергеичу: он едет в соседнем купе. И каждый раз оказывается, что Профессор прав.

Нет, Витенька, здесь нужно головой работать, а не ручками и ножками! Вот у тебя и не выходит!..

А Андрей в коридоре учит Капитана делать комплекс утренней гимнастики своего собственного изобретения. Возится с ним, как нянька. А на меня даже не смотрит.

13 августа

Сегодня утром приехали в Сталинград.

К нам в купе зашел Сергей Сергеич.

— Ну, первый отряд, — сказал он, — идемте немного попутешествуем по Сталинграду. А вы, Андрей и Саша, будете нашими проводниками. Вы ведь город хорошо знаете.

— А мы вовсе не вдвоем убегали в Сталинград, нас больше было, — угрюмо ответил Андрей.

Сергей Сергеич покачал головой, словно хотел сказать: «Неужели вы до сих пор не помирились? Зря, очень зря!»

Мы прошли через знакомые ворота, справа от вокзала, и оказались в городе. Мы видели Сталинград всего двадцать восемь дней назад, но он очень сильно изменился. Мостовая, которая была раньше разворочена, теперь сверкала асфальтом. А в небольшом домике, где раньше сквозь окно можно было увидеть небо, теперь уже жили люди и на окнах стояли цветы.

Мы искали забор, на котором написали свои имена. Я отлично помнил, что забор этот был в конце квартала. Мы прошли весь квартал, но забора уже не было. Не было и строительных лесов, которые скрывались за этим высоким забором. На том месте, где стоял забор, теперь был широкий тротуар, а над тротуаром возвышался новый пятиэтажный дом.

— Пойдемте вон туда, — сказал Сергей Сергеич и повел нас через дорогу, на противоположную сторону улицы.

Мы подошли к высокому кирпичному дому.

— Вот эту школу мое подразделение защищало от врага, — сказал Сергей Сергеич. — Фашисты с воздуха разворотили крышу школы, разбили перекрытия. Но в самое здание мы их так и не пустили! И видите, школа уже восстановлена и в ней снова учатся здешние ребята.

Вот это да! Оказывается, Сергей Сергеич — фронтовик. И даже в Сталинграде воевал!

Я вспомнил концерт, который был у нас в день открытия лагеря. Значит, Сергей Сергеич тогда ни у кого не одалживал гимнастерку и галифе, в которых я чуть не утонул. Это была его собственная форма. Его собственная!..

Мы обошли школу кругом. До начала учебного года оставалось больше пятнадцати дней, но над главным входом уже был вывешен большой плакат: «Добро пожаловать!»

«Наверное, у Сергея Сергеича есть медали и даже ордена, — подумал я. — Но только он их никогда не надевает. А Витька Панков какой-то несчастный спортивный значок даже на пляже носит: нарочно майку никогда не снимает!»

Когда поезд тронулся, Сергей Сергеич и Катя пришли к нам в купе. Они долго разговаривали с нами, приглашали к себе на завод.

— Приходите к нам в гости, — говорил Сергей

Сергеич. — Мы вам пропуска закажем, цехи посмотрите. Ну как, Андрей, придете к нам с Сашей?

Андрей ничего не ответил.

Мне очень хотелось в эту минуту сказать ему: «Андрей, не сердись! Я, честное слово, все понял... Я никогда, никогда в жизни больше не буду подводить товарищей! И все дела научусь доводить до конца... Честное слово, научусь!» Но ничего этого я, конечно, не сказал.

14 августа

Поезд все приближается к Москве. Пора кончать свой дневник. Получилась целая толстая книга. А каждая книга должна иметь название. Как же мне назвать свой дневник? В лагере я провел двадцать шесть дней. Пять дней был в дороге... Всего, значит, получается тридцать один день. Так я и напишу на обложке: «Тридцать один день»...

Катя предупредила, что, когда поезд остановится, мы все должны будем построиться и организованно, со знаменами, горном и барабаном выйти на перрон.

Чем ближе к Москве, тем сильней я волнуюсь. Интересно, кто меня будет встречать — мама или папа? Не терпится скорей приехать. Чтобы время бежало быстрей, я попробовал заснуть, но у меня ничего не вышло. Тогда я попытался, как говорит Галка, «подумать над собой». Раньше у меня все не было времени, а вот сейчас как раз можно было и подумать. Но мысли в голову полезли такие грустные, такие печальные, что я совершенно неожиданно заснул...

Когда я проснулся, поезд уже подходил к перрону, к тому самому, с которого мы уезжали. Все стали прощаться. И тут впервые я назвал Профессора — Колей, а Мастера — Левой... Неужели Андрей ничего мне не скажет на прощание? Нет, в самый последний момент он, конечно, опомнится — я уверен...

Все стали готовиться к торжественному выходу на перрон. Но никакого торжественного выхода не получилось: как только поезд остановился, все папы и мамы хлынули в вагон и не дали нам построиться.

«Кого же я сейчас увижу — маму или папу?» — думал я. А увидел Галку. Она налетела на меня и стала целовать. Я весь похолодел от стыда (к чему эти нежности?). Но тут я заметил, что Андрея тоже целует какая-то полная пожилая женщина, и тогда немного успокоился. Мне показалось, что женщина сердито смотрит на меня. А потом я понял, что она просто очень похожа на Андрея, а Андрей на меня сердит, поэтому мне показалось, что и она тоже сердится.

И вдруг я увидел, что Андрей вместе с этой самой пожилой женщиной выходит из вагона. Значит, он так и не простил меня! Значит, мы с ним никогда-никогда больше не увидимся! А я-то мечтал познакомить его со всеми ребятами во дворе и каждое воскресенье куда-нибудь ходить вместе...

У меня даже все лицо вспотело от волнения, и я

стал вытирать его рукой. А Галка строго взглянула на меня и своим обычным тоном произнесла:

— Для этого существует платок!

Я полез в карман за платком. Но у меня платков никогда не бывало: я их тут же терял. В кармане лежала какая-то бумажка. Откуда она? Я вынул ее и развернул. Там было написано всего несколько слов: «Полянка, дом 10, квартира 3». И все...

Но больше мне ничего и не нужно было! Я знал, что эту записку написал Андрей. Значит, он сунул ее мне в карман, когда я спал. Значит, мы с ним увидимся! Тут я взял и поцеловал Галку...

ГОВОРИТ СЕДЬМОЙ ЭТАЖ

Повесть

ПЕСНЯ ПОД ОКНОМ

Ровно в восемь утра грянула песня. Она была такой громкой, что, казалось, певец вскарабкался на водосточную трубу, под самые окна, а подпевавший ему хор расположился где-то на ступеньках пожарной лестницы.

Со сна Ленька не мог понять: откуда во дворе эти голоса и эта музыка?

Из коридора послышался ворчливый голос соседки:

— В воскресенье поспать не дадут!

— Спать надо ночью, а утром как раз нужно петь! — возразил голос шофера Васи Кругляшкина.

Да, сегодня, конечно, было воскресенье: в обычные

дни по утрам шофер Вася вообще не разговаривал с ворчливой соседкой — это отнимало слишком много времени, и вполне можно было опоздать на работу. К тому же, как говорил Вася, «шофер должен беречь нервы во избежание уличных катастроф».

Ленька выглянул в окно... Вот это новость! Почти на самую верхушку старого деревянного столба взобрался новенький, блестящий громкоговоритель. Где-то там, внутри репродуктора, умещались и певцы-солисты, и целые хоры, и духовые оркестры...

Казалось, что ветхий, покосившийся столб гордо приосанился и даже чуть-чуть выпрямился: его еще никогда не использовали для таких высоких и торжественных целей. То он был стойкой футбольных ворот, то на него наклеивали разные объявления, а то обматывали вокруг него веревки, на которых сушилось белье... Ну, а сегодня с утра старый деревянный столб пел, и декламировал, и гремел маршами. Откуда-то сверху, из-под самой крыши, к столбу тянулись струнами натянутые провода.

Ленька был поражен: кажется, впервые за много лет во дворе произошло событие, о котором он не знал заранее. Скорей в коридор, к телефону...

С кухни тянуло сухим, неприятно щекочущим теплом газовых конфорок. По-воскресному торопливо и весело стучали ножи: мама и две соседки склонились над своими столиками.

Шофер Вася Кругляшкин, поставив ногу на перевернутый таз, доводил до немыслимого блеска свои новые желтые полуботинки.

— От вашего гуталина невозможно дышать, — процедила ворчливая соседка.

Это было очень странно: Вася даже не притрагивался к гуталину — он натирал свои ботинки кусочком от старого, выцветшего коврика, который, по его словам, «когда-то был персидским».

Не желая омрачать настроение, Вася подчинился и вышел в коридор.

— Здоро́во, Леонид!

Всех ребят в доме Вася называл полными «взрослыми» именами: Леонид, Татьяна, Ефим... Хотя самого шофера ребята запросто именовали Васей.

Как только Ленька коснулся трубки, соседка тотчас сообщила:

— А я вот была недавно в одном доме, так там детям вообще не разрешают подходить к телефону!

Ленька набрал номер — и три раза отчетливо произнес:

— БОДОПИШ! БОДОПИШ! БОДОПИШ!

— Вот видите: начал выражаться! — обрадовалась соседка.

Вася Кругляшкин не вытерпел:

— Он не выражается! БОДОПИШ — это, если на то пошло, сокращенное слово: «Боевой домово́й пионерский штаб!»

— Вот именно: «домово́й»! — не сдавалась соседка. — Все они — сорванцы и домовы́е!

БОДОПИШ ЗАСЕДАЕТ

Троекратно повторенное слово БОДОПИШ означало сигнал немедленного сбора. Ленька мог бы и попросту сказать: «Скорей приходите во двор!» Но это было не так интересно. К тому же, он заметил, что в ответ на такое обычное приглашение ребята не особенно торопились. Ну, а таинственный сигнал действовал совсем иначе: он заставлял немедленно срываться с места, забывая обо всем.

Уже через пять минут три члена «Боевого домового пионерского штаба» — Владик, Тихая Таня и сам Ленька — были в условленном месте — за дровяным сараем. Не хватало только Фимы Трошина.

— Всегда он опаздывает! — удивляясь такой странной привычке, пожал плечами Ленька.

Владик огляделся по сторонам, смешно сморщил маленький курносый носик и полушепотом, доверительно сообщил:

— Его отец вчера опять того... И так боится, чтобы не увидели: по сторонам озирается. А я вот увидел! Своими собственными глазами! Уже второй раз!..

Владик всегда и все видел «сам, своими собственными глазами». Просто удивительно было, как это его глаза всюду поспевали и все умудрялись разглядеть.

— С пьянством надо бороться! — отрезал Ленька.

Тихая Таня, усевшись на большом круглом камне и низко склонив голову, читала толстую растрепанную книгу. Услышав о Фимином отце, она тяжело вздохнула, перевернула страницу — и продолжала читать. Это никого не удивляло, к этому все привыкли. Ленька знал, что Таня, хоть и погрузилась в книгу, прекрасно все слышит и может в самый неожиданный момент вставить какое-нибудь неожиданное замечание.

Продолжая читать, она сказала:

— Фимин отец — вовсе не пьяница. Вы ведь знаете, почему он... Мама у них умерла...

— Так это уж когда было! — возразил Ленька.

— Значит, до сих пор переживает.

— Ладно! Начнем без Фимы, — сказал Ленька. И насмешливо взглянул на Владика. — Ты вот у нас все замечаешь: и кто новые занавески купил, и кому шкаф из магазина привезли. А это что такое?

Ленька поднял указательный палец, как бы заставляя всех прислушаться к маршу, гремевшему на весь двор.

Владик удивленно потянул своим носиком, словно «понюхал музыку»:

— Это? Оркестр...

— Да! У нас во дворе — музыка, оркестр, а БОДОПИШ ничего не знает? БОДОПИШ! Хозяин двора! Кто-то репродуктор повесил, откуда-то с чердака пластинки запускают... А мы только слушаем и удивляемся. Для чего мы тебя в штаб выбрали, а? Не знаешь? Чтобы ты нам обо всех новостях вовремя докладывал!

— Я и доложу! — всполошился Владик. — И доложу! — Он с опаской оглянулся на сарай, будто в нем могли сидеть и подслушивать тайные заговорщики: — Репродуктор этот «новенький» вместе с вашим Васей Кругляшкиным устанавливал!

— Какой «новенький»? Который бандуру таскает?

Тихая Таня оторвалась от книги:

— Не бандуру, а виолончель.

— Вот-вот! Я сам видел! Своими собственными глазами!

— Ага, понятно, — сказал Ленька. — Вася, значит, устанавливал, а этот... который в семнадцатую квартиру въехал... ему помогал?.. Так?

— Да нет, — возразил Владик, — все было наоборот!

— Что — наоборот?

— Вася ему помогал, а тот командовал: тут подвернуть надо, там провод закрепить... И на столб он сам лазил. И на чердак тоже. Высунулся с чердака и кричит: «Вася, лови провод! Лови другой!»

— Ну, а Вася?

— Ловил.

— И что же?

— Поймал!

— Врешь ты все!

— Вру? Да я своими собственными глазами!.. Он, этот новенький, и яму возле столба рыл. Я думал, он клад какой-нибудь ищет, — подошел совсем близко и на самое дно заглянул. Глубокая! Метра два, не меньше. А потом конец железной проволоки, которая с чердака тянется, в круг свернул и на самое дно бросил. «Заземление!» — говорит. И так это у него все быстро получалось!..

— У музыканта?! Да у них же руки нежные, белые, пальчики тоненькие... Они знаешь как за пальчиками своими следят — просто ужас! Сломать боятся или вывихнуть. Не мог он яму копать.

— Копал! Я сам видел: копал! А потом... — Владик оглянулся, подозрительно обвел взглядом сарай. — А потом я видел, как он из этой своей бандуры... из виолончели то есть... что-то такое таинственное доставал...

Владик даже понизил голос и еще раз оглянулся на сарай.

— Совсем заврался! — махнул рукой Ленька. — Ну, что он мог оттуда доставать? Она же внутри пустая, эта виолончель!

— Да нет, он не из нее, конечно, а из черного футляра, в котором ее таскают. Который еще на такой черный гроб смахивает.

— Гроб с музыкой! — засмеялся Ленька.

— Очень остроумно, — не отрывая глаз от книги, заметила Таня.

— Та-ак... Значит, новенький? Двух месяцев не

прошло, как въехал, — и уже распоряжается! — Ленька отшвырнул ногой кусок кирпича. — Тогда мы объявим этому репродуктору бойкот! Не будем его слушать!

— Уши затыкать, что ли? — не понял Владик.

Тихая Таня подняла на Леньку удивленные глаза и перевернула страницу:

— А по-моему, надо его использовать, этот репродуктор. Свои передачи устраивать. Как по настоящему радио!

— Правильно! — подхватил Ленька. И радостно забегал вдоль сарая. — Устроим свою радиостанцию! Концерты, беседы всякие, передачи для родителей... Я так и хотел! А потом будем на вопросы радиослушателей отвечать... если сумеем...

Так было всегда. Тихая Таня молчала-молчала, а потом вдруг высказывала самые дельные предложения, но коротко, в какой-нибудь одной фразе. Ленька тут же, на лету, подхватывал Танину идею, развивал ее — и через полчаса всем уже казалось, что это он, Ленька, все придумал. Да и сам он искренне в это верил.

— Прямо каждый день будем передачи устраивать! — торжествовал Ленька. — И утром и вечером!..

— Может быть, и ночью тоже? — спокойно поинтересовалась Таня. — Знаешь, так хорошо будет: все спят, а мы себе говорим, говорим!..

— Ночью нельзя...

— А утром можно? Занятия в школе отменим — так, что ли? Все домашние задания и книги сразу забросим?

От Таниных слов Ленька всегда, как говорится, приходил в чувство, остывал. Так было и сейчас. Выражение его подвижного, худощавого лица мгновенно изменилось: восторг уступил место минутной растерянности, а потом — задумчивости.

— Ну-у... тогда по вечерам будем, — медленно проговорил Ленька. И сразу вновь оживился: — Это

даже лучше! Все с работы приходят, все будут слушать! Мы докажем! Мы докажем этому несчастному виолончелисту, что повесить репродуктор на столб — это еще не все! Это — ерунда! А вот передачи устраивать — другое дело. Пе-ре-да-чи!.. БОДОПИШ всегда что-нибудь придумает! Правда?

— Еще бы! — торопливо поддакнул Владик.

— «Еще бы»! — передразнил его Ленька. — А самого главного-то ты и не узнал!

— Чего это?

— А того, откуда они пластинки запускают. Не с чердака же, в самом деле!

— На чердак я не лазил...

— И не полезешь: испугаешься!

— Я?.. Я?! Я полезу! — внезапно расхрабрился Владик.

— Ладно уж! Все вместе туда пойдем. А по дороге и Фимку захватим.

Ребята подошли к дому и стали на разные голоса кричать:

— Фимка-а! Фима-а!

В окне, на пятом этаже, показалось бледное небритое лицо:

— Фима сейчас спустится!

— Когда протрезвится, всегда добрый! — зло процедил Ленька. — Рукой закрывается, стыдно!..

Фима был невысоким, худеньким пареньком. На его бледном лице в это утро особенно выделялись большие темные глаза с воспаленными веками.

— Опять ревел? — угрюмо спросил Ленька.

Тихая Таня пристально взглянула на Леньку и твердо, отчетливо произнесла:

— Плакал, ты хочешь сказать?

— Ну, пла-акал... — поправился Ленька. — Какая разница!

Он взглянул на окно, из которого недавно выглядывало небритое лицо, и зло погрозил кулаком.

— Ты кому? — удивился Фима.
— Кому? Ясно — кому! Отцу твоему!
Фима опустил голову и тихо сказал:
— Не смей!

НА СЕДЬМОМ ЭТАЖЕ

В доме было шесть этажей... Пологий склон крыши был весь утыкан телевизионными антеннами, каждая из которых напоминала Леньке руль деревянного самоката. В трех местах, на одинаковом расстоянии друг от друга, возвышались полукруглые холмики чердачных окон. Из среднего окна вниз, к столбу, тянулись провода. Они были туго натянуты, и Леньке, который любил пофантазировать, вдруг показалось, что двор — это арена гигантского цирка, а в воздухе, над ареной, натянута проволока, на которой какие-то отважные эквилибристы будут показывать свои диковинные номера. Ленька так долго изучал окно чердака, и провода, и старый деревянный столб, что даже Тихая Таня не вытерпела:

— Ну, я пошла.

— Мы все пойдем! — встрепенулся Ленька. — Туда, на седьмой этаж — на чердак то есть! И все выясним. И почему радио замолчало — тоже узнаем! А то безобразие: поиграли каких-нибудь полчаса — и молчок!

— Можно подумать, что это он все устроил, а кто-то взял и испортил его работу, — тихо, как будто про себя, произнесла Таня. Она часто говорила о присутствующих в третьем лице.

«Он», то есть Ленька, сделал вид, что ничего не расслышал, и потащил ребят к черному ходу, через который можно было пройти на чердак.

«И почему это вход со двора называется «черным»? — сам с собой рассуждал Ленька. — Наверное, потому, что здесь никогда не меняют перегоревшие

лампочки, всегда темно, и вполне можно свернуть себе шею...»

Словно отвечая его мыслям, сзади раздался испуганный голос Владика:

— Ой, я наступил на что-то живое!

«Что-то живое» громко, гортанно взвизгнуло, прошмыгнуло под ногами у ребят, и уже через секунду откуда-то сверху смотрели круглые, словно электрические пуговицы, зеленые глаза.

— Я надеюсь, ты не отдавил ей лапу? — тихо спросила Таня.

— Если бы отдавил, она бы так быстро не убе-

жала, — еще не оправившись от испуга, ответил Владик.

— Смотреть надо себе под ноги!

— Я смотрю-ю, но только ничего не ви-жу, — оправдывался Владик, который, как и все мальчишки во дворе, побаивался Тихой Тани.

— Даже «своими собственными глазами» ничего не видишь? — съехидничала Таня.

И Владик тут же наткнулся на чье-то пустое ведро.

— Надо искать дорогу по запаху! — предложил Ленька. — Слышите запах кислой капусты? Это бочонок нашей «мадам Жери-внучки». Я знаю! Он на площадке шестого этажа стоит. Вот на него и надо идти.

Все, кроме Тани, дружно зашмыгали носами и через несколько минут были на чердаке. Через крайние окна, словно золотистые прожекторы, вливались снопы утреннего света. В этих струящихся солнечных полосах плясали бесчисленные пылинки.

Ленька растерянно почесал затылок:

— А где же третий прожектор?..

— Какой «прожектор»? — не понял Владик.

— Ну, третье окно... Среднее, самое главное, из которого провода тянутся... Где оно?

Ленька сделал несколько шагов и вдруг воскликнул:

— Смотрите! Здесь какая-то комната... И дверь!

В самом деле, среднее чердачное окно было со всех сторон огорожено неоштукатуренной кирпичной коробкой. Кирпичи были уже не красные, а коричневые, выцветшие, побуревшие от времени. Кирпичная кладка не была закончена и не доходила до самых чердачных перекрытий. Из-за неровных, зубчатых вверху стен все сооружение напоминало какую-то миниатюрную древнюю крепость.

Видимо, с внутренней стороны кирпичная коробка образовывала небольшую квадратную комнатенку.

Туда вела дверь со ржавыми замочными скобами. Замка не было, а круглые отверстия скоб были соединены и тщательно обмотаны проволокой. На двери висела небольшая, но грозная бумажка: «Посторонним вход воспрещен!»

Ленька сразу подскочил к двери и стал разматывать проволоку. Фима Трошин подошел сзади, осторожно взял Леньку за руку, и тут первый раз за все время, пока ребята забирались на чердак, раздался мягкий, спокойный Фимин голос:

— Не надо этого делать. Ведь написано...

— Написано: «Посторонним вход воспрещен!» — резко обернулся к нему Ленька. — А мы — не посторонние! Мы — члены «Боевого домового пионерского штаба». А БОДОПИШ — хозяин двора!

— Все равно не надо, — повторил Фима.

И Ленька отошел от двери.

ОЛЕГ И ЕГО БАБУШКА

Еще в детском саду Олег выучил наизусть и полюбил песенку «В лесу родилась елочка». Это была очень простая и короткая песенка, но именно с нее начались все неприятности. Бабушка решила, что у внука замечательный слух и что с таким «абсолютным слухом» абсолютно необходимо учиться музыке.

Олега торжественно и шумно повели на экзамен в музыкальную школу. А обратно привели тихо и растерянно: педагоги не обнаружили у мальчика музыкальных способностей.

— Чтобы не найти у него слуха, надо самим быть глухими! — заявила бабушка.

Она добавила также, что первый провал внука как раз говорит о его незаурядном даровании: ведь Шаляпина в молодости тоже не приняли в хор, а оперу «Кармен» на первых представлениях просто освистали.

Бабушка хорошо знала историю музыки. Она даже сама играла на рояле и очень любила концерты-загадки по радио. Должно быть, в молодости она мечтала стать пианисткой, но мечты эти не сбылись, и теперь Олег должен был преуспеть в искусстве сразу за двоих: за себя и за бабушку.

Бабушка находила даже, что внешне Олег чем-то похож на юного Паганини. Никто из семьи Брянцевых не был лично знаком с юным Паганини, и все же папа посмел утверждать, что у того было бледное, худое, вытянутое лицо, обрамленное черными смоляными волосами. Олег же был круглолиц, розовощек, и над его добродушными голубыми глазами свисала шелковистая белесая челка.

Одним словом, полного совпадения не было. И все же бабушка уверяла, что в глубине глаз у Олега светятся такие же «вдохновенные угольки», как и у великого скрипача-итальянца. Но это видела только бабушка. А для всех остальных глаза Олега источали полнейшее спокойствие и лишь иногда еле заметно искрились лукавством.

Чтобы положить какое-то начало музыкальной карьере внука, бабушка года два назад пошла даже на небольшую хитрость. Ей удалось однажды ответить на десять из тринадцати вопросов «концерта-загадки». Заказное письмо в редакцию бабушка послала от имени внука, и вскоре дикторша слегка удивленным голосом объявила по радио, что «вторую премию завоевал ученик четвертого класса Олег Брянцев, умно и толково ответивший на десять вопросов. Успех мальчика свидетельствует о хорошем преподавании музыки в его школе».

Музыку у Олега в школе вообще не преподавали: никак не могли найти подходящего педагога. Но после этого случая сразу нашли. Еще бы: из других школ стали приходить для обмена опытом! Бабушка торжествовала: ее затея принесла явную пользу.

— И никакого здесь нет обмана! — заявляла

она. — Ведь Олежка сидел рядом и многое отгадывал сам! Ну, а остальное мы отгадали вместе!

По профессии бабушка была бухгалтером. Уже несколько лет она получала пенсию, но, когда наступала пора годовых финансовых отчетов, старые сослуживцы приходили к Анне Степановне за помощью. Сослуживцы любили бабушку — она была доброй, отзывчивой, и, кроме того, как говорили сослуживцы, с ней вместе из бухгалтерии «ушла музыка». Бабушка постоянно что-нибудь напевала. С одной мелодии она незаметно переходила на другую, хотя в каждой песне знала лишь несколько строк, и то не вполне точно.

Олег тоже любил бабушку, не хотел ее огорчать и потому согласился учиться музыке. Но какой инструмент выбрать?

— Пианистов много, — рассуждала бабушка. — Скрипачей тоже много. Пожалуй, лучше всего виолончель.

— Я не люблю виолончель: ее тяжело таскать, — легкомысленно возразил Олег.

Это решило все. Бабушка вскипела:

— Разве можно так подходить к музыке? С таких позиций? «Тяжело таскать»! В искусстве ничего не дается легко, запомни это!

На следующий день была куплена виолончель.

Два раза в неделю, после обеда, Олег стал ходить к частному педагогу. А под вечер бабушка звонила по телефону и справлялась об успехах внука. Частный педагог был в восторге. Олег, по его мнению, так хорошо успевал, что ему было бы полезно заниматься не два раза в неделю, а каждый день. Бабушка тоже была счастлива, но от ежедневных уроков все-таки воздержалась: это было слишком дорого.

— А как хорошо было бы заниматься каждый день! — время от времени вздыхала она. — Ты бы скорей стал лауреатом международного конкурса!

И вот два месяца назад бабушкина мечта неожиданно осуществилась...

Брянцевы обменялись и переехали на новую квартиру: в старом доме не было лифта, а у бабушки болели ноги, ей трудно было подниматься на пятый этаж. Олег перешел в другую школу. И вот, придя как-то после занятий домой, он сообщил:

— А в этой школе есть музыкальный кружок! И на виолончели там можно заниматься каждый день. Бесплатно!

На радостях бабушка испекла пироги и заплатила частному педагогу за целый месяц, хотя Олег занимался всего двадцать дней:

— Пусть не обижается!

— Очень нужно ему обижаться! — проворчал отец Олега.

— Он многое теряет! — воскликнула бабушка. — Когда-нибудь Олег прославил бы его, как своего первого учителя.

— Ну, это еще бабушка надвое сказала.

— Я — бабушка! И я никогда не говорю «надвое»! Я всегда говорю прямо и определенно: Олег будет музыкантом!

Отец хотел, чтобы Олег стал когда-нибудь в будущем толковым инженером. Ну, а сперва хорошим токарем или, может быть, фрезеровщиком на заводе.

— Ты хочешь, чтобы он повторил твой путь, — говорила бабушка. — Но пойми же, наконец: у него другие способности. И другое призвание! Смычок и струны — вот что он будет держать в руках всю жизнь!

Однако часто по вечерам Олег держал в руках и рубанок, и напильник, и плоскогубцы... Он допоздна столярничал в ванной комнате, что мешало соседям мыться и очень тревожило бабушку:

— Смотри, надо беречь руки! Вся твоя судьба — в твоих руках! Вернее сказать, в твоих пальцах.

— Знаю, бабушка, — добродушно соглашался Олег. — Вот я их и развиваю — пальцы. Так в музыкальном кружке советуют: строгайте, говорят, пилите!

«Может быть, это новые методы музыкального воспитания? — рассуждала бабушка. — В наше время музыканты не пилили и не строгали... Но, может быть, сейчас... Хотят как-то породнить технику с искусством?»

Все этажерки и книжные полки в доме были сделаны руками Олега. Когда приходили гости, бабушка потихоньку, тайком от внука, хвасталась:

— Он! Все он сам!.. Своими руками!

И потом громко, чтобы слышал Олег, восклицала:

— Но главное, конечно, музыка! Он просто живет в мире звуков... мелодий! И каждый день — (представьте себе, каждый день!) — ходит на занятия! А вот Моцарт, говорят, был в детстве не очень прилежным мальчиком...

Да, вот уже почти два месяца Олег ходил на занятия каждый день. Дома он перестал упражняться: вся работа шла в музыкальном кружке, под наблюдением опытнейшего педагога — «бывшего всесоюзного лауреата», как называл его Олег.

Несколько раз бабушка порывалась пойти в школу, познакомиться с новым музыкальным руководителем внука. Но отец Олега останавливал ее:

— Я уже был в школе. И могу удостоверить: это действительно блестящий музыкант! Зачем же опять ходить, зачем надоедать?..

И бабушка, тяжело вздыхая, откладывала свое знакомство с «бывшим лауреатом».

И к музыкальному инструменту своему Олег стал относиться гораздо бережней, чем прежде, с нежностью и даже с любовью. Футляр он всегда держал закрытым, чтобы никто не трогал виолончель руками. Он не бросал инструмент где попало, а хранил

его на особой полке возле своей кровати. И даже бабушке не разрешал к нему прикасаться.

— Все-таки учеба в коллективе дает свои плоды! — радовалась Анна Степановна. — Разве частный педагог мог научить его такой аккуратности? Никого даже близко к виолончели не подпускает. Бережет! Дорожит! И всегда так спешит на занятия, будто на праздник! На минуту не опаздывает! Искусство поглотило его целиком.

Бабушка, простая и скромная женщина, заговорив о музыке, начинала вдруг произносить такие громкие, высокопарные слова, которые бы в другое время ни за что не пришли ей на ум.

Олег занимался в музыкальной школе даже по воскресеньям. Вот и в это утро он бережно снял с полки черный футляр и, попрощавшись с бабушкой, вышел из дома.

„ГРОБ С МУЗЫКОЙ" ИЛИ...

Брянцевы жили на первом этаже... Выйдя из парадного на улицу, Олег сразу направился к окну. Он знал, что бабушка непременно высунется на улицу с криком:

— Ох, я совсем забыла!..

Именно в эти полминуты, за которые Олег успевал дойти от дверей квартиры до окна, у бабушки в голове рождались самые срочные советы и наставления внуку. Если же у нее ничего не рождалось, то она просто напоминала о том, что в Москве очень бурное уличное движение, все шоферы летят как угорелые, и поэтому, переходя улицу, «не надо считать ворон». Так было и сегодня...

Чтобы успокоить бабушку, Олег механически кивнул головой, а про себя вдруг подумал, что выражение «считать ворон» явно уже устарело — за всю свою жизнь он, кажется, не видел в Москве ни

одной вороны. Говорили бы уж лучше — «считать голубей»!

— У нас самый опасный перекресток! — не унималась бабушка. — Вчера чуть было не задавили одного молодого мужчину. Будь осторожен на перекрестке!

Бедная бабушка! Ей и в голову не приходило, что Олег вообще не дойдет до перекрестка, а, таинственно оглянувшись и убедившись, что она уже скрылась в окне, свернет во двор.

По улице Олег шел не торопясь, рассеянной и задумчивой походкой, как подобает музыканту. А по двору он зашагал быстро и сосредоточенно, как человек, имеющий какое-то определенное, срочное и весьма земное дело.

Внимательно, по-хозяйски оглядев на ходу старый деревянный столб и поблескивавший на солнце репродуктор, Олег скрылся за дверью черного хода.

По темной лестнице он поднимался не ощупью, не спотыкаясь на каждом шагу, как Ленька с приятелями, а уверенно и быстро: путь этот, по всему видно, был хорошо известен Олегу. Еще бы! Даже в это воскресное утро он поднимался по темной лестнице уже не первый раз. И, кажется, даже чердачные кошки привыкли к нему и не мешали, не путались зря под ногами. Лестница была узкая, и свой громоздкий черный футляр Олег обхватил обеими руками, бережно прижал к груди.

Скрипнув дверью, обитой ржавым железом, Олег зашагал по чердаку так же быстро и уверенно, как по темной лестнице. Вдруг чей-то незнакомый голос заставил его остановиться:

— Вася? Кругляшкин?.. Это ты?

— Кто тут? — спросил в ответ Олег.

Щуплый, маленький Владик приподнялся на цыпочки и зашептал Леньке в самое ухо:

— Это же новенький... Я вижу «гроб с музыкой»!

— И что за глазищи у тебя! Прямо как у кош-

ки! — не то насмешливо, не то с завистью ответил Ленька и, отстранившись от Владика, брезгливо вытер ухо рукавом курточки.

В этот момент «новенький» как раз подошел к членам БОДОПИШа. Высокий Ленька сверху оглядел крепкую, коренастую фигуру Олега и «гроб с музыкой», который тот по инерции все еще прижимал к груди. Казалось, он прикрывался черным щитом от возможного нападения Леньки и его друзей.

Вид у Леньки и в самом деле был очень воинственный. Он стал вполоборота, приподнял правое плечо, а голову втянул в плечи, словно боксер, готовый к бою. Худощавое лицо его порозовело, на щеках возле носа выступили капельки пота, а задиристые глаза выражали состояние крайнего напряжения и отчаянного поиска: чем бы уязвить «новенького»?

Олег же спокойно как ни в чем не бывало спустил свой черный футляр, подошел к двери и стал не спеша откручивать проволоку.

— Почему это репродуктор замолчал? — строгим, начальственным тоном спросил наконец Ленька.

— Испортился, наверное, — не оборачиваясь, ответил Олег.

— Ишь ты, «испортился»! Полчаса поиграл — и уже испортился!..

Тихая Таня дернула Леньку за рукав:

— Пришел в гости — и распоряжаешься?

— Кто пришел в гости?! — шепотом вспылил Ленька. — Я?! Мы?! Это он приехал к нам в гости из другого дома!

Ленька хотел добавить что-то еще, но встретился с твердым, спокойно-насмешливым взглядом Тани — и замолчал.

К счастью, в это время Олег совсем раскрутил проволоку, заменявшую замок.

Тактичный и вежливый Фима спросил:

— Можно войти?

— Можно! Заходи! — ответил Ленька, хотя Фима обращался вовсе не к нему.

Ребята вошли в недостроенную комнату с чердачными балками вместо пола, с темным чердачным сводом вместо потолка и с голыми кирпичными стенами.

На самодельном столе, напоминавшем длинный деревянный верстак, возвышался радиоусилитель. По его неказистой верхней «одежде», едва-едва прикрывавшей сложнейшее хитросплетение металлических внутренностей, можно было сразу сказать: усилитель самодельный. Тут же стоял небольшой микрофон, самодельный электропроигрыватель с пластинкой, застывшей на диске. Другие пластинки были горкой сложены в картонную коробку. Любопытно вытянув свою тонкую шейку, глядел в окно электропаяльник. Кусками застывшей лавы валялась на столе канифоль.

Ленька, раскрыв рот, как завороженный склонился над радиоусилителем. На него смотрели серебристые алюминиевые патроны конденсаторов, радиолампы; разноцветные патрончики постоянных сопротивлений с хвостиками проводов; круглые, словно из-под вазелина, коробочки переменных сопротивлений; внушительные катушки трансформаторов...

Придя в себя от первого впечатления, Ленька спросил:

— Ну и что же здесь не в порядке?

— А ты посмотри... — ответил Олег. — Может, лампа барахлит. Или трансформатор пробило...

Ленька с видом знатока оглядел сверкавшие стеклом и серебром внутренности усилителя и укоризненно покачал головой:

— Как же это вы без инструментов живете? Один паяльник торчит — и все... Тут без инструментов не обойдешься!

Добродушное, круглое лицо Олега не выразило ни замешательства, ни досады.

— Тебе инструменты? Пожалуйста! — с самым невозмутимым видом произнес он.

Наклонился и взвалил на верстак свой громоздкий черный футляр. Покопавшись в потайном кармашке брюк, он достал маленький ключ и открыл совсем крошечный висячий замочек (как видно, собственной конструкции), запиравший футляр.

Олег откинул черную крышку — и Ленька замер от изумления: в глубоком футляре были аккуратно разложены стамески, рубанок, напильники, плоскогубцы, мотки проволоки и даже баночки с гвоздями и шурупами.

— А где же эта самая... виолончель? — тихо спросил Ленька.

Все его приятели на миг онемели.

— Чего это у тебя там?.. — прошептал наконец Владик.

Только один Олег остался, как всегда, невозмутимым. Он вынул плоскогубцы и, словно не замечая удивления ребят, спросил у Леньки:

— Нужны?.. А лучше орудуй сам. Бери все, что нужно!

— Значит... значит, это не «гроб с музыкой»? Это...

— Оригинальный музыкальный ящик с разными немузыкальными инструментами, — подсказал Олег. — В общем, берись за дело!

Ленька слегка порозовел, с недоумением повертел в руках плоскогубцы, еще ниже склонился над усилителем, для чего-то приблизил к нему ухо и поставил твердый диагноз:

— Да, лампа! И трансформатор тоже!

Олег молча подошел к усилителю, проверил адаптерные гнезда, затем включил электропроигрыватель — и вдруг внизу, во дворе, поплыла песня. Та самая, что часа полтора назад заставила Леньку вскочить с постели.

— Сам?.. Сам, что ли, выздоровел? — прерывающимся голосом спросил Ленька.

— А чего ему выздоравливать? Он и так был вполне здоров.

— Так, значит... значит, ты...

— Просто хотел узнать, как ты разбираешься в технике. Вот и все.

— Меня? Проверять?! Как разбираюсь? Да уж не хуже тебя!

— Хуже, Леонид! Хуже, если на то пошло, — раздался вдруг сзади спокойный голос Васи Кругляшкина.

Вид у Васи был самый что ни на есть воскресный. Если бы Вася был неодушевленным предметом, про него бы сказали, наверное: «Только что из магазина! Прямо с полочки!» Он был чисто выбрит, в тщательно отглаженном темно-сером костюме и желтых полуботинках, таких блестящих, что они могли посоперничать с новенькими металлическими деталями радиоусилителя.

— Меня тут сперва за вас приняли. Васей назвали, — сообщил Олег.

— Ну да! Потому что ведь ты, Вася, все это сделал? Оборудовал, так сказать! — Ленька обвел руками длинный деревянный верстак. По праву соседа он называл Васю на «ты».

Вася сдвинул на затылок кепку с коротким козырьком и покачал головой:

— Чужих заслуг присваивать не люблю. Помощником был, не спорю... А главный, если на то пошло, инициатор и исполнитель...

— Да ладно, ладно! Вместе делали! — перебил Олег: Васины похвалы, казалось, были ему неприятны.

Чтобы переменить тему разговора, Фима Трошин неожиданно спросил:

— А кому, интересно, эта комната принадлежала?

— Сами не знаем, — ответил Олег. — И откуда она здесь, на чердаке, эта старая кирпичная коробка?

— Я узнаю! Сегодня же узнаю! — воскликнул Ленька, которому очень хотелось хоть в чем-то проявить себя и взять реванш.

— Не хвались! Откуда ты можешь узнать? — тихо одернула его Таня.

Но Ленька не хвалился: он действительно мог узнать.

„МАДАМ ЖЕРИ-ВНУЧКА"

До революции дом принадлежал акционерному обществу «Мадам Жери и дочь». Сама мадам давно удрала за границу. А дочь ее долго еще жила на третьем этаже, в квартире номер девять. И занимала в этой квартире всего-навсего одну небольшую комнату, выходившую окнами во двор.

После «Жери-дочки» наследников не осталось, и в комнату ее въехала Калерия Гавриловна Клепальская. Ленька прозвал новую соседку «мадам Жери-внучка».

На двери девятой квартиры, возле круглого серебристого звонка, висела табличка, на которой аккуратно, черной тушью было выведено: «Уткиным — 1 звонок, Кругляшкину — 2 звонка, Митрохиной — 3 звонка». А где-то в стороне зловеще поблескивала маленькая черная кнопочка, и рядом, под целлофановым ограждением, — категорический наказ: «Только Клепальской!»

На всех жильцов девятой квартиры приходился один облезлый металлический ящик с дырочками — «Для писем и газет». «Мадам Жери-внучка» отдельного ящика не заводила по той простой причине, что газет она не выписывала и писем ни от кого не получала.

Несколько месяцев в своей жизни Калерия Гавриловна была на «воспитательной работе» — она собрала небольшую группку дошкольников и гуляла с ней по бульвару, обучая малышей французскому языку и хорошим манерам. Когда все ребята уже вполне овладели хорошими манерами, они забросали свою воспитательницу снежками, и группа была распущена. Калерия Гавриловна перешла на работу «в искусство»: она стала продавать театральные билеты. Всех знаменитых артистов она называла теперь просто по имени, как своих старых знакомых. Она точно знала, у кого из них какой характер и сколько метров жилой площади.

По вечерам она вела долгие разговоры со своими подругами из других театральных касс:

«А что, если я попрошу у вас «Спящую красавицу» взамен «Пиковой дамы»? Я обещала одной своей приятельнице «Лебединое озеро», а достала только «Бахчисарайский фонтан»...»

Однажды Калерия Гавриловна принесла Леньке билет на премьеру в Театр юного зрителя. И, если с той поры он когда-нибудь отказывался выполнять ее просьбы (сбегать в магазин, снести мусорное ведро во двор), «мадам Жери-внучка» восклицала:

«И это благодарность за те культурные удовольствия, которые я тебе доставила?!»

Шофер Вася Кругляшкин доказывал, что Калерию Гавриловну не случайно поселили в комнату бывшей домовладелицы:

«У нее самой полно родимых пятен!»

Ленька повнимательней пригляделся к новой соседке, но никаких родимых пятен у нее не обнаружил. Зато он нашел целых две бородавки: одну в центре лба, как раз в том самом месте, где у индийских артисток в кино бывает черное пятнышко; а другую — на подбородке.

Тогда шофер Вася объяснил Леньке, что он, оказывается, имел в виду «родимые пятна прошлого»,

то есть разные пережитки в характере Калерии Гавриловны.

С этим уж трудно было спорить — пережитки действительно были: Калерия Гавриловна любила поворчать, посплетничать и поскандалить на кухне.

В наследство от бывшей домовладелицы ей достались не только «родимые пятна и бородавки прошлого», но еще две толстые книги в кожаных переплетах, пахнущие сыростью и стариной. Ленька знал, что в одной книге был точный список всех бывших жильцов дома, которым мадам Жери-старшая сдавала комнаты и квартиры внаем. А во второй книге был дневник «старшей мадам», в котором было подробно рассказано обо всех деловых операциях акционерного общества.

В последнее время две толстые кожаные книги подпирали кухонный столик «мадам Жери-внучки», который во время своего недавнего передвижения из дальнего угла к окну потерял одну из четырех ножек. Калерия Гавриловна, в результате длительных переговоров, конфликтов и прямых агрессивных действий, захватила в конце концов самое светлое и удобное место на кухне.

«Я въехала в квартиру позже всех, я — ваша гостья! — заявляла она. — И вы должны идти мне навстречу!»

* * *

Ленька влетел на кухню, когда там уже никого не было: покончив с воскресными обедами, все жильцы отдыхали в комнатах или пошли подышать свежим воздухом.

Ленька подбежал к столику Калерии Гавриловны, присел на корточки и стал вытаскивать старинные книги. Посуда, прикрытая серым кухонным полотенцем, с тихим, зловещим звоном поползла вниз. Ленька еле-еле успел удержать ее. Тогда он недолго думая поставил круглые горки тарелок и блюдец прямо на пол и легко вытащил книги из-под стола.

Список жильцов, снимавших комнаты у мадам Жери-старшей, был длиннющим. Каждая страница была пересечена сверху донизу узкими и ровными дорожками граф. И каждая графа имела свое особое назначение: «Фамилия, имя и отчество. Когда прибыл. Когда убыл». Две последние графы очень удивили Леньку: «Благонадежность» и «Особые приметы».

Против фамилии каждого жильца поспешным, деловым почерком домовладелицы было выведено: «Благонадежен» или «Неблагонадежен»; «Надо приглядеть» или «Надо сообщить в полицию»...

В графе «Особые приметы» отмечалось: «Состоятелен. Платит вовремя». Или «Несостоятелен. Платит не вовремя». У тех, кто был «несостоятелен» и «платил не вовремя», даты прибытия и убытия отстояли друг от друга на очень небольшом расстоянии: мадам Жери, как видно, любила аккуратность и долгов не прощала.

Сидя на полу, в окружении тарелок и блюдец, Ленька задумался... Ему трудно было представить себе, что весь этот огромный дом, сложенный из мрачного серого гранитного камня, дом, в котором сейчас живут его, Ленькины, приятели, их мамы и папы, бабушки и дедушки — рабочие, инженеры, врачи, учителя, — что весь этот дом принадлежал когда-то всего-навсего двум женщинам-домовладелицам. И они могли выгнать на улицу любого, кто приходился им не по вкусу или у кого не было денег, чтобы уплатить вовремя.

Ленька встал и прошелся по кухне, по широкому старинному коридору. Одна их квартира — и та вон как велика! А сколько в доме таких квартир! И все это было в руках двух человек, всего двух! Конечно, Ленька и раньше читал в книгах о капиталистах, и фабрикантах, и домовладельцах, но сейчас он как-то особенно ясно представил себе, до чего же несправедливо было все устроено в том старом мире, кото-

рый сейчас вдруг предстал перед ним в виде этих двух толстых книг, пахнущих плесенью!

Ленька вернулся на кухню, снова сел на пол и раскрыл вторую книгу. «Дневник мадам Жери-старшей» — было написано на первой странице. А ниже, в скобках, добавлено: «Жериковой». Вот, оказывается, как просто звучала настоящая, не сокращенная на иностранный манер фамилия бывших домовладелиц!

В дневнике мадам Жери-старшая писала только о делах: с кого надо получить, кому еще «накинуть» квартплату и каким способом из одной обыкновенной комнаты сделать две, а то и три...

«Ведь богатая же была, целый дом имела, — рассуждал про себя Ленька, — а все о выгоде думала! И зачем ей нужно было столько денег? Просто понять невозможно!» Сидя на полу, Ленька пожимал своими худыми, острыми плечами, а серые глаза его выражали крайнее удивление: ведь когда у него, у Леньки, в кармане было пять или шесть рублей, он чувствовал себя настоящим богачом. А тут целый дом — и все мало, все мало...

Удивляясь аппетиту бывшей домовладелицы, Ленька листал страницу за страницей... И вдруг остановился — на странице семьдесят седьмой было написано: «И как же это я такой дурой оказалась: чердак-то у меня стоит пустешенек! Надо бы и там комнат понаделать... Завтра, к полудню, рабочих вызову...»

Эта запись была сделана в мае 1917 года. «Понаделать комнат» на чердаке домовладелица так и не смогла. Даже одной комнаты она не успела закончить: осталась пустая кирпичная коробка. Так вот, значит, откуда она!.. Сейчас Ленька помчится во двор и всем докажет, что он вовсе не хвалился, как думает Тихая Таня, что он и в самом деле узнал историю этой таинственной комнаты на чердаке...

— Что это такое? Блюдца на полу! Сервиз на полу! Среди микробов! Среди грязи! — раздался вдруг сзади крик.

Ленька обернулся и увидел Калерию Гавриловну.

— Ты что здесь делаешь? Что?!

— Я?.. Я... читаю...

— Он читает! Библиотека на полу! Да как ты посмел?.. Как ты посмел тронуть мою посуду?!

— Я... Мы... Мы хотели починить ваш стол! Ваш столик! Вот я его и осматриваю! — выпалил вдруг Ленька.

— Кто это «мы»?..

— Ну, мы... БОДОПИШ организует во дворе мастерскую... под таким, знаете, замечательным названием... Ну, под таким названием... «Что сломалось — все починим!» Вот! У вас столик поломался? Да? Вот мы его и починим. И поставим на ноги!

— А книги зачем взял? — с недоверием поинтересовалась Калерия Гавриловна.

— Книги?.. Они же мешали мне столик осматривать, вот я и взял. Ну, и почитал заодно. И такое вычитал! Вот послушайте, Калерия Гавриловна: «...чердак-то у меня стоит пустешенек! Надо и там комнат понаделать...» На чердак хотела людей загнать! И одну комнату построила даже. То есть почти построила... Только закончить не успела: революция ей помешала.

— Да уж, они умели хозяйство свое вести! — вздохнула Калерия Гавриловна. — А сейчас эта комната небось пустая стоит? А?..

Глаза Калерии Гавриловны вспыхнули вдруг от какой-то внезапной идеи.

Но Ленька заставил их потухнуть:

— А вот и не пустая! Там будет радиостудия. И мы будем каждый день передачи устраивать. Как вот сегодня утром. Слышали? Настоящие передачи, а не просто пластинки крутить...

— Как сегодня утром?! Каждый день так будет?!

От этой вести Калерия Гавриловна даже слегка покачнулась. — Ну уж, простите! Я вас слушать не буду. Сразу буду выключать!

Ленька хитро улыбнулся:

— Выключать? Для этого вам придется залезать во-он на тот столбик! Видите? Вы умеете по деревьям лазить?

Калерия Гавриловна выглянула во двор и смерила глазами старый, покосившийся столб с репродуктором, похожим на серебристый колокол, повернутый своим круглым «жерлом» к окну.

Глаза «мадам Жери-внучки» сузились, предвещая грозу, и потому Ленька поспешил вернуться к столику:

— Мы его починим! Вот увидите! И не какие-нибудь протезы, а самые настоящие новые ножки поставим. В нашей мастерской... ну, в этой самой — «Что сломалось — все починим!»

ГОВОРИТ СЕДЬМОЙ ЭТАЖ!

Ленька чувствовал себя настоящим следопытом. Захлебываясь от восторга, он рассказывал друзьям историю, в каждое слово которой сам искренне верил:

— Положение было очень трудное: на кухне все время соседи. Да и вполне понятно: воскресенье! Долго я ждал подходящего момента, и вот наконец все ушли... Но надолго ли? Неизвестно! В моем распоряжении было всего несколько минут. Но я рискнул! Подошел к столу «мадам Жери-внучки» и вытащил из-под него две толстенные кожаные книги. Чуть прямо не надорвался. Стол тяжеленный: продукты, мясорубки, кастрюли... Только я, значит, вытащил книжки, стол наклонился, и вся посуда зазвенела, поехала вниз. Я прямо как фокусник какой-нибудь — одной рукой придерживаю посуду, а другой листаю книгу. Чует мое сердце, что где-то здесь должно быть написано про чердак! А почерк — ужасный, ни одного слова не разберешь. И вполне понятно: домовладелица! Нарочно так писала, чтобы простые люди разобрать не могли... Наконец нахожу нужную запись! И тут... на кухне появляется Клепальская! Как она закричит! Как в обморок кувырнется!.. Я одной рукой посуду придерживаю, другой ее обмахиваю — в чувство привожу, а глазами продолжаю по строчкам шнырять и все до конца дочитываю!.. Узнаю историю этой таинственной комнаты! «Жери-внучка» скандалит...

— Так она же в обморок упала? — подала вдруг голос Тихая Таня.

— Сперва упала, а потом... поднялась! Пришла в себя! И как закричит: «Что ты с моим столом делаешь? Сейчас я милицию позову!» И тут вдруг меня осенило. При чем, говорю, здесь милиция? Я же помочь вам хочу. Столик ваш осматриваю... Мы его починить собираемся. Мастерскую во дворе открыва-

ем! И прямо с ходу такое смешное название этой мастерской придумал: «Что сломалось — все починим!» Представляете себе — поверила!..

— Почему же смешное название? — опять перебила Тихая Таня. — Ничего нет смешного. Может, и правда, такую мастерскую открыть?

— Так я ведь и хотел! — тут же, не задумываясь, подхватил Ленька. — Я давно хотел! Конечно, надо открыть такую мастерскую. Я же не случайно об этой «Жери-внучке» сказал. Я уже все обдумал! Давным-давно!.. — Ленька забегал по чердаку. — Значит, так!.. Мастерская называется «Что сломалось — все починим!» Ее можно прямо во дворе, в сарае, устроить. И все жильцы будут приносить нам старые, поломанные керосинки, примусы...

— У нас в доме газ, — тихо сообщила Таня.

— Ну, тогда чайники, электроприборы всякие... Они ведь, слава богу, часто ломаются. И работа у нас будет всегда! В самой первой радиопередаче объявим об этом. На весь двор!

— В какой радиопередаче? — спросил Олег, который, взобравшись на деревянный стол-верстак, приколачивал белые ролики для электропроводки к толстой и круглой чердачной балке.

Шофер Вася Кругляшкин еще до прихода Леньки предложил «раз и навсегда покончить с мрачной обстановкой на чердаке» и превратить черный ход в «светлый ход». Сам Вася отправился домой за электропроводкой. А Фима Трошин обещал достать дома лампочки. Отец его как раз работал электромонтером.

— Сегодня он мне все даст: и лампочки, и даже целый абажур достанет, — сказал Фима.

— Ну да, потому что провинился! Напился опять! Я сам видел! — затараторил Владик.

Худенький Фима вплотную подошел к нему:

— Не твое дело, понял?

— Я ведь просто так... Мне ведь тебя жалко, —

пролепетал Владик, которому худенький Фима показался вдруг широкоплечим силачом.

— Я в твоей жалости не нуждаюсь!.. Сплетник! — ясно выговаривая каждое слово, произнес Фима. И пошел вниз за лампочками.

Все это произошло минут пятнадцать назад. И сейчас на чердаке остались четверо: Ленька, Олег, Владик и Тихая Таня.

— Ты ничего про передачи не слышал? У-у, мы такое дело придумали! — таинственно произнес Ленька, отвечая Олегу. — Держись за балку, а то со стола свалишься. Свою радиостудию откроем! Здесь, на чердаке!

— Все Леня придумал! Сам придумал! Здорово, а?.. Это вам не пластинки запускать! — торопливо вставил Владик.

Олег спрыгнул со стола:

— Кажется, стоящее дело... Каждый день радиопередачи?

— Каждый день! — Ленька вновь забегал по чердаку. — И все по-настоящему! Как на взрослом радио: у них «Последние известия» — и у нас «Последние известия», у них — лекции, и у нас — лекции, они отвечают на вопросы радиослушателей, и мы будем отвечать!

— Так уж обезьянничать необязательно, — возразил Олег.

— А мы будем кое-что менять, по-своему делать. Ну вот, к примеру, у них «Последние известия», а у нас будут «Самые последние известия». У них бывают передачи «В последний час», а у нас будут — «В последнюю секунду». Или вот еще... По радио или там по телевидению — точно уж не помню! — бывают такие передачи: «Для вас, студенты!», «Для вас, молодежь!», «Для вас, пионеры!» А у нас в доме много пенсионеров живет...

— Моя бабушка — пенсионерка, — подтвердил Олег.

— Вот мы и устроим свою передачу. У них, значит, «Для вас, пионеры!», а у нас будет — «Для вас, пенсионеры!» Старички и старушки с удовольствием послушают: все равно ведь делать нечего — целый день дома сидят.

— Ну, это ты зря! Они общественной работой занимаются, — возразил Олег.

— Вот и хорошо! Вот мы и про это расскажем! Прославим их. Наградим, так сказать, за долгую трудовую жизнь. Какую-нибудь старушку найдем, которая еле ногами передвигает, а тоже — общественница: на лекции ходит, малышей уму-разуму учит... И все такое прочее!

— А можно еще проверку времени устраивать, — предложил Владик. — По радио каждый час проверяют, а мы будем каждые полчаса!

— Ты ска-ажешь! — отмахнулся Ленька. — Каждые полчаса на чердак лазить! Еще какой-нибудь порок сердца заработаешь!

— Ну, тогда давайте настройку инструментов устраивать, — не унимался Владик. — Как по настоящему радио!

— Слушать тебя противно! — накинулся на него Ленька. — Ну, кому нужна эта настройка? Олег, что ли, будет по нашим передачам свою бандуру настраивать? А между прочим, где она у тебя?..

— Лежит... Отдыхает в одном месте.

— Ну, не хочешь говорить — не надо. Давайте дальше про передачи...

— Мне кажется, хорошо бы устроить «Беседы с родителями», — предложила вдруг Таня. — А то они с нами каждый день беседуют, а мы с ними... В общем, это хорошо было бы!

— Есть! Утверждено! — руководящим тоном произнес Ленька. — Еще какие предложения?

— А я вот что думаю... — не спеша, задумчиво, как бы советуясь сам с собой, произнес Олег. — Мы ведь и высмеивать всякие недостатки тоже можем,

Будут у нас, к примеру, в каждой квартире свои корреспонденты и пусть обо всем сообщают. Что хорошо — хвалить будем, а что плохо...

— ...высмеивать! — подхватил Ленька. — Выжигать... как это пишут в газетах, «огнем сатиры»! Разные отсталые элементы перевоспитывать будем. У которых есть эти самые «родимые пятна прошлого». Нашу «мадам Жери-внучку», например. Или Фимкиного отца...

— Ти-ише-е! Тише ты!.. — Владик прижал палец к губам и огляделся по сторонам. — Тут без тебя такое было! Фимка этого не любит... Понял? Защищает отца!

— Приятельские отношения! — воскликнул Ленька. — Как он может защищать пережитки? А мы его и не спросим даже. Перевоспитаем папочку, высмеем его как следует — сам же потом в ножки поклонится, спасибо скажет! Та-ак...

— Я хочу поддержать Олега насчет корреспондентов, — сказала Тихая Таня. — Пусть в каждой квартире будут.

— Ну конечно! — подхватил Ленька. — Я уже давно об этом думал: радиопосты, так сказать. Вот я, например, буду в девятой квартире. Владик — в тридцать шестой, ты, Таня — в тринадцатой...

— А Олег? — спросила Таня.

— Олег?.. Что-то ты о нем все время беспокоишься? И Олег тоже будет. В своей, в семнадцатой квартире. И остальных ребят распределим. Ох, и бояться же нас будут! Чуть что — пожалуйте в эфирчик!

Ленька потер руки от удовольствия.

— Что ж мы, чучела какие-нибудь, чтобы нас боялись? — Олег наклонил свою круглую белесую голову. — Пусть к нам за помощью приходят — это другое дело. А то — «бояться»!

— Да я не в том смысле! — спохватился Лень-

ка. — Нас плохие люди будут бояться. Для хороших людей мы будем первые помощники, а для плохих — гроза!

Олег снова опустил голову: он не любил громких слов.

Когда шофер Вася и Фима Трошин, нагруженные электропроводами и лампами, вернулись на чердак, все вопросы о ближайших радиопередачах были уже решены. Оставалось только распределить обязанности.

Но это оказалось не так легко: Ленька хотел захватить все должности и посты. Сперва ему очень захотелось быть диктором. Он ясно представлял себе, как весь двор и весь дом слушают его голос и все думают: «А кто бы это мог быть?» Даже родная мама не сразу узнает его... И вдруг в конце передачи он торжественно объявляет: «Вел передачу Леонид Уткин!»

Ленька уже было выхлопотал себе звание «главного диктора», но тут, как всегда неожиданно, в разговор вмешалась Тихая Таня и преспокойно заявила:

— Ты не можешь быть диктором: у тебя голос ломается. Ты очень часто пускаешь петуха.

— Что-о? Мой голос?! Какого петуха?! — вскипел Ленька.

— Пожалуйста, не ори... У всех мальчишек в твоем возрасте ломается голос. И никто из вас не может быть диктором.

— А у девчонок не ломается?

— Нет.

— Значит, главным диктором будешь ты?

— «Главным» мне не нужно. А простой дикторшей могу быть. И еще пусть Сеня Блошкин, из первой квартиры.

— А Сенька почему? У него что, голос уже поломался?

— У него голос поставлен. Понял?

— Куда поставлен? Как это голос может быть «поставлен»?

— Ну, это значит... значит, он владеть им умеет. Потому что в хоре поет, в Доме пионеров. Понял?

Владик поспешил Леньке на помощь:

— Все равно Сеня не может быть диктором: у него фамилия некрасивая — Блошкин. Все смеяться будут.

— Не фамилия украшает человека, — наставительно произнесла Таня. — Вот у тебя, например, фамилия — первый сорт: Вербицкий! А посмотреть на тебя, так...

— Ты мою фамилию не трогай! — взвизгнул Владик. — Не обо мне разговор! А Сеня себе пусть другую фамилию придумает! Пусть подберет себе... этот самый... ну, как его?..

— Псевдоним, — с улыбкой подсказал Олег.

— Вот-вот! Чтобы люди не смеялись.

— Люди смеяться не будут! — зло отчеканила Таня. — А если ты посмеешься, так это для Сени даже приятно будет.

— Ладно! Хватит вам! — навел порядок Ленька. — Пусть будет Блошкин со своим «поставленным голосом»! Пусть. А кем же тогда буду я? — Ленька задумчиво походил по чердаку. — Ладно. Хорошо... Я буду главным по «Самым последним известиям». И все корреспонденты будут мне подчиняться.

«Мировая должность! — решил про себя Ленька. — Все, что делается в квартирах, буду самым первым узнавать!»

— И еще я буду главным по «Беседам с родителями»! — заявил он.

«Все, что не смогу сказать маме и папе в глаза, буду говорить по радио! В замаскированном виде!.. — сам с собой рассуждал Ленька. — Они ни перебить меня не смогут, ни возразить. Тут уж им хочешь не хочешь, а придется слушать!»

— С родителями пусть Олег беседует, — возразила Тихая Таня. — Или вот Лева Груздев из двадцать девятой квартиры. Они более рассудительные!

Олег сразу замотал головой:

— Да нет! Я буду следить, чтобы что-нибудь не испортилось. За усилителем, за динамиком... И вообще за техникой. А то какие же получатся передачи, если техника вдруг откажет?

Вася Кругляшкин поддержал Олега. И «беседовать с родителями» было поручено Леве Груздеву — очень солидному мальчику, лучшему шахматисту в доме.

— Тогда я буду главным за «Нокаут в эфире», — заявил Ленька.

— Это что же, спортивный раздел? Боксерский, что ли? — поинтересовался Вася Кругляшкин.

— Да нет, — пояснил Ленька. — Нокаут — в переносном смысле. Мы такой критический отдел заведем. А то всякие эти «Смех сквозь слезы», «За ушко да на солнышко» и прочие «Вилы в бок» уже надоели. А у нас будет свое название. Оригинальное! Критический отдел — «Нокаут в эфире»!

«Кого захочу, того и продерну, — про себя думал Ленька. — Все будут бояться меня, прямо трепетать! Замечательно! Красота!..»

Но Таня и тут подала свой тихий голос:

— Туда нужно Фиму назначить: он — самый справедливый. И никого зря нокаутировать не станет.

— А я что же? — возмутился Ленька. — Хочу быть главным ответственным за «Нокаут»!

Слова «главный» и «ответственный» были любимыми Ленькиными словами.

Не спеша складывая инструменты в свой музыкальный футляр, Олег вдруг обратился к Леньке:

— А хочешь, мы тебя просто «главным» назначим? Ну, самым «главным» и самым «ответственным»! Над всеми! — Олег незаметно подмигнул Тане, которая уже хотела ринуться вперед со своими

возражениями. И тут произошло чудо: Тихая Таня послушалась этого немого знака — и промолчала.

— Самым главным? Самым?.. — немного растерялся Ленька. — Я не знаю... Как другие, как товарищи...

— А мы что? Мы согласны! Согласны! — затараторил Владик, преданно глядя Леньке в глаза. И потом тихо добавил: — А я кем же буду?

— Ты? Кем будешь? — важно переспросил Ленька, мгновенно вошедший в роль «самого ответственного».—Ты будешь главным наблюдателем, поскольку у тебя глаза особенные — все видят! А отдел твой так и назовем: «Своими собственными глазами»! Неплохо, а?..

Все согласились, что это неплохо.

...На чердаке все пробыли до самого вечера. А вниз спускались уже не спотыкаясь, не наступая в темноте на кошек: всюду ввинтили новые лампочки.

Олег шел последним, бережно прижимая к груди свой громоздкий черный футляр.

— Дома небось скажешь, что целую симфонию разучил? — усмехнулся шофер Вася. — Ведь с утра до вечера пропадал.

— Да уж, придется, — вздохнул Олег.

— А врать-то не надоело?

— Ох, как надоело! Да выхода никак не найду. Бабушку жалко.

— Поискать надо!..

Тихая Таня замедлила шаги, дождалась Олега и все-таки поинтересовалась:

— А зачем же мы Леньку самым главным выбрали?

— Так просто... Раз уж он любит командовать, пусть попробует. Может, ему на пользу пойдет?

Выйдя во двор, ребята разошлись по своим подъездам.

Ленька и Вася Кругляшкин медленно поднимались к девятой квартире, на третий этаж.

— Нехорошо все-таки получилось... — сказал Ленька. — Помогал ты ему репродуктор устанавливать, и динамик, и усилитель монтировать, и вообще... А мне — ни слова! Сосед называется!

Шофер Вася стал пристально вглядываться в Ленькино лицо — так, словно видел его впервые.

— Что?.. Измазался, что ли? — Ленька потер щеку.

— Да нет. Родимые пятна у тебя обнаружил. Верней сказать, не пятна, не такие, конечно, как у Калерии Гавриловны, но все-таки весьма заметные пятнышки. Есть, определенно есть!..

— Что это значит?

— А вот что. БОДОПИШ вы свой организовали? Отличная затея! Да ничего толком не сделали. Только бегали, за сарай прятались, таинственные физиономии корчили. И кричали: «Мы — хозяева двора! Хозяева двора!» А этот вот белоголовый паренек без всякого шума хорошее дело придумал. Я и решил помочь ему, чтобы вам, крикунам, доказать: добрые дела суеты и треска не требуют. Понял, если уж на то пошло?..

Они стояли возле своей квартиры. Ленька не знал, что отвечать.

— Ох! — вскрикнул он вдруг. — А название-то для своей радиостанции мы так и не придумали! — Он почесал затылок. — По-моему, хорошо так: «Говорит чердак!» Ведь с чердака все началось?

Вася Кругляшкин задумчиво развел руками, потеребил свою кепку с коротким козырьком. И наконец сказал:

— Чердак?.. Слово уж больно некрасивое. Давай лучше так: «Говорит седьмой этаж!» Ведь это вроде как седьмой этаж получается, раз над шестым расположен...

— Правильно! — обрадовался Ленька. — Я так и думал! Так и хотел: «Говорит седьмой этаж!»

В ПОСЛЕДНЮЮ СЕКУНДУ!

Внимание! Внимание!

В последнюю секунду!..

Ровно секунду назад произошло огромное событие в истории дома номер девять дробь три: начала работать радиостанция «Говорит седьмой этаж!»

Дорогие товарищи жильцы! Теперь каждый день, ровно в двадцать часов ноль-ноль минут по местному времени, вы будете слушать наши радиопередачи.

Слушать их вам придется обязательно, потому что в каждой передаче может быть что-нибудь сказано о вас, о ваших детях или других ближайших родственниках, а также о квартире, в которой вы живете. И представьте себе: если вы не услышите передачу сами, вам придется потом бегать по всему дому и узнавать: что сказали и как сказали? А другие жильцы могут что-нибудь перепутать, и тогда вы будете очень долго волноваться и переживать.

Так что уж лучше не пропускайте наших радиопередач! Вот и все. Передача «В последнюю секунду» окончена. Вел передачу Сеня Блошкин.

А теперь слушайте...

САМЫЕ ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ!

...Если у вас перегорел электрический утюг, не огорчайтесь! Если вы потеряли ключи от квартиры, не беспокойтесь! Если у вашего кухонного столика отлетела ножка, не горюйте! Скоро ваш утюг снова заработает, квартиру вы будете запирать и отпирать новенькими ключами, а ваш кухонный столик твердо встанет на все четыре ноги!

Все это, конечно, не произойдет само собой — нет, это сделает мастерская, которую решил открыть во дворе наш «Боевой домовой пионерский штаб».

Мы надеемся, что у каждого из вас в скором вре-

мени что-нибудь сломается, и тогда наша мастерская придет вам на помощь!

Название у мастерской уже есть — «Что сломалось — все починим!», а помещения у нее пока еще нет. Но это ничего! Мы решили открыть нашу мастерскую в старом дровяном сарае. Про этот самый сарай наш местный поэт сочинил такие стихи:

Идет по городу молва:
Стоит сарай,
а в нем — дрова!
Не только малые детишки —
Все люди смотрят с удивлением:
Кому,
зачем нужны дровишки
В домах с центральным отоплением?!.

Наш специальный корреспондент из квартиры номер девять сообщает, что дровишки эти, оказывается, принадлежат лично Калерии Гавриловне Кленальской. Она привезла их с собой из старого дома, где не было центрального отопления, и теперь ей грустно с ними расставаться.

Но почему? В старом доме дрова согревали Калерию Гавриловну, а здесь, в нашем доме, они, как говорится, «не светят и не греют». Больше того! Один наш специальный корреспондент проник в сарай со стороны крыши и точно выяснил, что дрова эти почти все уже сгнили.

Мы уверены, что Калерия Гавриловна пустит нас в сарай не со стороны крыши, а со стороны двери и освободит помещение для мастерской. Тем более что, как сообщает специальный корреспондент из той же самой девятой квартиры, кухонный столик Калерии Гавриловны нуждается в срочном ремонте.

...Внимание! Внимание!

Сегодня мы начинаем собирать инструменты для новой мастерской. Пункт сбора — квартира номер семнадцать. Сдавайте их прямо в окно, после трех часов дня, Олегу Брянцеву. В дверь не звоните и не

стучите, чтобы не тревожить соседей. Если в окно случайно высунется бабушка, не убегайте: она только с виду сердитая.

Несите напильники, стамески, рубанки, тиски, электропаяльники и вообще все, что может пригодиться. И даже то, что, по вашему мнению, не может пригодиться, тоже несите: на месте посмотрим! Если инструменты испорчены, не беда: мы их починим! Но, если они новые, это все-таки лучше!

Спешите! Спешите! Фамилии жильцов, которые сдадут инструменты в первые три дня, будут объявлены по радио. Представляете себе, как приятно будет послушать вам самим и всем вашим родственникам!

...Сегодня наш специальный корреспондент не беседовал с домоуправом Порфирием Васильевичем, потому что пришел в домоуправление точно в часы приема. То есть именно тогда, когда в домоуправлении никого не бывает и двери крепко-накрепко заперты. Но раз он не сумел побеседовать с Порфирием Васильевичем лично, мы решили побеседовать с ним публично, то есть по радио.

Уважаемый Порфирий Васильевич! Знаете ли вы, как вас все за глаза называют? Обещалкиным! Даже фамилию вашу настоящую забыли, а так прямо и зовут: Обещалкин да Обещалкин!.. И неужели вам хочется, чтобы так было всегда?.. Ах, не хочется?! Тогда вы не говорите больше: «Починю, отремонтирую, включу!..», — а просто возьмите да и почините, отремонтируйте, включите и все такое прочее.

Что вы говорите? Вам трудно приходится? Ну что ж, «Боевой домовой пионерский штаб» решил прийти к вам на помощь. Вы, Порфирий Васильевич, небось ни разу за всю свою жизнь не были на нашем черном ходу. Ну, ясное дело: боитесь в темноте упасть и ноги себе переломать. А теперь вы не бойтесь — смело гуляйте по черному ходу, потому мы там ввинтили лампочки, и он, можно сказать, стал

«светлым ходом». Да и на чердак заодно протянули электропроводку. Теперь домохозяйкам будет удобнее белье развешивать: светло, тепло и уютно!

И еще мы узнали, что в нашем доме живут три маляра, пять штукатуров, шесть каменщиков и много других рабочих, которые на стройке работают. И еще мы вам сообщаем, что почти все ученики нашей школы, которая за углом находится, проходят практику на стройке нового дома. Что, вы не верите? Вы удивлены? Ничего нет удивительного: в других школах ребята на заводах практикуются, а наши — на стройке.

Так вот, Порфирий Васильевич, мы и решили бросить клич: «Приведем наш дом в порядок своими собственными силами!» А зачем нам, в самом деле, нужны всякие строительные тресты и другие важные организации? Им ведь надо деньги платить. А мы, юные и взрослые жильцы дома, сделаем все своими собственными руками! Организуем субботник — и сделаем! Только с одним условием: на сэкономленные за наш, так сказать, счет деньги вы, Порфирий Васильевич, купите, пожалуйста, телевизор для красного уголка. И еще футбольный мяч.

Что? Стекла?.. Мы не будем бить стекла — мы будем играть на пустыре, где старые домишки снесли. Вот честное пионерское слово!

Так что же, договорились, Порфирий Васильевич? Вы достаете строительные материалы, а жильцы выходят на субботник или там на воскресник — это уж кому когда будет удобнее. И еще вы покупаете все то, что только что нам пообещали. И тогда мы обещаем, что вас перестанут называть Обещалкиным! Вот и все. Спасибо за беседу, которую вы столь любезно согласились провести с нами в присутствии всех жильцов!

...Внимание! Слушайте, юные жильцы нашего дома! «Боевой домовой пионерский штаб» просит вас в течение трех дней составить точные списки всех са-

мых интересных книг, которые есть в ваших личных библиотеках. Не бойтесь, пожалуйста: никто и не думает их отбирать. Просто мы хотим устроить «великий книгообмен». Что это такое? А вот послушайте! К примеру, юный гражданин Икс имеет на руках книгу «Рожденные бурей», давно ее прочитал и хочет прочитать книгу «Остров сокровищ», которую имеет в своем шкафу юный жилец Игрек, интересующийся как раз вышеупомянутой «Бурей». Тут-то и происходит временный «книгообмен». В результате, Игрек получает «Бурю», а Икс «Остров» со всеми его сокровищами. И так далее... В общем, кажется, понятно.

Это же будет замечательное дело! А то книги лежат себе на полках, пылятся, скучают без дела... А тут они будут все время в ходу! И в библиотеку бегать не нужно будет: там ведь тоже хорошую книжку не сразу получишь, сперва в очереди постоишь!

Только предупреждаем: всякий, кто будет рвать обложки или книжку, вместо скатерти под тарелку с супом подкладывать или вообще «зачитает» интересную книжицу, — сразу попадет в страшную радиопередачу, которая будет называться «Нокаут в эфире». Так что уж лучше заворачивайте книги в белую бумагу и читайте аккуратно — на чистом месте и чистыми руками.

Вот и все, что мы хотели сообщить в «Самых последних известиях». Вела передачу Таня Крутихина. А сейчас слушайте наш радиорепортаж...

ЗАГЛЯНЕМ В КВАРТИРЫ!

...Наш специальный корреспондент из квартиры номер тридцать шесть передает, что вчера вечером на эту квартиру обрушилось страшное стихийное бедствие: перегорели пробки.

В героической борьбе с этим бедствием приняла участие вся квартира: одни жильцы побежали в магазин за стеариновыми свечами, другие выкопали из сундуков керосиновые лампы, третьи помчались искать монтера, но было уже поздно, и его не нашли... Наконец сам наш специальный корреспондент Владик Вербицкий проявил замечательную инициативу: несмотря на поздний час (было уже двадцать три часа ноль-ноль минут по местному времени), он побежал в другой подъезд, в квартиру номер семнадцать, разбудил там бабушку Анну Степановну, поднял с постели Олега Брянцева и привел его непосредственно на место катастрофы. Через десять минут вся квартира воскликнула стихами поэта:

Да здравствует солнце!
Да скроется тьма!..

Наша радиостудия отмечает находчивость своего специального корреспондента и твердо надеется, что в следующий раз Владик Вербицкий или кто-нибудь из жильцов тридцать шестой квартиры дерзнет сам, презирая все опасности, ввернуть новую пробку вместо перегоревшей!

...Наш специальный корреспондент из квартиры номер десять передает, что вчера утром юная жиличка Валя Пузырева залезла в ванну и просидела там ровно один час тридцать четыре минуты. Валя учится во второй смене, и ей некуда было спешить. А все Валины соседи ушли на работу неумытые.

Сперва соседи тихо просили Валю выйти, потом они стали стучать в дверь, но Валя не отвечала. Тогда все заволновались... Думали даже, что Валя утонула — тем более что она не умеет плавать. Стали дергать дверь и даже пытались сорвать ее с петель. Тогда Валя подала голос и этим самым голосом заявила буквально следующее:

— Я первая заняла ванну, и я имею право в ней сидеть сколько захочу!

Всем давно известно, что в ванне не сидят, а моются. Жильцы пытались объяснить это Вале, но долго они объяснять не могли, потому что опаздывали на работу.

Позже, в беседе с нашим корреспондентом, Валя заявила, что она дочитывала в ванне одну очень увлекательную книжку.

Говорят, что сегодня Валя достала какой-то новый, очень толстый и очень увлекательный роман. Бедные жильцы квартиры номер десять: им придется идти в баню!

...Наш международный обозреватель передает из квартиры номер пять.

Вчера, ровно в два часа дня, из школы сюда прибыл Стасик Гавриков. В коридоре прибывшего Стасика встречали его мама, бабушка и младшая сестренка Рита. Стасик передал им свое пальто, шапку и портфель, а никаких дружеских приветствий—в виде, например, слов «здравствуйте» или «спасибо» — не передавал.

В честь почетного гостя был дан обед, во время

которого Стасик ни с кем не обменялся речами и даже ни одного слова не произнес, а только дипломатическими кивками головы давал понять, чтобы ему принесли первое блюдо, потом — второе, а потом уж — и третье.

После обеда, прошедшего в напряженной и недружественной обстановке, Стасик несколько раз неясными движениями губ давал понять, что ему что-то не нравится. Но что именно ему не нравилось, так никто и не понял.

После обеда почетный гость отправился в приготовленные для него покои, то есть на диван, и проспал около полутора часов. В это время мама и старая бабушка натирали пол, а младшая сестренка Рита на кухне мыла посуду.

Поднявшись наконец с дивана, почетный гость отправился на экскурсию во двор в сопровождении своих приятелей из других квартир.

Вечером в честь почетного гостя был устроен просмотр телевизионной программы. Вместе с высоким гостем в первом ряду находилась его младшая сестренка Рита, которой давно уже пора было спать. Но спать она не могла, потому что почетный и высокий гость не разрешал выключать телевизор до тех пор, пока не кончились все передачи и дикторша не пожелала всем спокойной ночи.

В беседе с нашим корреспондентом бабушка Стасика ничего не сказала, а только тяжело вздохнула. И мама ничего не сказала — и тоже вздохнула. А младшая сестренка, десятилетняя Рита, сказала, что «это не брат, а прямо какой-то заморский барин!» И еще она обозвала своего брата «наследным принцем». Устами младенца глаголет истина!

...Наш специальный корреспондент из квартиры номер двадцать три передает, что сегодня днем юная жиличка этой квартиры Зиночка Перепелкина установила новый рекорд продолжительности телефонного разговора: она не вешала трубку в течение вось-

мидесяти девяти минут, хотя все остальные жильцы чуть было не повесились!

Надо сказать, что прежний рекорд продолжительности телефонного разговора (семьдесят две минуты) также принадлежит Зинаиде Перепелкиной.

В беседе с нашим корреспондентом Зиночка заявила, что свое вчерашнее спортивное достижение она не считает пределом.

Мы не хотим соперничать с Зиной по части продолжительности разговоров и поэтому заканчиваем нашу сегодняшнюю радиопередачу.

До завтра, товарищи жильцы!

Ровно в двадцать часов ноль-ноль минут по местному времени ждем вас на подоконниках, а также на скамейках во дворе, возле старого деревянного столба.

До свидания!

ДЛЯ ВАС, ПЕНСИОНЕРЫ!

Внимание! Внимание!

Говорит седьмой этаж!

Обычно наша передача начинается в двадцать часов по местному времени, то есть тогда, когда почти все взрослые уже приходят с работы.

А сегодня мы включили свой микрофон в пятнадцать часов, или, попросту говоря, в три часа дня. А почему? А потому, что передача наша будет для тех, кто уже не ходит на работу, кто своей долгой и, как это говорится, безупречной трудовой жизнью заслужил право отдохнуть. Мы так и назвали свою передачу: «Для вас, пенсионеры!»

Мы решили устроить большой концерт из разных произведений: ведь в часы отдыха приятно послушать музыку, стихи и, невзирая на возраст, потанцевать! Теперь мы почти каждый день будем устраивать такие концерты. В общем, в нашем доме пенсионеры скучать не будут!

Но сперва мы хотим немного побеседовать с вами, наши дорогие старшие товарищи и друзья! И вот что мы хотим вам сказать...

Вы, конечно, заслужили право на отдых. Это факт! Но ведь все время отдыхать да отдыхать тоже нелегко: от этого можно так устать, что не обрадуешься! И вот мы хотим, дорогие товарищи пенсионеры, сделать так, чтобы и вам было не скучно отдыхать и нам польза была.

Недавно мы прочитали вслух одну очень интересную толстую книгу — «домовую книгу» — в нашем домоуправлении. Из нее мы точно узнали, что в доме номер девять дробь три живут пенсионеры семнадцати разных профессий. И каждый работал по своей специальности лет тридцать, а то и сорок, а то и еще больше. Ну, а у нас еще нет пока никакой профессии. Но мы очень хотим научиться настоящему делу! Каждый из нас чем-нибудь увлекается: кто любит радиотехнику, кто столярничает, кто хочет строить модели, а кто танцует или даже поет... Вот вы,

товарищи пенсионеры, и можете помочь нам во всех этих делах!

Мы узнали, что в двадцать третьей квартире живет инженер-пенсионер, который очень много лет проработал на авиационном заводе. И мы хотим попросить его: возьмитесь, пожалуйста, руководить нашим авиационным кружком! А в шестой квартире проживает один старый слесарь: может быть, он поможет организовать нам мастерскую «Что сломалось — все починим!». Инструментов мы столько собрали, что к Олегу Брянцеву в комнату просто не войдешь: настоящий склад, да и только! Вот вы бы и помогли нам немножко, товарищ пенсионер! Как? Согласны?..

Или вот мы хотим хореографический кружок организовать, чтобы танцевать уже по всем правилам науки. А в тридцать первой квартире как раз проживает бывшая балерина. Ей сейчас шестьдесят шестой год пошел — и самой ей плясать, конечно, уже трудно. Но ведь руководить нашим кружком она вполне может. И самой приятно будет: молодость свою вспомнит!

В общем, «Боевой домовой пионерский штаб» может каждому пенсионеру подобрать дело по душе. А самых активных пенсионеров мы даже решили избрать членами своего «Пионерского штаба». Разве плохо звучит: «пионер-пенсионер»?! Это значит: по возрасту — старый, а душой так молод, что хоть пионерский галстук надевай! Так вот, постепенно, подружившись с ребятами, все пенсионеры нашего дома опять как бы «впадут в детство» или, верней сказать, вернутся в свои молодые годы. И это будет очень хорошо!

Кстати, мы должны сказать, что некоторые жильцы нашего дома уже откликнулись на призыв БОДОПИШа: «Товарищи взрослые, дружите с нами!» Наш спецкор из девятой квартиры передает, что Калерия Гавриловна Клепальская выразила желание вести по

нашему радио уроки французского языка и беседы о хороших манерах.

Это будет очень здорово! Вот, например, изучим мы все французский язык, придем в соседний двор, начнем разговаривать, а нас никто понимать не будет! И мы сможем говорить все, что захотим! И «Графа Монте-Кристо» мы сможем прочитать в подлинном виде, потому что Александр Дюма-отец писал, как мы недавно узнали, на французском языке!

Ну, а про хорошие манеры уж и говорить не приходится! Они нам очень пригодятся. Потому что, как сообщают наши спецкоры из разных квартир, многие юные жильцы валяются днем на кровати прямо в ботинках и штанах; вилку держат в руке так, будто хотят проткнуть тарелку насквозь; а с девочками обращаются так, что д'Артаньян всех их по очереди вызвал бы на дуэль!..

В общем, мы поддерживаем ценную инициативу Калерии Гавриловны. И еще хотим сообщить, что, согласно непроверенным данным, Калерия Гавриловна, кажется, согласна освободить дровяной сарай и отдать его нашему «Боевому домовому пионерскому штабу». Об этом сообщил в последнюю секунду все тот же специальный корреспондент из девятой квартиры.

И наконец самое последнее. Мы хотим, чтобы товарищи пенсионеры помогли нам отвечать на вопросы радиослушателей. Мы хотим каждое воскресенье проводить передачи: «Спрашивай что хочешь — все равно ответим!» Мы уже получили девяносто восемь первых вопросов. Из них семьдесят три задал Жорик Калугин из первой квартиры. Жорик интересуется всем на свете: и ракетами, и макетами, и счетными машинами, и Марсом, и атомной энергией... Но мы не смогли пока еще подробно ответить на все эти вопросы. А вот некоторые товарищи пенсионеры могут: ведь среди них — целых два доктора и три кандидата наук! Это все мы прочитали в «домовой книге». И мы

просим товарищей кандидатов и докторов помочь нам. А то без их помощи нам придется переименовать свою передачу и назвать ее так: «Спрашивай что хочешь — все равно не ответим!»

Вот и все, о чем мы хотели побеседовать. А сейчас слушайте концерт! Мы начинаем со старинных вальсов, которые так любят все пенсионеры...

КТО ЭТОТ КОРРЕСПОНДЕНТ?!

— Кто он? Кто этот корреспондент! — бушевала на кухне «мадам Жери-внучка». — Я найду его! Я его разоблачу!..

Ленька заперся в комнате. Но и туда долетали крики и угрозы Калерии Гавриловны:

— Это же безобразие! Я вовсе не собираюсь лезть на чердак и беседовать оттуда о хороших манерах! Французский язык!.. Пусть они сначала по-русски научатся разговаривать! А сарай? Да никогда в жизни! Никогда в жизни я не выброшу свои дрова, которые хранились столько лет, которые мне так дороги! Ни за что на свете!..

— Понимаешь ли, — жаловалась она по телефону своей приятельнице. — Это же настоящее издевательство! Насмешка! Они говорили обо мне в передаче для пенсионеров. Что, интересно, они хотели этим сказать? Что мне уже пятьдесят пять лет? Или что я приближаюсь к пенсионному возрасту? Что общего у меня с пенсионерами, что?! Я, видишь ли, согласилась освободить сарай! По каким-то там непроверенным данным! Пусть они проверят эти данные! Ну конечно... Ты совершенно права, просто из принципа! Никогда не освобожу, никогда!

Получив поддержку своей приятельницы, Калерия Гавриловна вновь зашумела в одиночестве на кухне. Крик ее был прерван появлением шофера Васи Кругляшкина. Шофер Вася вошел на кухню в сво-

ем рабочем комбинезоне, с засученными рукавами, с мылом и полотенцем в руках.

— Вот именно: их надо научить хорошим манерам! — зло отчеканила «мадам Жери-внучка». — И я пойду в домоуправление! Пусть они заставят замолчать всех этих чердачных корреспондентов! Каждый день концерты для пенсионеров! Просто решили уморить старых людей: спать невозможно, отдохнуть невозможно! И эти возмутительные сообщения!

— Какие сообщения? — удивленно, непонимающе заморгал глазами Вася. — Вас же на весь дом прославили! Такие хорошие дела вы придумали — ну, просто не ожидал!

— Вы еще многого от меня не ожидаете! — решительно воскликнула Калерия Гавриловна. — В домоуправление! Я от них потребую! Они обязаны охранять своих жильцов от произвола...

С этими словами Калерия Гавриловна выбежала на площадку парадной лестницы.

Вася Кругляшкин подошел к Ленькиной двери:

— Выходи, Леонид! Не бойся!

Ленька с опаской выглянул в коридор.

— Это ты ловко придумал! — похвалил его Вася. — Начал, значит, ее перевоспитывать? — Вася вздохнул: — Только что из этого получится? Видел, как взвилась?

— Не видел, но слышал. Через дверь.

...Соседка из десятой квартиры вынимала газеты из почтового ящика. Увидев Калерию Гавриловну, она всплеснула руками:

— Я так рада! Так рада! У моей Верочки по французскому языку одни тройки. Хотела репетитора пригласить. А теперь вы поможете ей, дорогая Калерия Гавриловна! Прямо по радио. Это так замечательно! И бесплатно! Вы многим поможете...

— Да, я им всем помогу! — впопыхах проговорила «Жери-внучка» и ринулась вниз.

Но на втором этаже ее задержала чета пенсионе-

ров. Они всегда ходили вместе и даже говорить умудрялись как-то вместе, в один голос.

— Прекра-асно! Просто прекра-асно! — дуэтом запели старые супруги. — Спасибо за всех наших внуков и внучек! Спасибо!..

— Пожалуйста! На здоровье... — несколько растерявшись и уже без прежней злости проговорила Калерия Гавриловна. И побежала дальше.

На первом этаже ее встретила уборщица, с ведром и тряпкой в руках. От этой суровой женщины все жильцы дома уже много лет подряд слышали лишь одно:

«Ноги надо вытирать! Дома небось вытираете!..»

Но сейчас она вдруг оказалась очень многословной:

— Вот научите, научите их хорошим манерам, Калерия Гавриловна! Тогда небось будут ноги в парадном вытирать. И на стенах писать не будут свои имена... И другие всякие вещи! Научите их, научите!

— Я их научу! И проучу! — на ходу бросила Калерия Гавриловна, выбегая на улицу.

Домоуправление находилось во дворе, в полуподвале.

Вылетев во двор, Калерия Гавриловна остановилась. Дорогу ей преградила целая группа пенсионеров, которые только что, сидя на лавочке под деревянным столбом, слушали радиопередачу. Все стали поздравлять Калерию Гавриловну и даже пожимать ей руки:

— Хорошо, хорошо придумали! Очень благородно! Очень! Решили, значит, подарить свои знания подрастающему поколению? Вот если бы все жильцы так поступали! Это для всех нас — пример! И сарай, значит, решили освободить? Правильно! Открыли простор детской инициативе и самодеятельности!

— Да-да... Решила подарить... И открыть про-

стор... — пролепетала Калерия Гавриловна, растерянно отвечая на приветствия и рукопожатия.

— Ну, не будем, не будем вас задерживать... Примите еще раз!..

Бегом спустившись в полуподвал, Калерия Гавриловна решительно распахнула дверь домоуправления и прямо с порога воскликнула:

— Слыхали? Я возвращаюсь на воспитательную работу!

— Слыхали! А как же, слыхали! — ответил управдом Порфирий Васильевич, облокотившись на кипу справок и паспортов. — Этот «седьмой этаж» всех нас того... К делу приставил! Ничего не скажешь: молодцы! И насчет сарая вы правильно решили, товарищ Клепальская!

— Да, решила! Если детям надо — пожалуйста! Мне не жалко!

ПОЛЕТ ШМЕЛЯ

Бабушка Олега прислала письмо на чердак.

«Большое спасибо вам, юные друзья, за вашу заботу о ветеранах труда! — писала бабушка. — Не забываете вы о нас, стариках! А о молодых вы иногда, к сожалению, забываете. И, в частности, о молодых дарованиях! А ведь они есть! И живут в нашем доме. Недалеко за примером ходить: живет на первом этаже юный виолончелист Олег Брянцев. Почему же мы не слышим по радио его виолончели? А она может и должна зазвучать! Надеюсь, что мое письмо не останется без внимания!

Одна пенсионерка».

Это было первое письмо от «взрослой радиослушательницы», и на него нельзя было не ответить. На чердаке срочно был созван совет.

— Какие будут предложения? — на правах «самого главного» спросил Ленька.

Владик ехидно хихикнул:

— А вот пусть Олег и поиграет... для своей бабуси... Такую, знаете, песенку — старую, но только с новыми словами: «Жил-был у бабушки внук музыкальный!»

— Ты бы помолчал немного, — оторвавшись от книги, произнесла Тихая Таня и вновь склонилась над страницей.

Олег, смущенный и растерянный, стоял в стороне, прислонившись к деревянному столу-верстаку: «Что теперь делать? Как объяснить бабушке?.. Да, хитрости до добра не доводят! И вот все эти ребята должны теперь из-за него что-то выдумывать!»

Олег вдруг решительно махнул своей большой, круглой головой, словно сердито боднул воздух:

— Пойду и скажу ей всю правду!

— Правильно! — сразу поддержал Фима Трошин.

Шофер Вася Кругляшкин стоял у окна и, казалось, не слушая ребят, с интересом разглядывал провода, тянувшиеся вниз — к старому деревянному столбу. Но, когда Олег самым решительным жестом подтянул пояс и с видом «была не была!» направился к двери, Вася быстрыми шагами нагнал его и остановил:

— Постой-ка, Олежка! Мы, если уж на то пошло, устроим концерт для твоей бабушки. И виолончель зазвучит! Сегодня же вечером. У кого-нибудь есть пластинки с записью виолончели, а?

— У нас дома есть, конечно... — нерешительно, не понимая еще, что именно задумал шофер Вася, ответил Олег.

— Нет, ваши пластинки не нужны: бабушка их наизусть знает. А еще у кого-нибудь есть?

— Я поищу, — ответила Таня.

— И я посмотрю, — пообещал Лева Груздев.

— Вот и приносите к восьми часам. Я сам сегодня поведу передачу, если уж на то пошло. А сейчас объявим...

Вася подошел к усилителю, включил его и каким-то не своим голосом произнес в микрофон:

— Внимание! Внимание! Говорит седьмой этаж! Только что мы получили письмо от «одной пенсионерки». Она упрекает нас за то, что мы проходим мимо творчества своих местных юных дарований. Сегодня вечером мы исправим эту ошибку. Мы покажем вам творчество Олега Брянцева! Слушайте наши радиопередачи!

Вася выключил микрофон и взглянул на удивленные лица своих юных приятелей.

— Как же это? Зачем?.. — тихо, с укором произнес Олег.

— Все будет в полном порядке! — Вася хлопнул его по плечу. — Тащите музыкальные пластинки! А там все поймете! Я вас не подведу!

* * *

До вечера бабушка успела побывать во всех квартирах, где жили ее знакомые:

— Вы слышали, сегодня вечером будет «показ творчества» моего внука! Так прямо и объявили: «Мы покажем вам творчество Олега Брянцева»! Обязательно послушайте, обязательно!

«Только бы не пошел дождь! — с волнением думала бабушка, выглядывая на улицу и поднимая глаза к небесам. — А то все сорвется... Все закроют окна и ничего не услышат! И в садик никто не придет!»

Но погода была за бабушку. Солнце, которое весь день скрывалось в тучах, к вечеру, уже уходя на покой, прощально позолотило крышу, и окна, и молодые майские кроны деревьев...

Бабушкина реклама сыграла свою роль: к восьми часам вечера все лавочки во дворе были заняты и почти из всех окон высовывались лица радиослушателей. Сама бабушка расположилась в центре двора, у садового столика. Она надела свое лучшее платье,

замысловатые старинные серьги и вообще выглядела именинницей.

А на «седьмом этаже» шла подготовка к передаче. Никто из ребят еще не понимал, что именно затеял шофер Вася Кругляшкин.

Солидный Лева Груздев, любитель шахмат и музыки, принес долгоиграющую пластинку.

— Это концерт для виолончели с оркестром в четырех частях, — сообщил он.

— С оркестром не подойдет! — сказал Вася. И отложил пластинку в сторону. — У нас ведь здесь нет оркестра...

— Как это «у нас здесь»? — не понял Лева.

Но Вася ничего не ответил. Он взял в руки другую пластинку, которую принесла Тихая Таня.

— «Полет шмеля» из оперы Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане», — прочитал Вася. — Это, кажется, одна чистая виолончель, да? Без всякого сопровождения?

— Без всякого! — подтвердила Таня.

— И очень хорошо! У нас ведь тут нет никакого сопровождения.

Фима Трошин первый разгадал Васин замысел.

— Ведь это же нечестно, — тихо сказал он. — Это же обман!

— Я не хочу! — твердо сказал Олег.

Вася лукаво подмигнул им обоим: дескать, успокойте свои нервы.

— Обмана не будет! — весело заверил Вася. — Прошу тишину! Пластинку на диск! Включаю микрофон!..

Тихая Таня послушно положила пластинку на диск самодельного электропроигрывателя.

— Внимание! Внимание! Говорит седьмой этаж! — не своим голосом начал Вася. — Двадцать часов ноль-ноль минут по местному времени! Начинаем нашу очередную радиопередачу! Сегодня мы покажем вам творчество юного жильца нашего дома

Олега Брянцева, из квартиры номер семнадцать. Слушайте «Полет шмеля» из известной вам оперы Римского-Корсакова!..

И вот быстрым сказочным шмелем закружились, зажужжали по двору виртуозные звуки виолончели.

— Это все-таки нехорошо... нечестно получается... — шепотом произнес Фима Трошин.

— Да уж, такую славу создавать! — с затаенной завистью шепотом поддержал его Ленька. — Чужим смычком жар загребать!

— Ефим! Леонид! — с веселой усмешкой прошептал шофер Вася. — Все будет честно-благородно. И никаких чужих смычков! Соблюдайте спокойствие: микрофон включен!

— И пусть включен! А я выключу! — неожиданно вспылил Олег. — Это же самый настоящий обман! Фима прав!..

Вася расширил зрачки и трагическим голосом произнес:

— Ты мне не доверяешь?! Дайте дослушать музыкальную классику в тишине!

Ребята притихли. А шмель кружил по двору, то долетая до самого чердака, то спускаясь вниз — к садовому столику, к гордой и не верящей своим ушам Анне Степановне.

Но вот виолончель умолкла. Ее сменил голос шофера Васи:

— Мы обещали показать вам творчество Олега Брянцева. И показали его! «Полет шмеля» передавался благодаря радиоусилителю, который смонтировал Олег Брянцев; по проводам, которые он протягивал; через динамик и репродуктор, которые он устанавливал во дворе... Итак, вы увидели творчество Олега. И блестящие результаты этого творчества! Дорогая Анна Степановна, бабушка Олега, вы можете сегодня гордиться своим внуком! Вы хотели, чтобы он любил свой инструмент? Он и любит инструмент, а верней даже сказать — инструменты: напиль-

ники, паяльники, рубанки — добрые рабочие инструменты! И мы уверены, что вы искренне радуетесь этому! Ну, а сам музыкальный номер исполнял лауреат Всесоюзного конкурса...

ЭХ ТЫ, ВОСПИТАТЕЛЬ!..

В двадцать часов ноль-ноль минут в репродукторе что-то зашуршало, задвигалось, зашелестело. Жильцы дома ожидали услышать голос, который обычно начинал радиопередачи: «Внимание! Виние! Говорит седьмой этаж!..» Но вместо этого они услышали целых два голоса, которые спорили друг с другом.

— Ты этого не сделаешь! — говорила Тихая Таня.

— Что хочу, то и сделаю: я — главный! — шепотом возражал ей Ленька.

— Нет, не сделаешь! Я выключу микрофон!

— Только попробуй!

Таня, как видно, попробовала, и репродуктор замолчал. Потом он вновь ожил — и чей-то третий голос сообщил:

— По техническим причинам передачи начнутся через полчаса. Извините, пожалуйста!..

Полчаса ссорились на «седьмом этаже» Таня и Ленька.

— С пьянством надо бороться! — упрямо твердил Ленька.

— Правильно, надо. Но он не пьяница, — спокойно отвечала Таня. Она положила микрофон на деревянный стол, села на него и даже близко не подпускала Леньку.

— Ты пойми, — начал втолковывать Ленька: — он уже два раза приходил домой выпивши. Владик видел...

— Видел! Видел! Своими собственными глазами! — поспешно заверил Владик.

— Ну вот... Значит, он уже начинает регулярно выпивать, и мы должны это пресечь в самом начале. Тем более что Фима переживает. Ревел даже...

— Плакал! — тихо и твердо поправила Таня.

— Ну, плакал... А отец его очень стесняется, когда видят, что он выпивши...

— Еще как стесняется! Я сам видел. Своими собственными глазами! — затараторил Владик. — Даже прячется в чужие подъезды. И весь красный какой-то...

— Ну вот, видишь! — Ленька заходил по радиостудии. — Значит, у него есть совесть. И, если мы его вовремя продернем, он все поймет и исправится. Я такой фельетончик сочиню, что умереть можно!

— Вот сам и умирай!..

— Да ты поверь мне, — продолжал втолковывать Ленька. — Я же лучше тебя понимаю. Кто «Жеривнучку» перевоспитал? Я?.. У меня есть опыт! И вообще я — самый главный! И приказываю тебе включить микрофон!..

— А я не включу.

И не включила! Передача началась через полчаса, но Ленькин фельетон, от которого «прямо умереть» можно было, так и не прозвучал.

Это случилось дней пять назад. Ленька затаил обиду.

— Ну ладно, — заявил он Тихой Тане. — Если еще хоть раз увижу его пьяным, запрусь один в студии и так его пропесочу! Ты уж мне не помешаешь! Защитница нашлась! С пьянством бороться надо!.. А ты, Владик, следи!

Владик стал следить — и выследил. Ровно через пять дней, вечером, он, запыхавшись, ворвался в девятую квартиру. Ни с кем не поздоровавшись, он сразу пробежал в Ленькину комнату.

— Мои беседы о хороших манерах пока еще подействовали не на всех, — заметила ему вслед Калерия Гавриловна, стоявшая в коридоре.

Но Владику было не до хороших манер.

— Видел! Сам видел!.. Своими собственными глазами!

— Кого? — всполошился Ленька.

— Фимкиного отца — вот кого!.. В винный магазин зашел. Там на разлив дают... Сейчас он выпьет — это уж факт! И украдкой, чтобы никто не заметил, домой прокрадется.

— Ах, так?! Опять, значит, за свое?! — с пафосом произнес Ленька. — Ну нет! Уж на этот раз он не прокрадется!

— Давай побежим на чердак, раньше времени включим микрофон, пока Танька не пришла, и фельетончик твой прочитаем! — захлебываясь от предчувствия скандальной истории, предложил Владик.

— Нет у меня фельетона! — горестно вздохнул Ленька. — Таня вытащила из кармана и разорвала.

— А ты наизусть!

— Наизусть я не помню... Потом, еще волноваться буду и совсем все перепутаю. Нет! У меня... у меня... — Ленька торжествующе забегал по комнате. — У меня есть другой план! У-ух, какой! Он, значит, людей стесняется, когда выпьет, да? Стесняется?..

— Ну да! Еще как стесняется! — поспешил заверить Владик. — Одного жильца увидит возле подъезда — и сразу прячется.

— Ну, уж сегодня он у нас не спрячется! Скорей! Наверх! На чердак! В студию!..

Вскоре, на полчаса раньше обычного, заработал серебристый, похожий на колокол, репродуктор:

— Внимание! Внимание! — провозгласил на весь двор торжествующий Ленькин голос. — Внимание! Всех жильцов дома просим немедленно выйти к своим подъездам. Повторяем!.. Всех жильцов дома просим немедленно выйти во двор, к своим подъездам!..

Еще через пять минут во дворе дома номер девять дробь три образовалась толпа. Многие жители, послушавшись Леньку, вышли к своим подъездам. Они

с недоумением переглядывались и спрашивали друг у друга:

— В чем дело? Что случилось? Зачем надо было выходить?..

На «седьмой этаж» не прибежали, а буквально взлетели Олег, и Тихая Таня, и Фима Трошин, и Лева Груздев, и Сеня Блошкин, и Танина подруга Люба Казачкина... С теми же вопросами они набросились на Леньку и Владика:

— Что случилось? В чем дело?..

— О тебе, Фимочка, беспокоимся! Папаша твой опять в угловой винный магазин заглянул. Вот он сейчас сквозь строй соседей пройдет и под влиянием общественного возмущения сразу перевоспитается! Больше тебе плакать не придется! Поверь мне!

— Здорово придумано! — поддакнул Владик.

Фима побледнел и, ни слова не сказав, бросился вниз по лестнице.

«Только бы не опоздать! Только бы не опоздать!..» — думал он, судорожно прижимая руку к груди.

Фима выбежал во двор. С досадой взглянул он на старый деревянный столб и на серебристый репродуктор, поблескивавший как ни в чем не бывало в лучах вечернего майского солнца.

И жильцы тоже смотрели на репродуктор. Но не со злостью, а с ожиданием и удивлением: зачем он вызвал их всех во двор? Что такое стряслось?..

Очутившись на улице, Фима, не глядя по сторонам и не обращая внимания на свист милиционера, перебежал дорогу в неположенном месте и направился прямо к угловому винному магазину...

Он столкнулся с отцом в дверях. В руках у отца был пакет с яблоками и бутылка с минеральной водой.

— Папа!.. Ты?! Ты? — Фима пристально взглянул в лицо отцу.

— Конечно, я, — мягким Фиминым голосом отве-

тил отец и наклонил к сыну свое бледное, утомленное лицо. — Что с тобой?..

Слеза катилась по Фиминой щеке:

— А они подумали... что ты опять... И я тоже поверил...

Отец выпрямился и пристально посмотрел куда-то вдаль, через улицу, через бульвар, только-только перешедший на зеленую летнюю форму одежды.

— Этого больше никогда не будет, сынок. Никогда... Ты слышишь?..

* * *

— Внимание! Внимание! Говорит седьмой этаж! Всех жильцов дома номер девять дробь три просим снова подняться в свои квартиры. Мы просто решили устроить физкультминутку: небольшую пробежку по лестнице во двор. Мы хотели, чтобы вы после рабочего дня подышали немного свежим воздухом. Физкультминутка окончена!..

Сеня Блошкин выключил микрофон. И все сразу, будто по команде, набросились на Леньку.

— Как ты посмел? Что сейчас говорят жильцы?! — кричал вспыльчивый Сеня Блошкин. — И меня таким дураком выставил: «Устроили физкультминутку!» А что было говорить? Как объяснить жильцам?! Взрослых людей заставили по лестницам бегать! Просто хулиганство — и все!..

— Он же у нас «самый главный», он все может, — вставила Тихая Таня.

— А мы вот сейчас освободим его от этой должности! — предложил Лева Груздев. — Переведем на другую работу, с понижением!

— Правильно! Верно!.. Надо его наказать! — зашумели со всех сторон. — А то привык командовать!

— Кем же мы его назначим? — с сожалением глядя на Леньку, проговорила Люба Казачкина.

Тихая Таня преспокойно уселась на деревянный стол и сказала:

— Он любит командовать? Вот и пусть отвечает за уроки гимнастики: «Раз-два, встали! Раз-два, сели! Раз-два, пошли!..» И опыт у него уже есть: устроил сегодня «физкультминутку»!

Всем понравилось Танино предложение, и его утвердили почти единогласно. Один только Владик воздержался.

— А кто же у нас теперь будет «самым главным»? — робко спросил он.

— А зачем нам «самые главные»? — пожал плечами Олег. — Не нужно больше! Хватит! Все будем сообща работать. Так лучше. Ведь правда?..

Он подошел к Леньке, взглянул на его печальную физиономию и положил руку на его худое, острое плечо:

— Эх ты, воспитатель!..

„ЧТО СЛОМАЛОСЬ — ВСЕ ПОЧИНИМ!“

Тихая Таня не спеша, задумчиво перебирала учебники. Одни она оставляла на столе, другие опускала в портфель. Были последние дни занятий, и Таня уже думала о предстоящем лете. Уезжать из города ей на этот раз не хотелось. «Как же я уеду? — рассуждала Таня. — А наше радио? Все уже привыкли к передачам... И я сама привыкла. И потом, новая мастерская. Только что открылась, столько бегали, старались, ссорились — и вдруг сразу уезжать!»

В эту минуту раздался звонок. «Кто бы это мог быть? — удивилась Таня. — Газеты всегда в ящик опускают. Или телеграмма?»

Кто-то из соседей открыл дверь, и Таня услышала Ленькин голос:

— Таня дома?

А в следующую минуту Ленька, взволнованный и красный, появился в дверях.

— Слушай, Таня, ты завиваешься? — выпалил он прямо с порога.

— Ты что, ошалел, что ли?

— А мама твоя завивается?

— При чем тут моя мама? Говори, в чем дело?

— В щипцах! Понимаешь?

— Нет...

— В общем, такое дело получилось!.. Калерия Гавриловна сдала нам в мастерскую свои щипцы для завивки волос. Это я ее уговорил. Неужели, говорю, у вас ничего не сломалось за последнее время? У всех жильцов, говорю, уже давно что-нибудь поломалось, а у вас еще нет. Что же вы так отстаете? Нельзя же было сознаться, что к нам еще почти никто ничего чинить не приносил! Ну, через день она прибегает со щипцами: «Вот, — говорит, — у меня тоже!.. Сможете починить?» — «Сможем», — говорю. И стал вчера чинить... А они совсем того... прямо напополам!

— В общем, «Что сломалось — доломаем!..» Так, да, получается? — усмехнулась Тихая Таня.

— Что же теперь делать?! — жалобным голосом воскликнул Ленька. — Так ей отдавать нельзя: на весь дом разнесет, что мы не чиним, а ломаем. А если бы у тебя были такие же щипцы, я бы ей отдал взамен тех. Понимаешь? Я уж всех девчонок в доме обегал. К тебе последней пришел!

Таня подумала немного, пожала плечами:

— У нас в квартире никто не завивается. А в других... Постой, постой! Так ведь напротив нас парикмахерша живет! Тетя Дуся! У нее наверное есть..

Захватив портфель с книжками, Таня вышла на площадку парадной лестницы и позвонила в соседнюю квартиру.

— Сколько раз говорила: картошка нам не нужна! И не звоните по утрам!.. — послышался из-за двери сердитый голос.

— Тетя Дуся! Это не картошка, это я, Таня!..

— Танюша?

Дверь сразу открылась. Вид у парикмахерши был заспанный. Она была в халате, а волосы ее были, казалось, усыпаны крупным снегом: она накручивала их на белые бумажки. Наблюдательный Ленька сразу скис:

— Вот ви-идишь... Значит, щипцов у нее нет!

— Каких щипцов? — услышав Ленькин вздох, живо спросила парикмахерша.

— Щипцов для завивки, — пояснила Таня.—Нам очень нужно. Только насовсем.

— Никак, ты, Танюша, завиваться собралась? Щипцами вредно: волос пережигается. Это уж ты поверь нам, цирюльникам!

Слово «цирюльник» казалось тете Дусе оригинальнее и красивее, чем простое и обычное — «парикмахер».

— И вообще рано тебе, Танюша, завиваться. Ты косички свои береги. Косы — это молодость!

Тетя Дуся не просто стригла и завивала — она любила пофилософствовать на темы, связанные со своей профессией, которую она очень уважала.

— Слушай меня, Танечка, я ведь добра тебе желаю! Завивка после тридцати лет хороша, и то если ее делать при помощи новейшей техники, какая вот, к примеру, в нашем салоне имеется. А щипцы — это каменный век. Они у меня в старом ящике, на кухне, валяются. Я ими разные дырки провертываю...

— У вас? Валяются?! Покажите нам! — радостно воскликнул Ленька...

Минут через десять он уже влетел в свою девятую квартиру и сразу, даже забыв постучать, ворвался в комнату Калерии Гавриловны:

— Все! Починили! Получите, пожалуйста!..

— Не мешало бы все-таки постучать в дверь. Да-а, мои беседы о хороших манерах пока еще не дали вполне положительных результатов.

«Жери-внучка» внимательно оглядела щипцы, пощелкала ими, слегка погладила:

— Они стали какие-то совсем новые... И блеск появился!

— Так это у нас такое... такое... качество ремонта, вот! — нашелся Ленька. — Наждаком почистили — появился блеск! Ничего удивительного!

— И сколько я за это должна?

— Ничего!

— Как? Бесплатно?

Щипцы сразу понравились Калерии Гавриловне еще больше.

— Какая прелесть! Совсем новые!.. Словно родились заново! Чудо, просто чудо!

И она побежала к телефону, чтобы поделиться своей радостью с какой-то приятельницей.

— Чего уж тут! Какие были, такие и есть. Ничего особенного, — скромно сказал Ленька. — Я пошел. А то в школу опоздаю.

Он и в самом деле опаздывал.

Через минуту, сбегая по лестнице, Ленька думал: «Ну, теперь уж на весь дом раструбит: из починки возвращают новые вещи! Заново рождают!..»

* * *

Днем во дворе появился высокий молодой человек в очках.

Увидев бывший дровяной сарай, над которым красовалась «художественно оформленная» Олегом вывеска: «Что сломалось — все починим!», молодой человек так обрадовался, словно увидел издали старого знакомого, которого как раз и искал.

— Ага! Вот она, эта самая мастерская! — воскликнул он и что-то записал в блокнот.

Потом он обошел сарай со всех сторон, молча посетовал на то, что доски в одном месте были раздвинуты и в стене образовалась солидная щель (отсюда и через дыру в крыше изучали содержимое сарая

специальные корреспонденты в те дни, когда сарай еще был оккупирован Калерией Гавриловной Клепальской).

Затем молодой человек вошел в мастерскую и увидел там самого Олега, который возился с большим болтом и гайкой: видно, на болте сбилась резьба, и гайка никак не хотела доходить до металлической шляпки.

Молодой человек с интересом осмотрел мастерскую и вдруг спросил у Олега:

— Это ваш станок для переплетения книг? Сами сделали, да?

— Сами. А что?

— Да так... ничего. Видно, все-таки ваш «великий книгообмен» поистрепал обложки и корешки, да?

Олег подозрительно взглянул на незнакомца: откуда он знает про «великий книгообмен»? Но, заметив комсомольский значок на груди у молодого человека, Олег успокоился и, продолжая возиться с упрямой гайкой, сообщил:

— Мы вообще решили все старые книжки отремонтировать. Вот и построили станок...

— Как же вы его построили?

— А очень просто. Видите: две доски и болты с гайками...

Молодой человек склонился над своим блокнотом. Потом обвел глазами мастерскую и спросил:

— А где же ваш станок для сшивания книг?

— Вон там, в углу, — ответил Олег. И вновь удивленно взглянул на незнакомца: откуда ему все известно?

А молодой человек продолжал интересоваться:

— Тоже сами сделали? Или кто-нибудь помогал?

— Сами. Это же очень просто: взяли широкую доску, на ней укрепили деревянную рамку, натянули шпагат... Чего ж тут особенного?

— Особенного, конечно, ничего нет, — сказал молодой человек, записывая что-то в блокнот. — Зна-

чит, боретесь за долголетие книг? Хорошее дело! Я вам несколько своих книжек принесу. Подлечите их?

— Подлечим! Подлечим! — обрадовался Олег. — У нас пока еще мало заказов.

— Это почему же?

— Не доверяют нам. Боятся...

— А я вот рискну! Принесу вам разные древние издания, которые у букинистов приобрел. Редкие книги! А вы уж их омолодите, пожалуйста!

Олег сразу проникся симпатией к незнакомому молодому человеку:

— А может, у вас что-нибудь сломалось: чайник прохудился или там электрический утюг перегорел?.. Приносите, пожалуйста! А то наши домохозяйки...

— И тут вам не доверяют, да? Не завоевали еще, стало быть, авторитета. Ну ничего! Постараюсь вам помочь. Всех своих соседок опрошу. Так им прямо и скажу: есть такие ребята — что сломалось, все починят! Я, правда, живу не в вашем доме...

— Это ничего! Ничего! — поспешил успокоить Олег. — Мы у вас примем в ремонт все... Все, что хотите! Можем даже коньки наточить и приклепать к ботинкам. Намертво! Не оторвете!

— Это в мае-то коньки? — улыбнулся молодой человек. — А станок для коньков тоже сами соорудили?

— Вот видите: закрепляем и точим напильником.

— Вижу. А это что, токарный станок? По дереву, да?..

Олег с уважением взглянул на незнакомца: разбирается! Олег ценил людей, понимающих в технике.

— Да, это наш токарный станок. — И, предвидя вопрос незнакомца, тут же добавил: — Сами сделали. На нем можно шашки выточить или шахматы. Ручки для лопат и для флажков... Игрушки разные.

— Игрушки?! — молодой человек так обрадовался, словно сам еще находился в дошкольном возра-

сте. — Игрушки — это очень хорошо. Недалеко от вас открывается скоро новый детский сад. При трикотажной фабрике... Вот вы и возьмите шефство над малышами.

— А что же? Можно... — согласился Олег.

— Так и запишем! — Молодой человек вновь склонился над своим блокнотом. А потом спросил: — И кто же все это придумал? — Он обвел рукой мастерскую.

— Да как вам сказать... Все придумали!

— Все сразу? Так не бывает. Кому-то все-таки принадлежит идея? И есть у вас какой-то, так сказать, технический руководитель? Наверняка есть! И как все это вообще зародилось? Расскажи-ка мне поподробнее.

«Вот бы пришел сейчас Ленька! Он бы уж все расписал, как надо!» — подумал про себя Олег.

И Ленька сразу, словно угадав на расстоянии мысли Олега, появился в дверях. Вслед за ним пришли и Фима, и Лева Груздев, и Тихая Таня. Приближался час открытия мастерской. На табличке, прибитой к дверям, было написано: «Прием заказов с 14 часов 30 минут до 7 часов вечера. Позже сдавайте заказы в окно Олегу Брянцеву — квартира номер семнадцать (окно с улицы)».

— Вот он вам все и объяснит! Лучше всех расскажет! — Олег кивнул в сторону Леньки.

Молодой человек подошел к Леньке и поздоровался:

— Так ты, значит, руководил созданием этого... ну, как бы получше назвать?.. самодеятельного комбината бытового обслуживания?..

Тихая Таня насмешливо, исподлобья наблюдала за Ленькой: вот сейчас он выпалит: «Я! Под моим руководством!»

Но Ленька подумал немного, почесал затылок и громко, на всю мастерскую, произнес:

— Никто не руководил! Все вместе работали!

А умеет больше всех нас вот тот... белоголовый... Олег Брянцев!

— Я так почему-то и подумал, — улыбнулся молодой человек.

— А вы, собственно говоря, кто будете? — поинтересовался Ленька. — Корреспондент?

— Нет, почему же корреспондент? Я из райкома комсомола.

— Из райкома?!

В один миг ребята обступили молодого человека.

— Да, из райкома. И пришел я к вам не просто из любопытства, а по важному делу. Хотим мы создать у вас во дворе пионерский отряд. Отряд дома номер девять дробь три! Как вы на это посмотрите?

— А зачем это нужно? — развел руками Ленька. — У нас ведь есть БОДОПИШ! «Боевой...

— ...домовой пионерский штаб»! — перебил его молодой человек.

— Откуда вы знаете? — поразился Ленька.

— Он все откуда-то знает, — тихо шепнул ему Олег. И громко вслух заявил: — В БОДОПИШ всего четыре человека входит, а в отряде будут все ребята! Все пионеры нашего двора!

— Это будет хорошо... — тихо поддержал Фима Трошин.

И Таня тоже присоединилась:

— В пионерском отряде все будут работать, а в БОДОПИШе один Ленька распоряжается...

— Значит, согласны? Так и запишем! — Молодой человек склонился над блокнотом. — А мы уж и вожатого хорошего вам подобрали. Прямо с производства. Да вы его знаете лучше меня...

— Мы знаем?.. — удивился Ленька.

— Еще как знаете! Он же во всех ваших делах участвует. И нам про вас много хорошего рассказывает.

— Вася Кругляшкин! — громко воскликнула Тихая Таня.

— Он самый! Хороший вожатый?

— Еще бы! — сразу поддержал Ленька. — Конечно, хороший: он же в нашей квартире живет!..

В это время в мастерскую влетел Владик:

— Идут! Идут по двору домохозяйки! С чайниками, кастрюлями, плитками... А одна даже старое корыто тащит. Сам видел, своими собственными глазами!..

— Почему? Что это они?.. — удивилась Таня. — То не ходили, не ходили, а то вдруг...

— Это Калерия Гавриловна! — торжественно провозгласил Ленька. — Новые щипцы сработали! Я же говорил!..

СНОВА... ГОВОРИТ СЕДЬМОЙ ЭТАЖ!

— Ребята! Ребята! Послушайте!.. — кричал Ленька, размахивая белым листом, по которому ровными узкими тропинками бежали убористые чернильные строчки. — Вот послушайте, какое мы получили письмо из квартиры номер сорок. Подпись не очень разборчива... но это пишет какая-то женщина преклонного возраста.

— Откуда ты знаешь? — как всегда что-то мастеря, спросил Олег. На этот раз он, вооружившись малярной кистью и по локоть засучив рукава, красил деревянный стол-верстак.

— Откуда я знаю, что она старая? — переспросил Ленька. — Очень просто! Из самой первой строчки: «В этом доме я живу уже сорок пять лет...» Молодая женщина не может столько жить! Слушайте! Слушайте дальше: «Сперва я снимала каморку без окон у «мадам Жери-старшей». Потом в этой каморке кладовку устроили... Пришла революция, и мне дали большую светлую комнату. Мне еще много чего дали: и образование и работу... Да все разве перечислишь?! Мне всегда хотелось, чтобы дом наш перекрасили в другой цвет...»

— Это можно! — проговорил Олег, помахав в воздухе малярной кистью.

— Нет, слушайте дальше! — призывал Ленька. — Значит, так... «Мне всегда хотелось, чтобы дом наш перекрасили в другой цвет. Ведь внутри, думала я, все изменилось, совсем другая жизнь пошла, а снаружи дом все такой же — серый и мрачный. «Мадам Жери» удрала за границу. Но мне казалось, что в некоторых квартирах зловредная старуха нарочно оставила после себя разные отвратительные микробы: сплетни, склоки, лень, грубость... Правда, с каждым годом этих микробов становилось все меньше и меньше, но кое-где они еще копошились.

И вдруг в нашем дворе зазвучал новый голос — молодой, задорный: «Внимание! Внимание! Говорит седьмой этаж!..»

«Седьмой этаж» очень быстро проник на все этажи, заглянул во все квартиры. Он стал уничтожать вредных микробов, пригвождать их к столбу — к тому самому, что стоит у нас во дворе и на котором висит репродуктор. Появились юные спецкоры, которые стали проводить в квартирах очень полезную дезинфекцию. Сперва люди, зараженные микробами «мадам Жери», просто стали бояться сплетничать, ссориться, грубить... А потом и они почувствовали, что без всего этого стало еще лучше, еще радостней и спокойней жить в наших квартирах.

Но молодой голос с «седьмого этажа» не только боролся со старым, но все время предлагал что-то новое — интересное и доброе.

И знаете что: мне стало казаться, что вдруг изменился внешний вид нашего дома. Его не перекрасили, потому что гранитные глыбы красить нельзя. Но по вечерам во всех окнах стали появляться лица жильцов — приветливые, веселые. Все смотрят вниз и ждут, что расскажет сегодня молодой и задорный голос. И вот на днях этот голос стал читать отрывки из дневника бывшей домовладелицы «мадам Жери-старшей». Хорошо это было придумано на «седьмом этаже»: пусть все (особенно молодые жильцы!) послушают, как жили люди в нашем доме раньше, до революции... Еще больше станут ценить наш сегодняшний день!»

Ленька кончил читать письмо из сороковой квартиры. Он победно помахал им в воздухе:

— Сегодня же надо огласить его по радио! Пусть все узнают...

— Что узнают? — перебил его Олег. — Как мы замечательно работаем? А у нас еще вовсе не все замечательно. И вообще это нехорошо как-то получится: вроде какую-то благодарность сами себе прочтем.

Старая женщина расчувствовалась — это приятно, конечно. А читать зачем же?..

— Правильно, — поддержал его Фима. — Нескромно как-то получится...

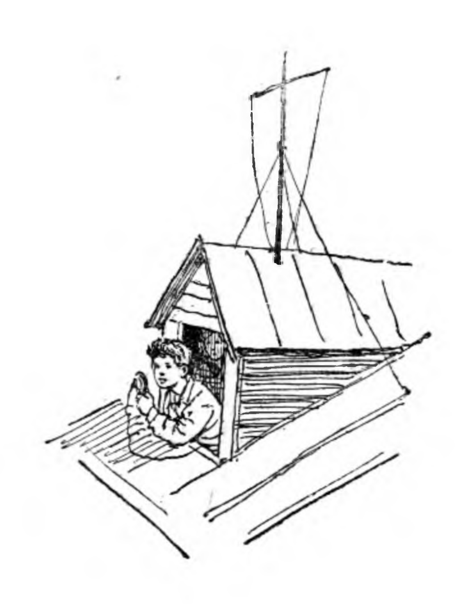
— Ну, как хотите! — махнул рукой Ленька. — Мое дело — физкультминутки устраивать! Подумаешь тоже: нескро-омно! Не сами же мы это письмо сочинили!..

Тихая Таня в отличном настроении спрыгнула со стола — и вовремя: Олег со своей кистью и краской уже добирался до того места, где она сидела.

— Хватит спорить! Пора начинать передачу!.. — громко воскликнула Тихая Таня. — Включаю микрофон...

И вновь ожил внизу, на столбе, серебристый репродуктор, похожий на колокол:

— Внимание! Внимание! Говорит седьмой этаж!..



САША И ШУРА

История эта случилась в позапрошлом году. Я сразу хотел записать ее, но не решился. А почему — об этом вы после узнаете. А то читать будет неинтересно...

„НЕ ЗАБУДЬ ПРО САМОЕ ГЛАВНОЕ!"

Всю свою сознательную жизнь я мечтал ездить и путешествовать.

Помню, например, когда я был еще совсем маленьким, я каждый день ездил с бабушкой на трамвае в детский сад. Тогда я мечтал стать вагоновожатым. Дома я вытаскивал на середину комнаты старый деревянный чемодан и ставил его «на попа́». Это был

электромотор. Сам я усаживался на табуретке перед чемоданом и три часа подряд вертел ручку от мясорубки. На «поворотах» я постукивал чайной ложечкой по дну старой, закопченной алюминиевой кастрюльки — давал звонки. «Лезут под самые колеса! Жизнь, что ли, надоела?» — бормотал я себе под нос. Я слышал, что так именно ругаются вагоновожатые.

За моей спиной были расставлены стулья. На самом последнем стуле всегда сидела бабушка с кожаной авоськой на груди (я приспособил к сумке веревочные тесемки). Бабушка была одновременно и кондуктором и контролером. Но только иногда бабушка засыпала, уронив голову на авоську, — наверное, уставала от длинного пути. И тогда я вместо нее шепотом объявлял остановки и шепотом кричал на пассажиров: «Ну, что остановились? Проходите вперед, там люди на подножке висят!»

Но на самом деле в моем вагоне был только один взаправдашный пассажир — черный кот, по имени Паразит. Это бабушка его так назвала за то, что он однажды съел целую миску куриных котлет. Больше кот никогда ничего не таскал, а имя за ним так и осталось. Только называли мы его не как-нибудь грубо, а, наоборот, очень даже ласково: Паразитиком или даже Паразитушкой. Наш черный кот не был знаком с правилами уличного движения — он то и дело выпрыгивал из вагона на полном ходу. Я резко тормозил, бабушка штрафовала Паразита. Но это на него нисколько не действовало, и он снова выпрыгивал на ходу, не понимая, что рискует жизнью.

Так продолжалось до тех пор, пока однажды, в воскресенье, мы с мамой не поехали в Химки. Там я первый раз увидел большие, какие-то очень важные и неторопливые пароходы — и сразу захотел стать капитаном дальнего плавания. Стулья расставлялись по-прежнему, но сам я залезал в перевернутую вверх ножками табуретку, которую ставил на обеденный стол. Это был капитанский мостик. Паразит даже в

самые сильные штормы смело выпрыгивал за борт. А я с мостика бросал ему надутую велосипедную шину — это был спасательный круг.

Но больше всего я мечтал поехать куда-нибудь далеко-далеко, без мамы, без папы и вообще без взрослых. Чтобы никто не говорил мне, что пить воду из бачка опасно (а вдруг не докипела!), стоять у открытого окна рискованно (вдруг искра от паровоза в глаз попадет!), а переходить на ходу из вагона в вагон просто-таки смертельно. И чтобы я мог, как Паразит, бегать и выпрыгивать куда и как захочу.

Прошло много лет... И вот наконец моя мечта сбылась! Я поехал один, да еще на поезде, да еще на все лето, и не куда-нибудь на дачу, а далеко — в другой город, к маминому папе, то есть к моему дедушке.

Правда, мама попыталась с самого начала все испортить. Она как вошла в вагон, так сразу тяжело вздохнула, словно у нее горе какое-нибудь случилось:

— Вот приходится сына одного отправлять. Может, возьмете над ним шефство, товарищи?

У окна, спиной к двери, стоял военный. Он был невысокого роста, но такой широкоплечий, что загораживал все окно, и мы сперва даже не могли увидеть бабушку, которая стояла на перроне и тихонько помахивала нам одной только ладошкой.

Услышав мамины слова, военный обернулся, и я увидел, что это подполковник-артиллерист. Подполковник оглядел меня так внимательно, что мне сразу захотелось поправить пояс и пригладить волосы.

— А что ж над ним шефствовать? — удивился он. — Взрослый, вполне самостоятельный парень!

«Какой замечательный человек! — подумал я. — Настоящий боевой офицер! Вот, наверное, сейчас скажет: «Да я в его годы...» Но подполковник ничего про себя «в мои годы» не вспомнил, а снова отвернулся к окну.

И тут же я понял, что не одни только хорошие и сознательные люди на свете живут.

На нижней полке полулежала толстая-претолстая, или, как говорят, полная, женщина, с бледным, очень жалостливым лицом. Но я уж заметил: бывают такие жалостливые люди, на которых только взглянешь — и сразу не захочется, чтобы они тебя жалели или делали тебе что-нибудь доброе. Женщина лежала с таким видом, как будто весь вагон был ее собственной квартирой и она уже очень-очень давно жила в этой квартире. А вокруг было полно всякой еды, завернутой в бумагу и засунутой в баночки, как бывает у нас на кухне перед Новым годом.

В уголке сидел мальчик с таким же точно бледным и жалостливым лицом, только очень худенький. На голове у него была бескозырка с надписью «Витязь». А ноги его были накрыты пледом, на котором в страшных позах застыли огромные желтые львы.

Полная женщина — ее звали Ангелиной Семеновной — приподнялась и схватила маму за руку:

— Ах, мужчины этого не понимают! Конечно, я присмотрю за ребенком! (Так прямо и сказала — «за ребенком»!) Я его познакомлю со своим Веником.

Я подумал: «Бывают же такие имена: «Веник»!.. Еще бы метелкой назвали!» — и засмеялся.

— Вот видите, как он доволен! — воскликнула Ангелина Семеновна. — Меня все дети любят, просто обожают!

Подполковник отвернулся от окна и удивленно взглянул на меня, точно хотел спросить: «Неужели вы и в самом деле так уж ее любите?» За всех детей я отвечать не мог, но мне лично Ангелина Семеновна не очень понравилась. И вообще я не понимал, как можно про самого себя сказать: «Меня все обожают».

Оказалось, что Ангелина Семеновна и Веник тоже ехали в Белогорск, но каким-то «диким способом». Что это значит, я тогда не понял. Мне сразу вспомнилась школа, потому что математик Герасим Кузьмич часто нам говорил: «Задача простая, а вы решаете ее каким-то диким способом».

— Мы — дикари! — сказала Ангелина Семеновна. — А это, — она нежно наклонилась к Венику, — мой маленький дикареныш. Хочу залить его сметаной и молоком.

Мне представилось, как бледный «витязь», по имени Веник, барахтается в сметане и молоке и пускает белые, жирные пузыри. Я снова засмеялся.

— Вы оставляете своего сына в прекрасном на-

строении, — заявила Ангелина Семеновна. — Он среди родных людей!

Но мама перед уходом все-таки обратилась к подполковнику:

— Вы уж тоже присмотрите, пожалуйста, за моим Сашей. Ладно?

Подполковник кивнул — и она перестала сутулиться, словно у нее гора с плеч упала.

Потом мама пожелала всем счастливого пути, поцеловала меня и пошла на перрон, к бабушке.

На перроне она сложила ладони рупором и крикнула:

— Не забудь про самое главное! Не забудь!..

И, разрушив свой рупор, погрозила мне пальцем. Подполковник, тоже глядевший в окно, конечно, ничего не понял.

А я все понял — и у меня сразу испортилось настроение.

КАК Я ЛЕТОМ ДВОЙКУ ПОЛУЧИЛ

Лишь только тронулся поезд, Ангелина Семеновна сейчас же начала «шефствовать» надо мной.

Прежде всего она попросила, чтобы я уступил ее Венику свою нижнюю полку.

— Он у меня очень болезненный мальчик, ему наверх карабкаться трудно, — сказала Ангелина Семеновна.

— Альпинизмом надо заниматься, — усмехнулся подполковник, которого звали Андреем Никитичем.

— Веник обойдется без посторонних советов. У него есть мама! — отрезала Ангелина Семеновна. Она вообще косо поглядывала на Андрея Никитича.

А я, конечно, с удовольствием уступил нижнюю полку, потому что ехать наверху куда интересней: и на руках можно подтягиваться и в окно смотреть удобней.

Но это было только начало.

Ангелина Семеновна очень точно знала, на какой станции что должны продавать: где яички, где жареных гусей, а где — варенец и сметану. На первой же большой остановке она попросила меня сбегать на рынок, который был тут же, возле перрона.

«И так уж продуктовый магазин в вагоне устроила! — подумал я. — Куда же еще?..» Мне очень хотелось побегать вдоль вагонов, добраться до паровоза, посмотреть станцию, но пришлось идти на рынок. Сама Ангелина Семеновна командовала мной сквозь узкую щель в окне: «Вон там продают куру! (Она по-

чему-то называла курицу «курой».) Спроси, почем кура... Ах, очень дорого!.. А вон там огурцы! Спроси, почем... Нет, это невозможно!»

В результате я так ничего и не купил. Но Ангелина Семеновна объяснила мне, что для нее, оказывается, самое интересное — не покупать, а прицениваться.

То же самое было и на второй большой остановке А на третьей я не стал спрыгивать вниз, нарочно повернулся носом к стенке и тихонько захрапел. Но Ангелина Семеновна тут же растолкала меня. Она сказала, что спать днем очень вредно, потому что я не буду спать ночью, а это отразится на моем здоровье, за которое она отвечает перед мамой, — и поэтому я должен сейчас же бежать на станцию за варенцом.

— Вы просто эксплуатируете детский труд, — не то в шутку, не то всерьез заметил Андрей Никитич. — Послали бы своего Веника. Ему полезно погулять на ветерке — вон какой бледный!

Ангелина Семеновна очень разозлилась.

— Да, Веник болезненный мальчик! — сказала она так, будто гордилась его болезнями. — Но зато он отличник, зато прочитал всю мировую литературу! Он даже меня иногда ставит в тупик.

— А за что это «зато» он отличник? — спросил Андрей Никитич своим спокойным и чуть-чуть насмешливым голосом. — Можно подумать, что одни только хлюпики похвальные грамоты получают. Вот Саша, наверное, тоже хорошо учится.

При этих словах у меня как-то неприятно засосало в том самом месте, которое называют «под ложечкой».

— И у меня сын — отличник, — продолжал Андрей Никитич, — а такие гири поднимает, что мне никогда не поднять.

— Ну, Веник циркачом быть не собирается! — заявила Ангелина Семеновна. И сама поплелась на станцию.

С тех пор она больше не разговаривала с Андреем

Никитичем. Да и со мной тоже. Ко мне она обращалась только в самых необходимых случаях. Например, говорила: «Мне нужно переодеться». И мы с Андреем Никитичем оба выходили в коридор.

Он тоже, как и Ангелина Семеновна, хорошо изучил наш путь и знал, казалось, каждую станцию. Но только совсем по-другому.

— Видишь кирпичную коробку? — спрашивал он. — Это консервный завод. Сома в томате любишь? Так вот здесь, на той вон речке, что за станцией, этого ленивого сома в сети загоняют, а потом уж в томат и в банку!.. А вон там, за поворотом, большущий совхоз. Животноводческий!.. Когда в самолете летишь, кажется, что облака с неба вниз спустились и ползают по земле. А на самом деле это белые овцы. Стадо овец!

Андрей Никитич ехал в гости к брату.

— Врачи советуют лечиться, в санаторий ехать, — сказал он. — А я на охоту да на рыбалку больше надеюсь. Вот и еду...

Я как услышал, что Андрею Никитичу надо лечиться, так прямо ушам своим не поверил. Зачем, думаю, такому силачу лечиться? Ведь Андрей Никитич в два счета справился с окном, которое, как говорили проводники, «заело» и которое они никак не могли открыть.

Он заметил мое удивление и сказал:

— Да, облицовка-то вроде новая, не обносилась еще, а мотор капитального ремонта требует.

— Какой мотор? — удивился я.

Андрей Никитич похлопал себя по боковому карману — и я понял, что у него больное сердце.

— Если не вылечусь, перечеркнут мои боевые погоны серебряной лычкой — и в отставку. А не хочется мне, Сашенька, в отставку, очень не хочется...

Андрей Никитич заходил по коридору. Шаги у него вдруг стали медленные и тяжелые-тяжелые, как будто он на протезах ходил.

Потом он остановился возле окна, погрузил все десять пальцев в свои густые, волнистые волосы и стал изо всей силы ерошить их, словно грустные мысли отгонял.

— А ведь я на следующей станции за Белогорском вылезаю, — сказал Андрей Никитич. — Выходит, соседями будем.

Я очень обрадовался:

— Приходите к нам в гости! А? Вам ведь, наверное, гулять полезно? И дедушка как раз доктор...

Я достал нарисованный мамой план городка. Там была и дорога, которая вела от станции к дедушкиному домику. Это мама для меня нарисовала, чтобы я не заблудился. Андрей Никитич долго разглядывал план и чего-то ухмылялся про себя.

— Ладно, — говорит, — как-нибудь нагряну.

Вечером Андрей Никитич достал из бокового кармана кителя маленькие, как будто игрушечные, походные шахматы, и мы стали сражаться. Я не выиграл ни одной партии. Но Андрей Никитич не предлагал мне фору, не давал ходов назад и долго обдумывал каждый ход. Мне это очень нравилось, и я сдавался с таким радостным видом, что Венику издали, наверное, казалось, будто я все время одерживаю самые блистательные победы.

Венику тоже захотелось сыграть в шахматы. Но я заметил, как Ангелина Семеновна наступила ему на ногу, он испуганно заморгал глазами и уткнулся в книгу.

А ночью я вдруг проснулся оттого, что вспыхнул верхний, синий свет. Я приоткрыл глаза и увидел, что Андрей Никитич ищет что-то в боковом кармане кителя, который висел у него над головой на гнутой алюминиевой вешалке. Наконец он вытащил из кармана кусочек сахара. От синей лампы и белоснежный сахар, и серебристая вешалка, и зеленый китель, и лицо Андрея Никитича — все казалось синим.

«Проголодался он, что ли? — удивился я. — Вот странно: взрослый, а сладкое любит. В боевом кителе сахар таскает!» Но тут я увидел, что Андрей Никитич достал из-под подушки маленький пузырек, стал капать из него на сахар и шевелить губами — отсчитывать капли. Потом он спрятал пузырек обратно под подушку, а сахар положил в рот — и вдруг тяжело задышал. Я вспомнил, что так же вот принимала лекарство моя бабушка, когда у нее, как она говорила, «сосуды лопались».

Я свесился с полки и тут только разглядел, что лицо у Андрея Никитича было очень бледное (издали-то мне синяя лампа мешала разглядеть), а на лбу выступили крупные капли.

— Андрей Никитич, вам плохо? — тихонько прошептал я. — Может, нужно что-нибудь?

— Нет-нет... Ничего не нужно, — шепотом ответил он и через силу улыбнулся. — Спи... Тебе ведь завтра вставать рано.

Я потушил синюю лампу, но долго еще не решался уснуть: а вдруг Андрею Никитичу станет плохо и нужна будет срочная помощь? Чтобы не слипались глаза, я стал глядеть в окно.

А за окном медленно просыпалось утро. Понизу стелился белый туман, а поверху — такие же белые клубы от паровоза. Между этими дымками, как на длинном-предлинном экране, проносились поля, деревни, неровные, словно с отбитыми краями, голубые блюдца озер...

Так незаметно я и заснул.

Разбудил меня Андрей Никитич. Вид у него был самый бравый, лицо было чисто выбрито и очень приятно пахло одеколоном и чем-то еще. Мне показалось, что это запах свежей студеной воды. Это ведь только говорят, что вода не имеет запаха, а на самом деле имеет, и даже очень приятный.

Внизу в полной боевой готовности, окруженная своими бесчисленными чемоданами, узелками и сум-

ками, восседала Ангелина Семеновна. А Веник читал книгу, тихо забившись в угол скамейки.

Он вообще всю дорогу читал. А говорил очень мало и все какими-то мудреными фразами. Например, вместо «хочу есть» он говорил «я проголодался», а вместо «хочу спать» — «меня что-то клонит ко сну».

Я быстро собрал свои вещички в маленький чемодан, который у нас дома называли «командировочным», потому что папа всегда ездил с ним в командировки. Мы с Андреем Никитичем вышли в коридор. И тут я, помню, тяжело вздохнул. И вагон наш, сбавляя скорость, тоже тяжело вздохнул, словно ему не хотелось отпускать меня.

Я вообще заметил, что в поезде как-то часто меняется настроение. Вот, например, в первые часы пути мне все казалось очень интересным, просто необычайным: и стук колес где-то совсем близко, прямо под ногами; и настольная лампа, похожая на перевернутое ведерко; и лес за окном, то подбегающий к самому поезду, то убегающий от него... Но уже очень скоро меня стало разбирать любопытство: а какой из себя этот самый Белогорск? А как я там жить буду? И уже хотелось, чтобы поскорее замолчали колеса и поскорее я добрался до дедушки. А вот сейчас мне стало грустно... Я успел привыкнуть ко всему в вагоне, особенно к Андрею Никитичу, и очень не хотел с ним расставаться.

* * *

Послушные паровозному гудку, тронулись и поплыли вагоны. Андрей Никитич стоял у окна и махал фуражкой. Он махал мне одному. Я это знал. Знала это и Ангелина Семеновна, поэтому она демонстративно повернулась к поезду спиной и стала рыться в своем синем мешочке, похожем на те мешки, в которых девчонки сдают калоши в раздевалку, только чуть поменьше. Ангелина Семеновна прятала этот мешочек под кофтой.

Сперва она вытащила сто рублей, сделала испу-

ганное лицо и спрятала деньги обратно. Потом вынула двадцать пять рублей и снова испугалась. Наконец вытянула десять рублей и стала размахивать этой десяткой с таким видом, будто клад в руке держала. Скоро к ней подъехала телега. Возчик, небритый дяденька с папироской за ухом, оглядывался по сторонам так, словно украл что-нибудь. И лошаденка тоже испуганно косила своими большими лиловыми глазами.

— Только поскорше, гражданочка, — сказал возчик. — Поскорше, пожалста.

Казалось, он так торопится, что нарочно сокращает и коверкает слова. И еще мне показалось, что все слова, которые он произносил, состояли из одной только буквы «о».

Ангелина Семеновна «поскорше» никак не могла. Она очень долго устраивалась в телеге. Сперва размещала вещи так, чтобы ничего не упало, не разбилось и не запачкалось. Потом долго усаживала Веника — так, чтобы его не очень растрясло и чтобы ноги в колесо не попали.

Усевшись сзади, она догадалась наконец спросить, к кому я приехал. А услышав, что я приехал к дедушке и что дедушка мой доктор, она снова соскочила на землю, за что возчик обозвал ее «несознательной гражданочкой».

— У тебя здесь дедушка? — воскликнула Ангелина Семеновна. — Так это же чудесно! Садись к нам! Поедем вместе. Может быть, у него комната для нас найдется, а? И Веник будет под наблюдением — он ведь такой болезненный мальчик. Будем жить одной семьей!

Я вовсе не собирался жить с Ангелиной Семеновной «одной семьей» и поэтому сказал, что у дедушки всего одна и очень маленькая комнатка, хотя на самом деле понятия не имел, какая у него квартира. Ангелина Семеновна залезла обратно в телегу, возчик хлестнул свою лошаденку — заскрипели колеса, и ноги Ан-

гелины Семеновны заколотились о деревянную грядку телеги.

Я огляделся по сторонам. За станцией и по обе стороны от нее была глубокая-глубокая, вся в солнечных окнах, березовая роща. Воздух был какой-то особенный — свежий, будто только что пролился на землю шумный и светлый летний дождь. Возле реки всегда бывает такой воздух. Но самой реки не было видно: она пряталась за рощей.

От всей этой красоты я так расчувствовался, что даже забыл придерживать пальцем крышку своего «командировочного» чемодана, как наказывала мне мама. Чемодан раскрылся — и что-то глухо шлепнулось на траву. Я нагнулся и увидел, что это книжка, а вернее сказать — учебник... Да, учебник русского языка, грамматика. Я вспомнил про то самое «самое главное», о чем кричала с перрона мама, — воздух сразу перестал казаться мне каким-то особенным, да и березы выглядели ничуть не лучше подмосковных.

Я мрачно опустил чемодан на траву и положил учебник обратно. Потом достал нарисованный мамой план пути, развернул его. Развернул — и вдруг почувствовал, что лицу моему нестерпимо жарко, хоть утренние лучи еще только светили, но почти не грели. В левом углу листа моей рукой большими печатными буквами было выведено: «МОРШРУТ ПУТИ. КАК ИДТИ К ДЕДУШКИ». Чей-то решительный красный карандаш перечеркнул букву «о» в слове «моршрут», букву «и» в слове «дедушки» и написал сверху жирные «а» и «е». А чуть пониже стояла красная двойка, с какой-то очень ехидной закорючкой на конце.

Кто это сделал? Я сразу понял кто. И мне стало еще жарче. Но почему же он так приветливо махал мне из окна фуражкой? Почему? Догнать поезд я уже не мог. Да и не догонять нужно было поезд, а бежать от него в другую сторону, чтобы не встретиться с Андреем Никитичем.

Я СТАНОВЛЮСЬ ШУРОЙ

Писатель Тургенев говорил, что русский язык «великий и могучий». Это он, конечно, правильно говорил. Но только почему же он не добавил, что русский язык еще и очень трудный? Забыл, наверное, как в школе с диктантами мучился.

Так рассуждал я, огибая березовую рощу.

Но, может быть, думал я, во времена Тургенева учителя не так уж придирались и не снижали отметки за грязь и за всякие там безударные гласные? А я вот из-за этих самых безударных сколько разных ударов получал: и в школе, и дома, и на совете отряда!

А вообще-то, рассуждал я, какая разница — писать ли «моршрут» или «маршрут», «велосипед» или «виласипед»? От этого ведь велосипед мотоциклом не становится. Важно только, чтобы все было понятно. А какая там буква в середине стоит — «а» или «о», — это, по-моему, совершенно безразлично. И зачем только люди сами себе жизнь портят? Когда-нибудь они, конечно, додумаются и отменят сразу все грамматические правила. Но, так как пока еще люди до этого не додумались, а додумался только я один, мне нужно готовиться и сдавать переэкзаменовку.

Рассуждая таким образом, я обогнул рощу и сразу увидел Белогорск. Городок взбежал на высокий зеленый холм. Но не все домики добежали до вершины холма. Некоторые, казалось, остановились на полпути, на склоне, чтобы немного передохнуть. «Так вот почему городок называется Белогорском! — подумал я. — Он взобрался на гору, а все домики сложены из белого камня — вот и получается Белогорск».

Я тоже стал медленно взбираться на холм.

Чтобы не терять времени даром, я начал обдумывать план своих будущих занятий. Мне нужно было каждый день заучивать правила, делать упражнения и писать диктанты. «Диктовать будет дедушка», — решил я.

Прикинув в уме, сколько в учебнике разных правил и упражнений, я решил, что буду заниматься по три часа в день. Спать буду по семь часов — значит, четырнадцать часов у меня останется для купания и всяких игр с товарищами (если я с кем-нибудь подружусь). Ну, и для чтения, конечно. Между прочим, наша учительница говорила, что если много читать, так обязательно будешь грамотным. Но я не очень-то верил этому, потому что читал я много (за день мог толстенную книгу проглотить), а диктанты писал так, что в них, кажется, красного учительского карандаша было больше, чем моих чернил.

Когда я однажды высказал все это нашей учительнице, она сказала: «Если пищу сразу проглатывают, она вообще никакой пользы не приносит. Ее надо не спеша разжевывать». Мне было непонятно, что общего между пищей и книгами. Тогда учительница сказала, что книги — это тоже пища, только духовная. Но я все-таки не понимал, как можно разжевывать «духовную пищу», то есть книги, не спеша, если мне не терпится узнать, что будет дальше и чем все кончится. А если книга неинтересная, так я ее вообще «жевать» не стану. В общем, книги мне пока не помогали справляться с безударными гласными.

По маминому чертежу я быстро отыскал дедушкин домик. Вернее сказать, это был не дедушкин дом, а дом, в котором жил дедушка, потому что, кроме него, там жила еще одна семья. Обо всей этой семье я еще подробно ничего не знал, а знал только об одной Клавдии Архиповне, которую мама называла «тетей Кланей», потому что она нянчила маму в детстве, как меня бабушка. В Москве мама предупредила меня, что дедушка не сможет прийти на станцию: он очень рано уходит в больницу, ни за что утренний обход не пропустит! А ключи он оставит у тети Клани.

В домик вели два крыльца. Одно было пустое и заброшенное какое-то, а на ступеньках другого лежал полосатый коврик и стояли большие глиняные горшки

с цветами и фикусами. Их, наверное, вынесли из комнаты для утренней поливки. Конечно, здесь именно и жила тетя Кланя.

Я направился к крыльцу, но тут, будто навстречу мне, распахнулась дверь, и на крыльцо вышел мальчишка лет тринадцати, в трусах, с полотенцем.

Мальчишка, прищурив глаза, поглядел на солнце, с удовольствием потянулся, — и я с грустью подумал, что, пожалуй, не решусь при нем снять майку: уж очень у него было загорелое и мускулистое тело.

Ловко перепрыгнув через цветочные горшки, мальчишка подбежал к рукомойнику. Рукомойник висел на ржавом железном обруче, которым была подпоясана молодая березка, то и дело подметавшая своей листвой край черепичной крыши.

Сперва мне показалось, что мальчишка вообще не заметил меня. Он преспокойно разложил на полочке мыло, щетку, зубной порошок. И вдруг, не глядя на меня, спросил:

— Приехал?

— Приехал... — растерянно ответил я.

Мальчишка старательно намылился, повернул ко мне свое лицо, все в белой пене, и так, не раскрывая зажмуренных глаз, задал второй вопрос:

— Тебя как зовут?

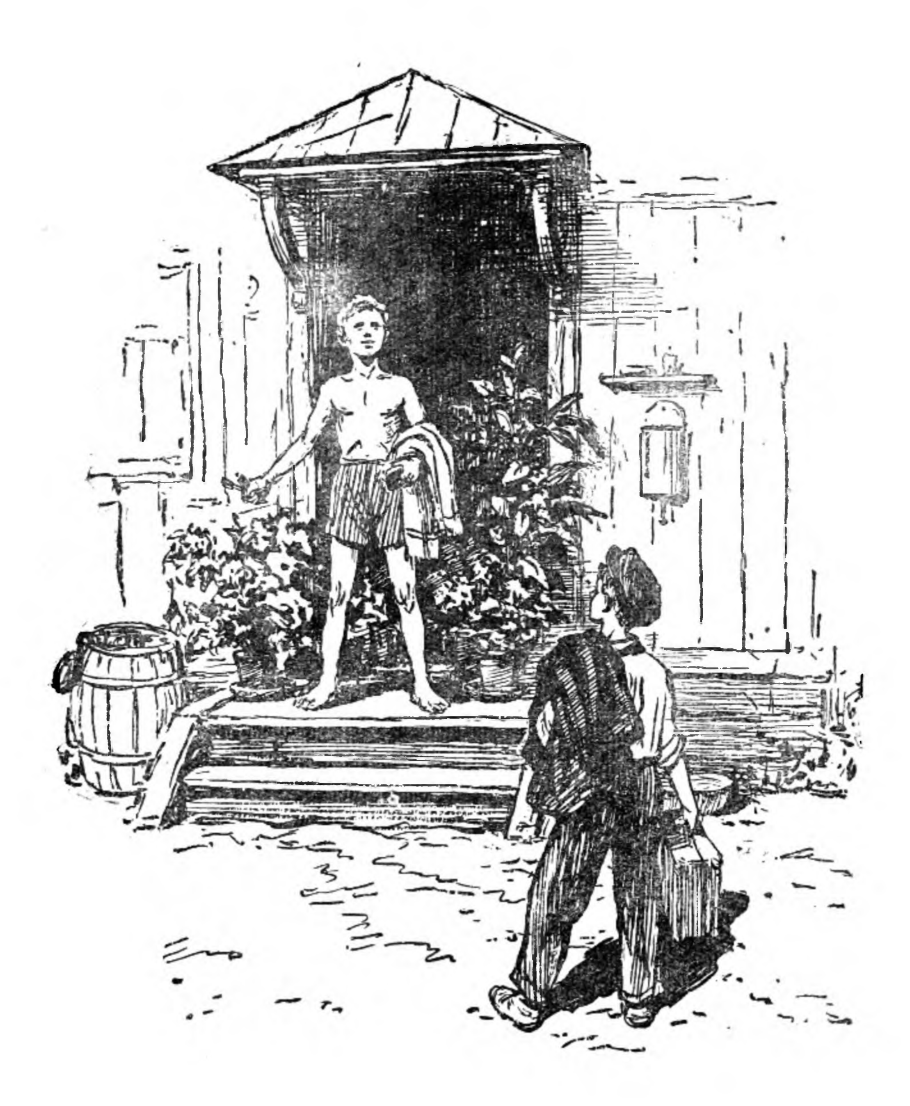
— Сашей.

Мальчишка постукал ладонью по металлическому стержню умывальника; пригнувшись, попрыгал под несобранной, веерообразной струей, пофыркал и потом сказал, точно приказ отдал:

— Придется тебе два месяца побыть Шурой!

— Как это — придется?.. Почему?

Мальчишка стал тереть зубы с такой силой, что я просто удивлялся, как они целы остались и как щетка не сломалась. Не очень-то внятно, потому что рот его был полон белого порошка, мальчишка сказал:



— Меня тоже Сашей зовут. Так уж придется тебе побыть Шурой. Чтобы не путали. Понял?

Понять-то я понял, но мне это не очень понравилось.

— Я все-таки тоже хотел бы остаться Сашей, — тихо проговорил я.

Мальчишка от неожиданности даже проглотил воду, которой полоскал рот.

— Мало что хотел бы! У себя в Москве будешь распоряжаться! Понял?

Заметив, что я растерялся, он взглянул на меня чуть-чуть поласковей:

— Ладно. Иди, Шурка, за мной. Ключи дам.

— Иду, — ответил я и таким образом принял свое новое имя.

— Только горшки не разбей, — предупредил меня Саша. — А то бабушка за них нащелкает! — Он звучно щелкнул себя по загорелому лбу и добавил: — А мне за тебя от бабушки все равно попадет.

— Как это — за меня?

— Очень просто. Она мне встречать тебя приказала. А я не пошел. Что ты, иностранная делегация, что ли? Если бы еще от станции далеко было или дорога запутанная! А то так, ради церемонии... Здравствуй, мол, Шурочка! Ждали тебя с нетерпением, спасибо, что пожаловал! Не люблю я этого!

Саша взглянул исподлобья так сердито, словно я был виноват, что он не выполнил приказа бабушки и что ему за это попадет.

— Давай скажем, что ты встречал! — предложил я, желая выручить Сашу. — Ведь бабушка не узнает.

Но он посмотрел на меня еще злее:

— Не люблю я этого!

«То не любишь, это не любишь! — с досадой подумал я. — А что, интересно, ты любишь?»

Квартирка состояла из двух маленьких комнат и кухоньки. Одна комната была такая солнечная, что в ней, не зажмурившись, стоять было невозможно. А другая — совсем темная: в ней не было ни одного окна.

— Отец с матерью давно окно прорубить хотели, а я не разрешаю, — сказал Саша.

— Почему не разрешаешь? — удивился я.

— А там пленки проявлять здóрово. Понял? Полная темнота!

— Понял. И они тебя послушались? Папа с мамой?..

— А как же! Только бабушка сперва не соглашалась. Но я ей такую карточку сделал, что она потом каждый день стала фотографироваться.

Саша кивнул на фотографию, висевшую над кроватью. С карточки придирчивыми Сашиными глазами глядела на меня исподлобья Сашина бабушка. Не только глаза, но и все лицо ее было строгое и очень властное. А лоб был высокий и весь в морщинках, которые соединялись и пересекались одна с другой. Саша, видно, очень хорошо фотографировал, если морщинки так ясно получились.

Я, между прочим, совсем не такой представлял себе тетю Кланю, которая, по словам мамы, вынянчила ее. Я ожидал увидеть добрую и очень разговорчивую старушку. А у тети Клани губы были так плотно сжаты, словно наглухо прибиты одна к другой.

— Слушай, Шурка, зачем сейчас к дедушке перетаскиваться? — Саша через окно кивнул на пустое, заброшенное крылечко. — У него еще и дверь туго открывается. Пока будем возиться, бабушка с рынка вернется и захватит нас. Давай прямо на реку махнем. А чемоданчик твой пока под кровать задвинем.

В это время послышался топот босых пяток по деревянным ступеням.

— Вот и Липучка явилась, — сказал Саша.

— Кто, кто?

— Липучка. Моя двоюродная сестра. Через три дома отсюда живет. Ее вообще-то Липой зовут. Полное имя Олимпиада, значит. Не слыхал, что ли? Это ее в честь матери назвали. А я в «Липучку» перекрестил, потому что она как прилипнет, так уж ни за что не отвяжется.

«Везет же! — подумал я про себя. — То Веник, то Олимпиада...»

Липучка между тем беседовала с цветами. «Ой, какие же вы красавцы! Ой, какие же вы пахучие!» — доносилось с крыльца. Но вот Липучка появилась на пороге. Это была рыжая девочка, с веснушками на щеках, с уже облупившимся, удивленно вздернутым носиком. Да и выражение лица у нее было такое, будто она все время чему-то удивлялась или же чем-то восторгалась.

— Ой! Внук дедушки Антона приехал! — вскрикнула Липучка, точно она с нетерпением ждала меня и наконец-то дождалась.

Тогда я еще не знал, что Липучка вообще каждую свою фразу начинает со слова «Ой!» Я очень удивился, что Липучка назвала моего дедушку Антоном.

— Почему Антон? — спросил я.

— Ой, как же «почему»? Как же «почему»?

— Потому что он не Антон...

Я не заметил даже, что случайно сказал в рифму. Но Липучка заметила, и ей это очень понравилось. Она стала хохотать и сквозь смех приговаривала:

— Он — Антон! Он — Антон!..

Смех у нее был какой-то особенный: послушаешь — и самому смеяться захочется.

Я прошептал про себя мамино имя-отчество: ее звали все-таки не Мариной Антоновной, а Мариной Петровной. Значит, если говорить по-Липучкиному, дедушка мой был «дедушкой Петром», а вовсе не «дедушкой Антоном». Я все это высказал Липучке, а она вытаращила свои зеленые, как у нашего Паразита, глазищи и стала тыкать в меня пальцем:

— Ой, Сашка, посмотри на него! Не знает, как собственного дедушку зовут! А свое-то имя ты помнишь?

Саша, ухмыляясь, засовывал под кровать мой «командировочный» чемоданчик.

— Ну, накричалась? — насмешливо спросил он.— Теперь умного человека послушайте. Дедушку-то, ясное дело, Петром Алексеевичем зовут. Ты, Липучка,

про это не знаешь, потому что только в прошлом году сюда приехала. А мы дедушку уж три года Антоном зовем: он у нас в школе однажды Антона Павловича Чехова изображал... Ну, в постановке одной. Мы «Каштанку» показывали. И еще «Хамелеона». А дедушка, значит, от имени Антона Павловича вел программу и на вопросы отвечал. С тех пор мы его и прозвали. Понятно?

— Понятно... — прошептала Липучка и так виновато взглянула на меня своими зелеными глазами, как наш Паразит после знаменитой истории с куриными котлетами.

— Айда на реку! — скомандовал Саша.

Запирая дверь, он шепнул мне:

— Вообще-то женщин во флот брать не полагается. Но уж приходится. А то ведь такой визг поднимет! Да и команды у нас не хватает.

— В какой флот? — не понял я.

— Там увидишь!..

У РЕКИ БЕЛОГОРКИ

Когда мы сбежали с холма на золотистый песчаный берег, Саша строго предупредил меня:

— Ты ей не верь. С виду она вон какая веселая, сверкает на солнышке, а на самом деле — хитрая и коварная...

Я с удивлением посмотрел на Липучку: она и вправду очень весело глядела на все вокруг, и рыжие волосы ее в самом деле сверкали на солнышке. «Неужели она хитрая и коварная? — подумал я. — Скажи пожалуйста! А на вид такая приветливая. Хотя мама всегда говорит, что я плохо разбираюсь в людях».

Я глазел на Липучку с таким удивлением, что она спросила:

— Веснушки разглядываешь, да? Много, да? Очень?..

И стала тереть свои щеки, словно хотела уничтожить маленькие и очень симпатичные коричневые точечки.

— Да нет, он просто не понял, — усмехнулся Саша. — Думает, что я про тебя сказал — коварная и хитрая. Ты, ясное дело, тоже хитрая. Но только я про Белогорку говорил. В ней ямы на каждом шагу и воронки студеные... Ты, Шурка, плаваешь хорошо?

Я неопределенно пожал плечами. Это меня один мой товарищ в школе так научил: если, говорит, не хочешь сказать ни да, ни нет, то пожми плечами — все подумают, что хотел сказать «да», но только поскромничал. Липучка, и точно, приняла мой жест за утверждение.

— Ой! — обрадовалась она. — Значит, наперегонки плавать будем! До того берега и обратно. Идет?

Я опять неопределенно пожал плечами, потому что умел плавать только по-собачьи, а всякие там брассы и кроли еще не изучил: давно собирался, да все откладывал из года в год.

Река называлась Белогоркой потому, что в ней отражались и зеленый холм и белые домики. Липучка даже говорила, что она свой домик в воде различает. Но Саша не верил и подшучивал над ней:

— А раскладушку свою, случайно, не разглядела? Или ты ее днем за шкаф прячешь?

Белогорка была довольно широкой и на вид очень безобидной рекой; она петляла между зелеными холмами, точно, убегая от кого-то, хотела замести свои следы. Над берегом нависла песчаная глыба ржавого цвета, словно огромная собака тянула к реке свою лохматую морду. А под глыбой (чтобы дождь не замочил) были аккуратно сложены причудливые ветвистые коряги, балки, доски и бревна разных цветов: белые — березовые, рыжие — сосновые, зеленовато-серые — осиновые. Тут же валялась старая калитка неопределенного цвета со сломанными перекладинами.

— Наш строительный материал! — гордо сообщил Саша. — Будем флот строить.

— Значит, у нас будет не флот, а плот? — уточнил я.

Липучка снова захохотала:

— Опять в рифму сказал! Опять в рифму!

И стала приговаривать: «Не флот, а плот! Не плот, а флот!..»

Чуть поодаль стоял зеленый шалаш, сложенный из хвойных и березовых ветвей.

— А это склад инструмента и сторожевая будка, — объяснил Саша.

Он осторожно, на цыпочках, подошел к шалашу, вытащил оттуда пилу, топор, молоток, баночку с гвоздями. Потом выволок из шалаша за передние лапы белого пушистого пса и стал всерьез упрекать его:

— Целый день дрыхнешь, да? Эх, Бéрген, Бéрген! Да в военное время тебя расстреляли бы на месте. Сразу бы к стенке приставили: заснул на посту! Хорош сторож! Я все инструменты вытащил, а тебе — хоть бы хны!

Выслушав все это, пес сладко, с завываньицем зевнул, фыркнул, стряхнул с морды песок, а потом вскочил на лапы и принялся отважно лаять.

— Лучше поздно, чем никогда, — усмехнулся Саша. — Эх, Берген, только за старость тебя прощаю! Да артист ты уж больно талантливый. — Повернувшись ко мне, Саша объяснил: — Он у нас в «Каштанке» главную роль исполнял. Да еще как! Три раза раскланиваться выходил.

— Как зовут собаку? — с удивлением спросил я. — Берген?

— Ой, правда хорошее имя? Это Саша придумал. Оригинальное имя, правда? — затараторила Липучка.

— А что это значит — Берген? — спросил я. — Уж лучше бы назвали просто Бобиком или Тузиком. А то Берген какой-то... Чуть ли не «гут морген»!

— Сам ты «гут морген»! — рассердился Саша. — Мы со смыслом назвали.

— С каким же смыслом?

— Не понимаешь, да? Эх, и медленно у тебя котелок варит! Какой породы собака?

— Шпиц, — уверенно ответил я, потому что эту породу нельзя было спутать ни с какой другой.

— Ясное дело, шпиц. А теперь произнеси в один прием название породы и имя. Что получится?

— Шпиц Берген... Шпиц Берген...

Да, видно, Саша, как и я, бредил путешествиями и дальними землями, если даже собаку в остров перекрестил.

Саша вытащил из шалаша большой фанерный ящик.

— А это что? — спросил я.

Он опять нахмурился:

— Не видишь, что ли? Ящик из-под сахара. Мы его к плоту прибьем — и получится капитанский мостик, с которого я буду вами командовать. Понял?

— Понял.

— Мог бы сам догадаться.

После этого мне, конечно, не очень-то хотелось задавать Саше новые вопросы. Но я все-таки не удержался и спросил:

— А куда мы поплывем? Куда-нибудь далеко-далеко? Я давно хотел...

И эти слова почему-то очень не понравились Саше.

— Ишь, какой Христофор Колумб объявился! «Поплывем! Далеко-далеко»! Будем здесь, возле холма, курсировать — и все.

— У-у!.. — разочарованно протянул я. — Это неинтересно. Я думал, будем путешествовать...

— Мало что неинтересно! Не могу я из города уехать. Понял?

— Почему не можешь?

— Не могу — и всё. Тайна!

— Тайна? — шепотом переспросил я. Это слово я

всегда произносил шепотом. — Здесь, в Белогорске, тайна?

— Да вот, представь себе. Здесь, в Белогорске.

— И ты из-за нее не можешь уехать?

— Не могу.

Я позавидовал Саше: у него была тайна! И, наверное, очень важная, если из-за нее он отказывался от дальнего путешествия. Чтобы я больше ничего не выведывал, Саша тут же заговорил о другом.

— Ты, Олимпиада, кормила Бергена? — с напускной строгостью спросил он.

Я помимо воли улыбнулся:

— Олимпиада!..

— Чего зубы скалишь? — разозлился Саша. — Ничего нет смешного. Пьесы Островского никогда не читал? У него там Олимпиады на каждом шагу.

— Я читал Островского. И даже в театре смотрел.

— Ой, ты небось каждый день в театр ходишь? — воскликнула Липучка, которая совсем не обиделась на меня.

— Не каждый день. Но часто...

— Ты и в Большом был?

— Был.

— Ой, какой счастливый! Ты небось и книжки все на свете перечитал? У вас ведь там прямо на каждой улице библиотеки!

— Да... читаю, конечно...

Только-только я стал приходить в хорошее настроение, как Липучка все испортила:

— Ой, ты небось отличник, да?

И почему ей пришел в голову этот дурацкий вопрос? Я только и мог неопределенно пожать плечами, как научил меня товарищ в Москве.

— Я так и думала, что ты отличник!

А Саша все хмурился. «Наверное, хвастунишкой меня считает, — подумал я. — Но ведь я ничего определенного не сказал. Я только пожал плечами — и все. Это же Липучка раскричалась: «Отличник, отлич-

ник»! А почему я, в самом деле, должен срамиться и всем про свою двойку докладывать?»

— Ясное дело, у них там отличником быть ничего не стоит, — мрачно сказал Саша. — Все книжки перечитаешь, пьесы пересмотришь — и сразу все знать будешь. Даже в учебники лазить необязательно.

От Сашиных слов мне почему-то захотелось нагнуться и получше разглядеть камешки под ногами.

— Ну ладно, — сказал Саша. — Давайте плот строить.

Он объяснил, что мы скрепим все балки и бревна поперечными досками, перевьем их проволокой, приколотим ящик, из которого он, Саша, будет нами командовать, и спустим плот на воду.

— Ты работать умеешь? — сердито, будто заранее сомневаясь, спросил Саша.

— А чего тут уметь? Подумаешь, дело какое!

Тогда Саша приказал мне укоротить два березовых бревна, которые были гораздо длиннее других.

— Чтобы не выпирали, — объяснил он и принялся доламывать старую калитку.

Я взял топор, закинул его обеими руками за правое плечо и что было силы хватил по краю бревна. Но бревно от этого не укоротилось, а треснуло где-то посередине и раскололось.

— Эх, ты! — с презрением произнес Саша. — Разве это топором делают? А пила зачем? Целое бревно испортил!

Даже Липучка смотрела на меня так, что я понял: она не только восторгаться умеет — и свое знаменитое «ой» по-разному произносит.

— Ой! — насмешливо сказала она. — Топор держать не умеет! Дрова, что ли, никогда не колол?

— А зачем ему колоть? — за меня ответил Саша. — У них там в квартирах и газ и паровое отопление... Что угодно для души! А еще кричал: «Путешествовать, путешествовать!» На экскурсии тебе ездить, а не путешествовать!

„Я ПРИЕХАЛ! ПРИЕХАЛ!“

Когда мы возвращались с реки, холм уже не был зеленым. Да и весь городок можно было назвать скорее не Белогорском, а Темногорском. Дорога показалась мне гораздо длиннее и круче, чем утром. Я подумал, что летние дни очень долгие и раз уже успело стемнеть — значит, совсем поздно. Вдобавок ко всему у меня что-то перекатывалось в животе и неприятно посасывало под ложечкой.

За целый день я съел всего два немытых горьких огурца и кусок черствого черного хлеба. Все это хранилось у Саши в зеленом шалаше. Один раз Саша сбегал в город и принес оттуда миску горячего супа, но отдал ее шпицу Бергену. А нам с Липучкой он не дал супа, потому что мы, по его словам, должны были тренировать свои желудки и закаляться, как будущие моряки.

— Ну да, «закаляться»! — ныл я, с завистью поглядывая на шпица Бергена, который шумно лакал из миски дымный, пахучий суп. — Если бы далеко поплыли, тогда другое дело! А то здесь, поблизости, будем крутиться. Зачем же нам закалка?

«Сам небось наелся в свое удовольствие, когда шпицу за едой бегал!» — так я со злости думал о Саше, поднимаясь на холм и от голода чувствуя слабость в ногах. Что бы сказала мама, если б узнала про сегодняшний день! Ведь она сколько раз повторяла: «Ты должен поправиться, ты должен поправиться! И кушай в одни и те же часы — это самое важное!» Слушая мамины слова, я только усмехался, а вот сейчас я почувствовал, что кушать вовремя — это, может быть, и не самое важное дело, но, во всяком случае, очень существенное.

Вспомнив о маме, я с ужасом вспомнил и о том, что до сих пор не послал телеграмму. А ведь мама перед отъездом говорила: «Прежде всего дай телеграмму. Прежде всего! А то мы все здесь

с ума сойдем. Помни, что у бабушки больное сердце!»

«Наверное, все уже давно сошли с ума!» — подумал я и помчался на почту.

В Белогорске все было очень близко, и почта тоже была совсем рядом с дедушкиным домом.

Полукруглые окошки на почте были уже закрыты фанерными дощечками, и только одно светилось: там принимали телеграммы. Возле окошка с бланками в руках стояло несколько человек.

Я еще ни разу в жизни не посылал телеграмм, но знал, что настоящая телеграмма должна быть очень короткой. «Это хорошо, — подумал я, — меньше ошибок насажаю». К тому же у меня болел средний палец: от пилы на нем выскочил беленький, точно резиновый пузырик.

Текст телеграммы я придумал сразу: «Приехал поправляюсь Шура». Как будто коротко и ясно? Но оказалось, что не так уж ясно. Два вопроса сразу стали мучить меня: «Приехал» или «преехал», «поправляюсь» или «паправляюсь»? Я старался изменить телеграмму, чтобы в ней не было ни одной безударной гласной. Но у меня ничего не выходило. Боясь, чтобы телеграфистка, как Андрей Никитич, не влепила мне двойку, я прибегнул к своему старому, испытанному способу: написал сомнительные буквы так, чтобы не было понятно: «е» это или «и», «а» или «о». «В общем, трудно быть двоечником по русскому языку, — с грустью подумал я. — Даже телеграмму по-человечески не напишешь!»

В последнюю минуту я вдруг вспомнил, что ведь мама никогда не называла меня Шурой. Зачеркнул «Шура» и написал «Саша». И как это меня за один день так приучили к новому имени?!

У окошка остались только двое. Передо мной стоял человек в белой соломенной шляпе. Спина его, и без того немного сутулая, совсем сгорбилась, наклоняясь к окошку.

За стеклянной перегородкой сидела старая телеграфистка со сморщенным лицом. На кончике ее носа умещались сразу две пары очков. Но глядела она поверх облезлой коричневой оправы, и я не мог понять, зачем же она так отягощает свой нос. Каждую телеграмму телеграфистка негромко прочитывала вслух и делала это с таким сердитым видом, будто написавший телеграмму лично перед ней в чем-то провинился. Но, увидев человека в соломенной шляпе, она приподнялась, просунула сквозь окошко руку, испачканную лиловыми чернилами, и поздоровалась.

— Наша Ляленька совсем забыла про ангины, — сказала она. — Не знаю уж, как вас благодарить!

— А вот примите телеграмму и отправьте поскорее. Это, вообразите, очень важно, — ответил человек в соломенной шляпе. Голос у него был хрипловатый, но очень добрый и участливый. Таким вот голосом

врачи спрашивают: «Как ваше самочувствие? На что жалуетесь?»

Телеграфистка осторожно, одними пальцами, точно драгоценность какую-нибудь, взяла бланк и стала шептать: «Москва, Ордынка...»

«Моя улица!» — чуть было не крикнул я. И мне вдруг показалось, что я уехал из Москвы давным-давно, хотя на самом деле это было только позавчера.

Телеграфистка долго не могла разобрать номер дома. Но не спрашивала, боясь лишний раз побеспокоить человека в соломенной шляпе. Наконец она зашептала дальше: «Дом шестнадцать, квартира семь...»

Я замер.

«Почему не приехал Саша? — шептала телеграфистка. — Волнуюсь, молнируй. Папа».

Я, как говорится, потерял дар речи. Папа? Здесь мой папа? Но тут же я понял, что это не мой папа, а папа моей мамы — стало быть, мой дедушка! Телеграфистка уже начала подчеркивать слова в телеграмме, но я остановил ее:

— Постойте! Постойте! Я приехал! Приехал! Честное слово, приехал!

Я увидел, как дрогнула соломенная шляпа. Человек обернулся — и я, отступив на шаг, тихо сказал:

— Дедушка...

Он и правда был похож на Антона Павловича Чехова: русая курчавая бородка, такие же усы, пенсне на цепочке. Только выглядел он гораздо старше Антона Павловича, потому что Чехов, к сожалению, не дожил до его лет. Сквозь пенсне смотрели добрые и чуть-чуть лукавые глаза.

Я видел дедушку очень давно, когда в школу еще не ходил. Дома у нас висела его фотография. Но там он был совсем молодой, моложе, чем сейчас мой папа.

Дедушка гладил меня по голове и разглядывал, как бы желая удостовериться, я это или не я.

— Саша? Приехал, а?.. Слава богу, слава богу! А то уж тут совсем голову потеряли...

Дедушка подошел к окну, высунулся на улицу и негромко позвал:

— Клавдия Архиповна! Он здесь! Приехал, вообразите!

Сразу с шумом распахнулась дверь, и вошла высокая, худощавая женщина в фартуке. Я узнал Сашину бабушку. Она с самым грозным видом оглядела меня и, точь-в-точь как Саша сегодня утром, спросила:

— Приехал?

Потом выждала немного и своим грубоватым, мужским голосом задала новый вопрос:

— Заявился, значит? Пожаловал! А где же целый день околачивался?

— Мы, тетя Кланя, на реке были... — стал робко оправдываться я.

И тут лицо Клавдии Архиповны преобразилось. Глаза ее подобрели и стали такими теплыми, словно она вспомнила что-то далекое и очень приятное.

— Как?.. Как ты сказал? «Тетя Кланя»! Да ведь это его Маришка научила! Маришка! Значит, не забыла меня? Она одна меня только так и величала. На всем белом свете она одна! А больше никто...

Я понял, что Маришкой она называла мою маму.

Клавдия Архиповна стала разглядывать меня уже не с таким грозным видом.

— А Маришка-то в его годы покрепче была. Да, покрепче. Ишь, бледный какой, ровно уксус глотает. И взгляд пугливый. Маришка-то наша посмелее была.

Телеграфистка, должно быть, ко всему привыкла: сколько чужих радостей и печалей проходило каждый день через ее окошко! И все-таки она привстала, облокотилась на столик и тоже с интересом разглядывала меня.

— Маринин сынок? — недоверчиво спросила она. — Такой большой? Эх, и летят же годы! Помню, как она сама до окошка моего не дотягивалась...

Телеграфистка тяжело опустилась на стул, стащила с носа обе пары очков и мечтательно запрокинула голову: молодость свою вспомнила.

Тетя Кланя была права — должно быть, у меня и правда был испуганный взгляд: разве приятно, когда тебя с ног до головы, как экспонат какой-нибудь, разглядывают?

Дедушка послал маме телеграмму о моем благополучном приезде, и мы отправились домой.

Уже у самого дома тетя Кланя сказала:

— А Сашке моему я сегодня нащелкаю по затылку! Это все его проделки.

— Пощадите его, Клавдия Архиповна! — заступился дедушка. — Я уже совсем успокоился, вообразите.

— Нет, не уговаривайте меня, Петр Алексеич. Не успокаивайте, — сказала тетя Кланя таким мирным тоном, что я понял: она сама успокоилась и Саше ничего не грозит.

У дедушки в комнате на самом видном месте, в рамке под стеклом, висела похвальная грамота, которую моя мама получила в десятом классе.

— Я еще много грамот храню, — сказал дедушка. — Все-то не вывесишь. Марина, вообрази, в каждом классе награды получала. Только в пятом не получила. И, кажется, еще в седьмом. Потому что болела. А?

Я, конечно, был очень рад за свою маму, был очень доволен, что она всегда так хорошо училась, но настроение у меня все же испортилось. Я сразу решил, что буду писать диктанты без всякой дедушкиной помощи. И вообще ни слова не скажу ему о своей двойке, ни слова!

Дедушка задавал мне много разных вопросов, а я подробно рассказывал ему про здоровье мамы, и папы, и папиной мамы, то есть моей бабушки... А потом я поскорей лег в постель, пока дедушка не добрался до моего собственного здоровья и до моих отметок.

Но заснул я не скоро. Я думал о своих занятиях. И еще я завидовал Саше: у него есть тайна! И какое-то очень важное, таинственное дело! А вот у меня, кроме переэкзаменовки, никаких таинственных дел не было.

Потом я с грустью подумал о том, что за весь день не сделал ни одного упражнения, не написал ни одной строчки диктанта и не выучил ни единого правила. Я быстро произвел в голове кое-какие перерасчеты и пришел к выводу, что теперь мне нужно заниматься не три часа в день, а три часа и десять минут.

„НО В ТО ЖЕ ВРЕМЯ...“

Странно бывает просыпаться на новом месте. Сперва, в самый первый миг, не можешь понять, где ты и что с тобой. Потом, конечно, вспоминаешь — и становится как-то грустно, одиноко.

Просыпаясь дома, я всегда видел в окне молодое деревце неизвестной породы. По крайней мере, никто из мальчишек в нашем дворе не знал, как оно называется. Осенью, в дождливые дни, деревце прижималось к окну своими голыми ветками, такими ни́точно-тонкими, что их можно было принять за трещины на стекле. А весной деревце покрывалось зелеными, похожими на сердечко листиками.

Дальше, за деревцем, за двором, я привык видеть недостроенный дом с пустыми, незастекленными окнами — весь в деревянных лесах. Мне казалось, что дом этот строится всю мою жизнь. Его и правда начали поднимать много лет назад, а потом почему-то бросили. Об этом даже в газете статья была.

А в это утро передо мной было не окно, а белая стена, увешанная разными замысловатыми полочками и деревянными фигурками животных, как будто здесь устроили выставку нашего школьного кружка «Умелые руки».

Все это была дедушкина работа.

«А с лобзиком — преотличнейший отдых, — еще накануне вечером объяснил мне дедушка. — Руки работают, а нервы спят».

Окно было сзади, над головой. Мама никогда не разрешала так спать, говорила, что в голову надует. А вот дедушка (доктор!) сам предложил поставить раскладушку возле окна.

— Преотличнейшая будет вентиляция! — уверял он.

Дедушкина кровать была уже застелена. «Неужели так рано ушел на работу?» — подумал я. Но тут же заметил висевшую на стуле самодельную палку, на которой были выжжены при помощи увеличительного стекла разные причудливые узоры. Часы показывали семь утра. Это были самые обыкновенные ходики. Но дедушка вставил их в красивую резную оправу из дерева, тоже самодельную, так что виден был один только циферблат.

Мне показалось, что кто-то за моей спиной крадучись, с тихим шорохом лезет в окно. Я быстро вскочил и увидел, как загорелая рука положила на подоконник две газеты и письмо. Газеты «Правда» и «Медицинский работник» были вчерашние. Я взглянул на письмо и тут же узнал крупный, аккуратный и разборчивый, как у девчонок-отличниц, мамин почерк. Письмо было адресовано Саше Петрову, то есть лично мне. Я хотел разорвать конверт, но тут послышался голос дедушки:

— Подожди, подожди! Давай марку исследуем.

Дедушка стоял на пороге по пояс голый и растирался мохнатым полотенцем.

Несколько минут он произносил одно только слово: «Хор-рошо-о! Хор-рошо-о!» Потом надел пенсне, взял у меня конверт и стал разглядывать марку.

— Да, ничего нет лучше утреннего обтирания! Так-с... — Он артистически ловко отделил марку от конверта. — Вообрази, все зубчики уцелели, все до

одного! Плотина Днепрогэса! У меня еще не было такого экземпляра.

С виду дедушка Антон был старик как старик (палка, пенсне, жилет с цепочкой), но в то же время в нем было много молодого, мальчишеского: он собирал марки, обтирался холодной водой, выжигал и выпиливал по дереву. Спал он на узкой деревянной кровати и укрывался одной только простыней.

Пока дедушка одевался, я читал вслух мамино письмо.

— «Дорогой Саша! — писала мама. — Как только мы с бабушкой вернулись с вокзала, так сразу я села писать письмо. Ведь я забыла предупредить тебя о том, что Белогорка — очень опасная река. Там много ям и воронок. Так что, прошу тебя, не уходи далеко от берега...»

— А ты что, плаваешь плохо? — спросил дедушка.

— Да нет... Просто мама боится.

— «Боится»! — Он покачал головой. — Сама-то, поди, Белогорку нашу по десять раз переплывала. Забыла, что ли, как девчонкой была?

Я стал читать дальше и убедился, что мама решила вконец опозорить меня перед дедушкой.

— «Кушай в одно и то же время! — писала она.— Это самое важное. И ни в коем случае не пей воду из колодца!..»

Дедушка в это время сидел на кровати и, покрякивая, натягивал ботинок. Он так и застыл, пригнувшись всем телом к вытянутой ноге.

— Кушать в одно и то же время — весьма полезно. Присоединяюсь! Но в чем же, скажи на милость, колодезная вода проштрафилась? Преотличнейшая вода! Как врач рекомендую и даже прописываю! — И, продолжая натягивать ботинок, он проворчал: — Сама-то всегда к колодцу бегала! И никогда, слава богу, не болела.

Но самое неприятное в мамином письме было дальше.

— «Ты, Сашенька, гуляй, играй с товарищами, — писала мама. — Но в то же время...» На этой фразе я споткнулся и замолчал: дальше мама писала о моей переэкзаменовке и о том, как упорно я должен пыхтеть над учебниками.

— Что там «но в то же время»? — спросил дедушка, надевая жилет. — Разобрать не можешь? У Марины ведь, кажется, каллиграфический почерк. Не скажешь даже, что докторская дочка.

— А у докторов разве плохие почерка́? — спросил я с наигранным интересом, лихорадочно соображая, что же делать дальше.

— У докторов почерки прескверные: пишут истории болезни, рецепты — торопятся. Вот и выходят каракули. Дай-ка я тебе помогу разобрать.

— Да нет, уже все понял, — остановил я дедушку. И стал горячо, прямо-таки вдохновенно сочинять: — «Но в то же время ты, Саша, должен заботиться о своем дедушке! Ты должен во всем помогать ему. Не забывай, что он уже старик...»

— Что, что? — насторожился дедушка и даже

палкой слегка пристукнул. — Так прямо и написано: «старик»? Дай-ка я посмотрю!..

— Нет-нет, ошибся! — вновь остановил я дедушку. — Тут написано не «старик», а «привык»... Значит, так: «Не забывай, что он уже привык жить один, и поэтому не утомляй его, не шуми, не надоедай!»

Для правдоподобности я закончил письмо так, как закончила его сама мама:

— «Целую тебя, Сашенька. Поцелуй и дедушку. Я ничего не написала ему и о нем, потому что думаю послать ему завтра отдельное письмо...»

— Как же — ничего не написала? — удивился дедушка. — Ты ведь только что читал...

— Забыла, наверное,— предположил я.— Просто забыла.

И поскорей сунул письмо под подушку.

Дедушка покачал головой и недовольно подергал цепочку от пенсне:

— Да, память, поди, прескверная стала. Ей бы самой приехать сюда. Отдохнуть от шума, от города...

Дедушкина палка бойко пересчитала ступеньки крыльца и, прикоснувшись к земле, как бы потеряла голос.

Я остался в комнате один. И сразу, подгоняемый маминым письмом, решил сесть заниматься. Чтобы убедить самого себя, что заниматься я буду очень серьезно, я разложил на столе сразу две тетради, учебник грамматики и томик Гоголя. Я решил тренироваться на гоголевских текстах, чтобы было одновременно и полезно и весело. К тому же учительница говорила нам, что у Гоголя попадаются фразы, очень трудные для двоечников.

«Возьмусь за самое трудное! И просижу сегодня ровно три часа десять минут. Ни за что на свете не нарушу графика!» — так мысленно поклялся я сам себе. И в ту же секунду услышал пронзительный крик:

— Ой, пираты! Пираты! Пираты напали!

ПИРАТЫ

По ступенькам застучали голые пятки.

Пока Липучка появилась в дверях, я успел накрыть тетради и книжки скатертью и запустить глаза в потолок. Распахнув дверь, Липучка взглянула на меня так, словно кругом бушевал пожар, а я сидел себе преспокойно, не замечая никакой опасности.

— Ой, сидит! Ручки скрестил, мечтает! А там пираты напали! Шалаш растаскивают. Бежим скорей! Где дедушкина палка?

— Где палка? — заволновался я, вскакивая со стула. — Она в больнице... То есть дедушка в больнице.

— Ой, плохо! А то бы мы их палкой по шляпам!

— По каким шляпам?

— Там увидишь. Бежим!

Саша был уже во дворе. Между нашим и Сашиным крыльцом на веревке белым накрахмаленным занавесом было развешено белье. Саша приказал Липучке снять белье и отнести его в комнату.

— Сделаем из веревки лассо, — крикнул он, — и накинем на них, если будут сопротивляться! Как у Майн Рида!

Мы отвязали от столбов веревку. Саша ловко, в два приема, сделал на конце петлю и покрутил ею в воздухе. Потом мы помчались с холма вниз, к реке.

Подбежав к берегу, мы спрятались в кустах и стали наблюдать.

Пиратов было двое. Вместо черных пиратских флагов они держали в руках белые панамы и зловеще обмахивались ими. Оба они были в красных купальных костюмах и с зелеными листочками на носах. Но только один пират был толстый-претолстый, а другой — щуплый и худенький.

Пиратская база, в виде теплого зимнего одеяла и разных баночек-скляночек на нем, расположилась

вблизи от нашего шалаша. Тут же лежали снятые с него зеленые ветки. Обмахнувшись панамами, пираты как ни в чем не бывало стали продолжать свое разбойничье дело. Отдирая широкую хвойную ветку, толстый пират или, вернее, пиратка произнесла:

— Не лезь, Веник, ты занозишь руки иголками! Я все сделаю сама. У нас будет очаровательный тент. Мы спрячемся под ним от солнца. А то может быть солнечный удар!

— Я их знаю, — еле-еле, сквозь смех, выговорил я. — Это же дикари! Самые настоящие дикари!..

— Ясное дело, дикари, раз в чужой дом залезли,— угрюмо согласился Саша. — Мы строили, а они ломают... Сейчас вот на этого бегемота в панаме накину лассо!

Но заарканить Ангелину Семеновну Саша не успел... В стане пиратов вдруг поднялось страшное смятение. Веник хотел залезть внутрь шалаша и, видно, наступил на лапу спавшему там шпицу Бергену.

Старый пес вскочил, взвизгнул и спросонья тяпнул Веника за ногу.

Что тут началось!

— Покажи мне ногу! Покажи маме ногу! — завопила Ангелина Семеновна.

А разглядев ногу Веника, она завопила еще сильнее:

— Боже мой! Это бешеная собака! Видишь, она все время отворачивается от реки, она боится воды! Она боится воды! Она бешеная!..

— Сама бешеная, а нашего Бергена оскорбляет! — проворчал Саша. — Молодец, что тяпнул: не будут чужие вещи таскать!

Ангелина Семеновна вдруг замахнулась чем-то — мы не разглядели, чем именно, — и шпиц жалобно взвизгнул.

— Ну, вот видишь! — закричала Ангелина Семеновна. — Я проверила! Она, конечно, боится воды! Слышишь, как визжит?

Пиратка сгребла свое ватное одеяло, баночки и скляночки с едой и, крикнув Венику: «За мной! В больницу!» — стала карабкаться на холм. Впопыхах она даже не надела платья, а так и полезла в своем красном купальном костюме.

— Ей бы гладиаторшей в цирке работать. Быков пугать! — насмешливо сказал Саша.

А Липучка ничего не могла произнести: она беззвучно хохотала, тряся плечами и хватаясь за живот.

Как только мы вылезли из своего укрытия, шпиц Берген с визгом бросился к нам навстречу.

— Ой! — вскрикнула Липучка. — Они его поранили!

И правда, вся морда у пса была в крови; кровь, стекая по длинной белой шерсти, капала на камешки. Сашино лицо вдруг побледнело и стало таким злым, что я даже испугался. Глаза сузились и стали похожи на металлические полоски, а губы сжались еще плотней.

— Догоню их сейчас и сдам, как самых настоящих разбойников, в милицию, — процедил он. Опустился на колени и стал разглядывать раненого пса. Постепенно Сашины губы сами собой разжались и стали растягиваться в улыбку. Он поймал на ладонь одну красную каплю и слизнул ее.

— Ой, что ты делаешь? — изумилась Липучка.

— Морс пробую... Клюквенный морс! Главная пиратка облила его морсом, чтобы проверить, боится ли он воды. Понятно?

Липучка опять стала трясти плечами и хвататься за живот. Потом она потащила пса в реку умываться.

— Ну, не упрямься, не упрямься, пожалуйста! Ты вел себя, как настоящий герой: один сражался с двумя дикарями. И обратил их в бегство. А мыться боишься! Ну, не упрямься! — приговаривала она.

Мы с Сашей стали ремонтировать шалаш, в котором появились просветы, словно длинные неровные окна.

— Хорошо еще, что плот наш по бревнышкам не растащили, — ворчал Саша. — Для «тента» своего... Чтобы от солнца прятаться! Кто же это из нормальных людей от солнца прячется?

Мы водворили колючие хвойные и шершавые лиственные ветки на их прежние места, заделали все просветы.

— Сейчас будем плот на воду спускать, — объявил Саша.

Наступила торжественная минута. Мы с трех сторон уцепились за бревна и поволокли плот к реке. Он упирался, цеплялся сучками за камни. Но мы все тащили, тащили — и вдруг плот стал легким, невесомым, он сам потащил нас за собой.

— Ур-ра! Поплыл! Поплыл! — завизжала Липучка. — Ур-ра! — И первая полезла на плот.

Мы с Сашей тоже полезли, и разноцветная, сколоченная из разных бревен «палуба» заходила ходуном.

Мама всегда говорит, что у меня очень богатое воображение. Вот, например, я могу себе представить, что троллейбусы, сгрудившиеся на конечной остановке, — это стадо каких-то огромных животных с длинными и прямыми рогами, пришедшее на водопой. А однажды, когда мы с мамой зашли в посудный магазин, я представил себе, что разнокалиберные чайники, стоявшие на полке, — это одна большая семья: самый высокий, тощий чайник, или, вернее сказать, кофейник, — это сухопарый, подтянутый папа; самый толстый, в красных кружочках, — это расфуфыренная мама, а маленькие разноцветные чайнички — их многочисленные детишки. Помню, мама тогда сказала:

«С твоим воображением можно стать писателем. Но сейчас ты, к сожалению, можешь издать лишь «Полное собрание орфографических ошибок».

Так или иначе, но воображение у меня было очень богатое. И вот, впервые забравшись на плот, я на минуту прищурил глаза и представил себе, что переливчатая, чешуйчато-золотистая под солнцем вода — это вода океана, притихшего и виновато вздыхающего после бури. Наш плот — это все, что осталось от гигантского корабля, потерпевшего кораблекрушение.

Зеленый холм — это вулкан, который в любую минуту и без всякого предупреждения может начать извергаться. А навстречу нам плывет неминуемая гибель в виде белого айсберга, с которым мы вот-вот должны столкнуться. Айсбергом мне почудился белый шпиц Берген, который не пожелал остаться без нас на полуострове, отважно пустился вплавь и догнал плот. Правда, шпиц, плывущий по реке, больше напоминал не грозную гору, а чудом уцелевшую в ясный, солнечный день льдинку, покрытую снегом.

Липучка втащила пса на борт нашего «корабля».

— Примем и его в нашу команду, раз людей не хватает, — сказал Саша.

Он забрался в ящик из-под рафинада, то есть на капитанский мостик, и отдал первое распоряжение:

— Ты, Шурка, будешь помощником капитана, боцманом и рулевым. Бери шест и слушай мою команду! Липучка будет доктором и коком. А кто у нас будет просто матросом? Ведь должны быть на корабле рядовые матросы? Ясное дело, должны.

Вдруг Саша вытянул руку и указал на холм, к вершине которого карабкались две смешные фигурки в белых панамах, словно два живых гриба: один на толстой ножке, а другой — на тонкой.

— А если нам этого... худенького пирата матросом сделать?

Я не поверил своим ушам:

— Веника? Матросом? Да его мамаша от своей юбки ни на шаг не отпустит!

— Не отпустит? А мы его похитим, — совершенно серьезно сказал Саша.

— Как это — похитим?

— Придумаю как. Мамаша и не заметит. Понятно?

— Да стоит ли из-за него руки марать? — усомнился я. — Похищать! Что он, восточная красавица, что ли? Без него обойдемся. Разве у тебя нет хороших товарищей?

— Товарищей у меня побольше твоего. Да они все в туристический поход уплыли...

— Уплыли? Вот видишь! И нам бы тоже! Почему ты с ними не уплыл?

Саша хмуро взглянул на меня:

— Не мог. Дело у меня есть.

— Тайна, да?

Саша утвердительно кивнул головой:

— Тайна.

«Будет ли такой счастливый день, когда я узнаю его замечательную тайну? — подумал я. — Доверит ли он мне?..»

Потом Саша сложил руки трубочками, приставил эти трубочки, как бинокль, к глазам и скомандовал:

— Полный вперед!

Я погрузил свой длинный шест в воду, достал до дна и что было сил оттолкнулся — наш плот рывком прибавил скорость.

ЧИСТЫЕ ПРОМОКАШКИ

Шли дни, а розовые промокашки в моих новеньких тетрадях оставались незапятнанными. Мне нечего было промокать, потому что я ничего не писал. За это время мама успела прислать еще два письма — одно дедушке и одно мне. Жалея дедушкины глаза, я оба письма прочитал вслух, а потом быстро разорвал их и развеял по ветру.

В каждом из этих писем мама беспокоилась о моем здоровье, она советовала мне побольше дышать свежим воздухом и вовремя принимать пищу. И в обоих письмах, где-то в конце страницы — казалось, совсем другим, зловещим, не маминым почерком, — было написано: «Но в то же время...» И дальше мама напоминала о моей переэкзаменовке.

Тут я спотыкался и начинал выдумывать. «Но в то же время Саша не должен забывать и о духовной пи-

ще: побольше читать разных интересных книжек и главное — почаще ходить в кино!» — так сочинял я, читая письмо, адресованное дедушке. А сочинив про кино, я подумал, что каждый раз, читая мамины письма, смогу придумывать что-нибудь выгодное для себя. И в следующий раз, дойдя до слов «Но в то же время...», я сочинил вот что: «Но в то же время ты, Саша, ни в коем случае не должен расти маменькиным сынком. Купайся в реке сколько тебе будет угодно! И на солнце можешь лежать хоть целый день. Спать ложиться вовремя совсем не обязательно, можно лечь и попозже — ничего тебе не сделается! Да и насчет пищи я тоже передумала: можешь принимать ее в любое время...»

Кажется, я перестарался, потому что дедушка поправил пенсне на носу, будто желая получше разглядеть мое лицо.

— Так-с, — задумчиво произнес он. — Маменькиных сынков мы еще в гимназии били. И сейчас терпеть их не могу. Но вот относительно питания и солнечных ванн Марина, кажется, переборщила. А вообще-то, преотличнейшая вещь — расти на свободе!

Потом мама еще присылала письма. Несколько раз их читал дедушка. Но, к моему счастью, мама ничего больше о переэкзаменовке не писала. Решила, что я наконец запомнил ее советы и занимаюсь вовсю.

Я и в самом деле каждое утро раскладывал на столе свои учебники и тетради, самодельную деревянную чернильницу и самодельную резную ручку дедушкиной работы. Но розовые промокашки так и оставались чистыми, потому что тут же начинался стук в дверь. Приходили дедушкины пациенты. Одним он просил передать рецепты, другим — устные советы. А так как все больные в городе с детства привыкли лечиться только у дедушки, верили только ему и называли его «профессором», дверь не переставала открываться и закрываться, как в самой настоящей поликлинике.

Приходили даже больные с «Хвостика». Хвости-

ком называли окраину города, которая была за рекой и вытянулась в узкую, длинную ленту из белых домиков. В обход, через мост, до Хвостика нужно было добираться часа полтора. А по реке, говорили, гораздо быстрей.

Некоторые пациенты просили дедушку зайти вечером к ним домой, «если он, конечно, не очень устанет». Они прекрасно знали, что дедушка все равно зайдет, как бы он ни устал. А не устать он не мог.

Как только раздавались шаги, я поспешно прятал под скатерть все, что могло уличить меня. Ведь каждый раз я ожидал увидеть в дверях Сашу или Липучку, а для них я был «очень культурным, очень образованным и очень грамотным москвичом». Когда же наконец у меня лопалось терпение и я твердо решал оставить скатерть в покое, в дверях действительно появлялись мои новые друзья. Прятать улики было уже поздно, и я попросту спихивал их под стол. От этого учебники мои несколько поистрепались и стали какими-то «раздетыми», то есть выскочили из обложек.

Иногда мне вдруг чудились тяжелые шаги Андрея Никитича. Он ведь обещал «как-нибудь нагрянуть в гости». Но он не приходил. «Наверное, презирает меня! Смеется!» — с досадой думал я, вспоминая про двойку с ехидной закорючкой на конце.

Каждую ночь, ложась в постель, я делал сложные перерасчеты и заново составлял график своих занятий. Получалось, что я должен заниматься каждый день по три с половиной часа, потом по четыре часа, по четыре с половиной... Цифры все росли и росли. Когда наконец дело дошло до пяти часов, я сказал сам себе: «Хватит! Этак в конце концов получится, что я должен заниматься двадцать пять часов в сутки! Завтра уж меня никто не спугнет!»

И снова меня спугнула Липучка. Она всегда очень оригинально входила в комнату: стукнет — и тут же войдет, не дожидаясь, пока я скажу: «Можно», или «Кто там?» Непонятно даже, для чего она стучалась.

Я еле-еле успевал сбрасывать под стол учебники и тетради. Так было и на этот раз.

Но на пороге Липучка очень долго переминалась. Ясно было, что она хочет о чем-то спросить меня или попросить.

Липучка была вся какая-то разноцветная: волосы — рыжие, лицо — красное от смущения, сарафан — неопределенного, выгоревшего цвета, ноги — сверху бронзовые, а внизу серые от пыли, будто нарочно присыпанные порошком.

— Ой, не знаю прямо, с чего начать... — выговорила наконец Липучка.

— А ты начни с самого начала, — посоветовал я.

Набравшись смелости, она начала:

— Ой, Шура, ты должен мне помочь! Заявление одно составить... Очень важное! В горсовет. Понимаешь?

Я покачал головой: дескать, пока ничего не понимаю.

— Ну, в общем, дело такое, — стала объяснять она. — От станции до нашего города — больше трех километров. Да еще дорога в гору... А автобуса нет. Хоть на себе вещи волоки!.. Надо, чтобы автобус ходил.

— А чего ты об этом беспокоишься? — удивился я.

Липучка стала тыкать в меня пальцем, как в чудо какое-нибудь:

— Вот смешно! Не понимает! Люди ведь с вещами приезжают, а автобуса нет. Ну вот, значит, разные... — Тут она замялась, подыскивая подходящее слово. — Ну, в общем, разные несознательные люди всем этим пользуются. На государственных телегах возят приезжих, а денежки себе в карман кладут.

И снова я подумал: «Нет, Липучка не только «ойкать» умеет!»

— Надо написать про все это, — решительно продолжала она. — Только я сама не смогу: не умею я

заявления писать. А ты лучше напишешь! Так, что сразу резолюцию красным карандашом поставят. Знаешь, в левом уголке...

«Да, поставят резолюцию красным карандашом! — подумал я. — Двойку с ехидной закорючкой поставят, как Андрей Никитич. До чего же это неприятное дело — быть двоечником! И еще зачем-то, как дурак, пожимал плечами. Рассказал бы честно про двойку, а то вот выкручивайся теперь!»

Но вздыхать было поздно, и я выкрутился.

— Помочь — это можно, — сказал я. — Только у меня очень плохой почерк, ты ничего не разберешь. Я сам иногда не разбираю.

— Ой, это ничего! — успокоила Липучка. — Ты мне продиктуй, ладно? А я запишу.

Это был выход из положения.

— Хорошо, я буду диктовать, а ты пиши, — согласился я.

Чернила и ручка были на столе, словно поджидали Липучку.

Сочинять мне было не впервой: натренировался уже, читая мамины письма. Кроме того, одна наша соседка в Москве очень любила сочинять всякие жалобы и собирать под ними подписи жильцов: то ванна протекает, то кто-то из соседей долго разговаривает по телефону. Прежде чем собирать подписи, соседка читала свои заявления вслух на кухне. Каждую жалобу она начинала словами: «Нельзя без чувства глубокого гражданского возмущения писать о том...» И я начал диктовать Липучке:

— Нельзя без чувства глубокого гражданского возмущения писать о том, что между городом и станцией нет автобусного сообщения...

Потом я вспомнил, что соседка наша обязательно употребляла такие выражения: «используя свое служебное положение», «некоторые личности», «не пора ли». Я продиктовал Липучке:

— Используя свое служебное положение, некото-

рые личности перевозят приезжих за деньги на государственных телегах. Не пора ли покончить с этим?..

И еще мне вспомнилось, что каждую жалобу соседка наша кончала угрозой: если, мол, не примете мер, то буду жаловаться выше. И я продиктовал:

— Если автобуса не будет, мы напишем жалобу в Москву!.. — А потом посоветовал Липучке: — Теперь собери подписи. Побольше подписей... И все будет в порядке.

— Ой, как коротко получилось! — воскликнула Липучка, разглядывая тетрадный лист, который остался почти чистым.

— Это хорошо, что коротко, — объяснил я. — Длинное заявление могут не дочитать до конца. Понимаешь?

— Понимаю. Ой, ты очень здорово продиктовал! Прямо как взрослые пишут в самых настоящих заявлениях!

Липучка аккуратно свернула лист в трубочку, а я скромно развел руками: дескать, что уж тут особенного: написать заявление — это для меня раз плюнуть.

Липучка хотела сразу бежать в горсовет, но я остановил ее:

— А подписи?

— Ой, их собирать очень долго!

Мне в голову сразу пришла идея:

— Не надо собирать. Напиши внизу так: «Белогорские пионеры, всего три тысячи подписей».

— Что ты, что ты! Три тысячи! У нас и с грудными младенцами столько ребят не наберется.

— Тогда напиши: «Всего двести подписей». И дело с концом.

— Ой, разве можно? Ведь это неправда!

— Для хорошего дела всегда соврать можно, — успокоил я Липучку.

Она снова уселась за стол. Но тут мы услышали, что кто-то лезет в окно.

ПОХИЩЕНИЕ

Саша поудобнее устроился, укрепил свои локти на подоконнике и обвел нас презрительным взглядом, как бы говоря: «Ерундой всякой занимаетесь, а я между тем...»

— Ой, что-нибудь случилось? — вскрикнула Липучка.

— Ага, случилось, — преспокойно ответил Саша. — Приготовьтесь — сейчас комнату подметать буду.

Подметать комнату? Рехнулся он, что ли? Мы с Липучкой растерянно переглянулись.

— Чего глаза таращите? — Саша подтянулся на руках, вскарабкался на подоконник и спрыгнул на пол. — Веник со мной. Понятно?

— Ой, похитил? — Липучка, как всегда в минуты восторга, хлопнула в ладоши, так что даже помяла свое заявление. И, прижав руки к груди, затаила дыхание.

Саша обшарил глазами стены.

— У тебя йод есть? — спросил он у меня. — Что-то я аптечки не вижу...

— Не знаю... Есть, наверное... А зачем тебе йод?

— Ой, ты небось поранил его, когда у мамаши отбивал, да? — догадалась Липучка. — Лассо накинул, да?

— Что я, бандит какой-нибудь? Это я с пиратами хотел сражаться, а он вовсе не пират... Очень даже симпатичный парень, только застенчивый, как девчонка. Людей боится... Но мы это дело из него выбьем.

— Ой, мы его бить будем? — испугалась Липучка.

— Чудачка ты! Я же в переносном смысле. Ну, перевоспитаем значит. Понятно?

— Понятно.

— А как же ты похитил? Ведь его мамаша от себя ни на шаг не отпускает, — спросил я.

— Узнаешь! Давай сюда йод.

Дедушка был доктором, но сам лекарств не любил. Я заметил, что, когда к нему приходили больные, он сразу лез в корзинку, стоявшую за диваном.

«Терпеть не могу, когда лекарства на видных местах выставляют, — говорил он. — Украшеньице так себе».

Я полез в дедушкину корзину, нашел там пузырек с йодной настойкой и передал его Саше.

— А теперь позови Веника, — распорядился Саша.

— Позвать?.. А где он?

— Возле крыльца мнется. Стесняется. Ты ведь с ним в вагоне, кажется, в дипломатических отношениях не состоял.

— Да... Я там с Андреем Никитичем дружил. С подполковником артиллерии! — гордо сказал я. А потом, вспомнив, чем кончилась наша дружба, тихонько вздохнул. — Веник там, в вагоне, все время книжки читал.

— Ой, книжки читал! — восхитилась Липучка. — Он тоже небось, как и ты, до ужаса грамотный, да?

Что касается Веника, то я не мог дать никаких определенных сведений, а сам я был грамотный действительно «до ужаса». И поэтому еще раз вздохнул. А Липучка помчалась приглашать Веника. Он робко вошел в комнату и остановился на пороге. Был он в белой панаме и с книгой под мышкой.

— Идет по городу — книгу читает, — сообщил Саша. — Ты и в Москве тоже с раскрытой книгой улицы переходишь?

— Что вы! В Москве я только в метро и в троллейбусе читаю. А на улице нельзя — там же светофоры.

— Автомобили там, а не светофоры! — почему-то сердито сказал Саша. — И на «вы» меня, пожалуйста, не называй. Понятно? Ишь, какой интеллигентный! Задирай-ка рубаху!

Веник испуганно огляделся, точно просил у нас с Липучкой защиты.

— Ага, понимаю. Стесняешься? — сказал Саша. — Ты, Липучка, отвернись.

Веник покорно задрал рубаху и обнажил свое худенькое и бледное тело.

— Тебе бы Снегурочку в театре изображать, —

сказал Саша. — Куда тебя доктора от бешенства колют? Покажи.

Веник испуганно схватился за живот:

— А вы что? Намерены... тоже колоть меня?

— Что я, сумасшедший, что ли? Как твоя мамаша?

Веник вдруг решительно одернул рубаху, и его бледное личико гневно порозовело, чего я уж никак не ожидал.

— Вы, пожалуйста, мою маму не задевайте! — гордо произнес он.

Саша так и застыл с пузырьком в одной руке и с пробкой в другой.

— Ишь ты! «Не задевайте»! — удивленно и вме-

сте с тем уважительно сказал он. И, вроде бы извиняясь, добавил: — А чего же она нашего старого Бергена задевает? Бешеным его считает! Это же оскорбление, если хочешь знать. Оскорбление собаки — верного друга человека! Понятно? Да уж ладно. Задирай рубаху!

Веник покорно задрал ее, и Саша стал мазать ему живот йодной пробкой.

— Тебя так после уколов мажут? — спросил Саша, разглядывая довольно большой коричневый островок, возникший на белой впадине, именуемой животом Веника.

— Та-ак... — протянул Веник. — Только вы уж очень густо... И много... И к чему вообще?..

— Во-первых, не «вы», а «ты»! — сердито сказал Саша. — А во-вторых, совсем не густо: маслом кашу не испортишь! Теперь, когда придешь домой, задери рубашку и покажи своей маме. Понятно? И так каждый день будем делать. А ты, вместо того чтобы в поликлинике в очереди торчать, будешь с нами на плоту плавать.

И тут только я все понял! Теперь, значит, в нашей корабельной команде будет хоть один рядовой матрос. Молодец Саша, ловко придумал!

Я СТАНОВЛЮСЬ ПОЭТОМ

И снова — уже в который раз! — меня спугнула Липучка. Как только я с тяжелым сердцем (мне нужно было заниматься уже по восемь часов в сутки!) уселся за стол, она, даже для виду не постучавшись, влетела в комнату.

Я натренированным броском спихнул тетради и учебники под стол, а Липучка, размахивая газетой, не заговорила, а прямо-таки закричала:

— Ой, теперь я все знаю! Теперь я все знаю, Шура!

— Все знаешь? Про меня?.. — Я испуганно стал пятиться к окну.

— Да, все знаю! Здесь все написано! — Липучка перешла на таинственный полушепот. Она выставила вперед номер «Пионерской правды», словно собираясь выстрелить из него мне в самое сердце. — Здесь все написано! А ты скрывал! И как тебе не стыдно, Шура! Как тебе не стыдно!

«Что там написано? — с ужасом подумал я. — Может быть, поместили заметку про мою двойку? А что ж такого, вполне возможная вещь! Ведь высмеивают там таких вот вроде меня, безграмотных двоечников. Теперь все погибло: Саша будет презирать меня. И Липучка тоже. И даже Веник. И дедушка все узнает. И тетя Кланя. Какой позор! И почему я сразу все по-честному не рассказал? Отличник! Образованный москвич! Выпрыгнуть, что ли, в окно и навсегда избавиться от позора?» Но в окно выпрыгивать было бесполезно: дедушка жил на первом этаже.

А Липучка все наступала:

— Зачем же ты скрывал от нас? Зачем?

— Я все расскажу вам. Честное слово, все расскажу, — забормотал я. — Мне просто было стыдно, очень стыдно...

— Стыдно? — Липучка вытаращила зеленые глаза. — Разве этого можно стыдиться? Этим надо гордиться!

«Уж не укусила ли ее настоящая бешеная собака? — подумал я. — Или она просто издевается надо мной?»

— Да, этим надо гордиться! — торжественно повторила Липучка. — Я выучила их наизусть!

И она вдруг стала читать стихи:

Как серебро, вода сверкает.
Мы поработали —
и вот
Поплыл, торжественно качаясь,
Поплыл наш самодельный плот!

Пусть не в просторе океанском —
По руслу узкому реки,
Но есть и мостик капитанский
И есть герои-моряки!

Пусть поскорей промчатся годы,
Мы закалимся, подрастем —
Тогда красавцы пароходы
По океанам поведем!

Липучка прочитала стихи с таким вдохновением, что я даже заслушался, прижавшись к подоконнику. Потом она взглянула на меня глазами, которые были полны, как говорится, неописуемого восторга.

— И этого ты стыдился? Этим нужно гордиться! — повторила она. — Поздравляю тебя! Поздравляю тебя, Шура! Ты — настоящий поэт!

— Я?.. Поэт?..

— Ой, не притворяйся, пожалуйста! Хватит уж скромничать, хватит! Тут же русским языком написано: «Саша Петров, Москва».

Я схватил газету — и в самом деле, под стихотворением стояла подпись: «Саша Петров». Бывают же такие совпадения!

— Я уже всем газету показала, всем! — затараторила Липучка. — Ой, какой же ты молодец! Наш плот прославил! Прямо на всю страну! Только почему ты написал «Москва»? Написал бы лучше «Белогорск». Ведь ты здесь сочинял? И даже прикрасил кое-что! Но это ничего — поэты всегда так делают. А кто это «герои-моряки»? Веник, да?.. — Липучка затрясла плечами, схватилась за живот. — Ой, а я ведь сразу заметила, что ты в рифму говорить умеешь! Еще в самый первый день. Помнишь: «не плот, а флот», «он — не Антон»?.. А потом я заметила, что ты по утрам так задумчиво-задумчиво сидел за столом. А только я входила — и ты сбрасывал тетрадь под стол. Думаешь, я не заметила? Ты по утрам стихи сочинял? Да?.. Вот и сейчас даже тетрадка под столом валяется. В ней новые стихи, да?

Липучка, пригнувшись, бросилась к столу и схватила тетрадку. Я кинулся за ней: ведь там, в тетрадке, были советы нашей учительницы русского языка, как лучше мне подготовиться к переэкзаменовке.

Я вырвал тетрадку:

— Это не стихи... Это... совсем другое...

— Ой, как же не стихи? Опять обманываешь, да?

— То есть там стихи... Но я еще не могу их показать. Я еще...

— Ой, покажи! Покажи! Прямо любопытно до ужаса!

— Нет-нет, — сказал я, поспешно пряча тетрадь под скатерть. — Сейчас нельзя... Я еще не обработал как следует. Вот обработаю — и тогда обязательно прочитаю...

— Новое стихотворение, да?

Я неопределенно пожал плечами.

— Ой, понимаю! Писатели всегда много раз переписывают свои произведения. Вот Лев Толстой, например, «Войну и мир» семь раз переписывал. Я сама где-то читала...

Через секунду она пришла в восторг от нового открытия:

— Ой, Шура, а у тебя ведь и имя такое поэтическое — Александр! Как у Пушкина.

Не знаю, с кем бы еще на радостях сравнила меня Липучка, но тут, к счастью, появился Саша.

САШИНА ТАЙНА

Он был очень серьезен. И, как всегда в такие минуты, руки заложил за спину, глядел исподлобья и нетерпеливо покусывал нижнюю губу. А говорил коротко, отрывисто, вроде бы приказания отдавал:

— Ну-ка, выйди, Липучка. Прогуляйся!

Липучка независимо устремила в потолок свои глаза и нос, усыпанный веснушками:

— А чего ты распоряжаешься в чужой комнате?.. Шура, мне можно остаться?

Я взглянул на Сашу, потом на Липучку, потом на пол и неопределенно пожал плечами.

— Секреты, да? — насмешливо спросила Липучка. — Говорите, что девчонки секретничают. А сами?

Мы с Сашей молчали.

— Значит, мне уходить, да?

— Вот-вот, прогуляйся, — с беспощадной твердостью произнес Саша.

— Прогуляться? Хорошо, ладно. Я ухожу... Мужчины, называется! Кавалеры! Рыцари! Мушкетеры!.. Веник бы никогда так не поступил. Потому что он действительно образованный... И очень интеллигентный. Настоящий москвич!

Это уж был выстрел в мою сторону. Боясь, что промахнулась или слишком легко ранила меня, Липучка взглянула в упор своими зелеными глазищами:

— А еще поэт! Пушкин!

Она так хлопнула дверью, что легкая деревянная чернильница на столе подпрыгнула и на скатерти появилось маленькое фиолетовое пятнышко — уже не первое со времени моего приезда в Белогорск.

— Зачем ты ее так? — спросил я Сашу.

— Дело потому что... Важное!

Так как Саша был капитаном нашего корабля, я спросил:

— Задание какое-нибудь? Приказ?

— Нет. Просьба.

— Просьба? Ко мне?

— Да, к тебе. И не перебивай. Тайну мою узнать хочешь?

Я, кажется, второй раз в жизни почувствовал, что у меня, где-то под левым кармашком, есть сердце и что оно довольно-таки сильно колотится (первый раз я почувствовал это, когда учительница объявляла фамилии двоечников, получивших переэкзаменовку). И еще я понял — как это верно говорят: «Он вырос от

гордости»! Мне и правда показалось, что я стал чуть-чуть выше ростом. Значит, Саша теперь доверяет мне, как самому себе! Доверяет свою тайну, такую важную, что он из-за нее даже не поехал в туристический поход! Такую важную, что она привязывает его и наш плот вместе с ним к Белогорску! И он еще спрашивает, хочу ли я узнать ее!..

— В общем, дело ясное, — сказал Саша. — У меня — переэкзаменовка. Понятно?

Я как-то машинально присел на стул:

— У тебя?.. Переэкзаменовка?..

— Ага. Пишу я плохо. С ошибками. Понимаешь? Вот и схватил двойку. Поможешь, а?

— Кто? Я? Тебе?

— Да, ты, мне. Ясное дело, не я тебе. Ведь ты же образованный, культурный. Поэт! Липучка сегодня уши всем прожужжала. Как она мне «Пионерку» показала, так я сразу решил: попрошу Шурку! И вот... Согласен?..

Я даже не мог неопределенно пожать плечами — так и сидел, раскрыв рот, словно рыба. И молчал тоже как рыба. Мой вид не понравился Саше.

— Смотри, в обморок не кувырнись. Побледнел, как Веник. Не хочешь помогать — так и скажи. Без тебя обойдусь.

Тут наконец у меня прорезался голос. Правда, чей-то чужой — слабенький, неуверенный, — но все же прорезался:

— Да что ты, Саша! Я с удовольствием... Только у меня нет... этого... как его... педагогического опыта...

— И не надо. Ты просто будешь мне диктанты устраивать и проверять ошибки. Понятно?

— Понятно...

Я буду проверять ошибки! И почему я честно, как вот Саша сейчас, не рассказал о своей несчастной двойке? Вернее, несчастная была не двойка, а я сам. Зачем я, как дурак, пожимал плечами? Эти мысли уже не первый раз приходили мне в голову. Но рас-

каиваться было поздно. И нужно было не выдать своего волнения.

— И это вся тайна? — с наигранным спокойствием спросил я.

— Вся.

— А я-то думал!..

— Мало что ты думал.

Да, я действительно думал мало, иначе не попал бы в такое глупое положение.

— И ты из-за такой ерунды не пошел в туристический поход? И наш корабль к городу привязал? — неестественным голосом удивлялся я.

— Это не ерунда. Я должен сдать экзамен, — очень решительно сказал Саша. — Понятно? Лопну, а сдам! Осенью отец с матерью из геологической разведки приедут — я им обещал.

— А-а! Они, значит, осенью приедут? А у тебя, значит, переэкзаменовка?

От растерянности я, кажется, говорил не совсем складно.

— И еще я Нине Петровне обещал. Учительнице нашей. Она не хотела в деревню уезжать из-за меня. А я уговорил: сам, сказал, подготовлюсь. Понятно?

— Не совсем. Она тебе двойку вкатила, все лето тебе испортила, а ты о ней заботишься?

— Сам я все испортил!.. В общем, согласен помочь или нет?

Я смотрел на Сашу с таким удивлением, будто он с другой планеты свалился. Защищает учительницу, которая ему двойку поставила! И от похода отказался. Странный он парень! Так мне казалось тогда.

Не дождавшись ответа, Саша твердыми, злыми шагами направился к двери. Что было делать? Не думая о том, как все повернется дальше, я догнал Сашу:

— Буду помогать тебе! Конечно, буду! Это же очень легко... и просто. Будем заниматься прямо с утра до вечера. Хочешь?

— Не хочу, а придется, — ответил Саша.

Я СТАНОВЛЮСЬ УЧИТЕЛЕМ

Весь следующий день я с утра до вечера овладевал своей новой профессией — готовился преподавать. И только тогда я понял, как это трудно — быть учителем. Правда, настоящим учителям все-таки гораздо легче, чем было мне: они ведь хорошо знают то, чему обучают других. Я же собирался учить Сашу грамматике, а сам разбирался в ней не лучше, чем наш Паразит в правилах уличного движения.

Теперь уж мне не надо было сбрасывать учебники и тетради под стол. Я мог заниматься совершенно открыто: ведь я старался не для себя, а для другого, то есть совершал благородное дело.

Дедушка, оказывается, знал о Сашиной переэкзаменовке.

— Молодец! — похвалил он меня. — Видишь, как это приятно — хорошо учиться: всегда можешь помочь товарищу.

«Сперва приналягу на правила, — решил я. — Все-таки выдолбить и пересказать правила не так уж трудно. Начну с безударных гласных, чтобы и самому тоже польза была...»

К полудню все правила о правописании безударных гласных были выучены назубок. А как быть с диктантами? Диктовать я, конечно, смогу: слава богу, читать еще не разучился. Но как же я буду проверять то, что написано Сашей, если сам ничего не знаю? Может быть, каждую фразу сверять с книжкой? Нет, неудобно. Саша сразу догадается, какой я грамотей. Что же делать?

В конце концов я придумал: вызубрю наизусть какой-нибудь кусочек из Гоголя. Совсем наизусть! Запомню, как пишется каждое слово и где какой знак стоит.

Я нашел свое любимое местечко из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и стал зубрить, начиная со знаменитых слов

Ивана Никифоровича: «— Поцелуйтесь со своею свиньею, а коли не хотите, так с чертом!»

«— О! вас зацепи только! — зубрил я дальше. — Увидите: нашпигуют вам на том свете язык горячими иголками за такие богомерзкие слова. После разговору с вами нужно и лицо и руки умыть и самому окуриться.

— Позвольте, Иван Иванович; ружье вещь благородная, самая любопытная забава, притом и украшение в комнате приятное...

— Вы, Иван Никифорович, разносились так с своим ружьем, как *дурень с писаною торбою,* — сказал Иван Иванович с досадою, потому что действительно начинал уже сердиться.

— А вы, Ива́н Иванович, настоящий *гусак...*» — и так далее.

Всегда я прямо до слез хохотал, читая все это. А сейчас я радовался только тому, что в отрывке было много безударных гласных. «Здо́рово писал Гоголь! — думал я. — Сколько безударных наставил! Прямо в каждой фразе. Вот уж попыхтит завтра Сашенька!»

Я еще повторил отрывок вслух раза три, потом раза три переписал его, потом начал декламировать. В общем, к вечеру мне казалось, что Гоголь писал вовсе не так уж весело и что скучнее повести об Иване Ивановиче и Иване Никифоровиче ничего на свете не существует.

Лежа в постели, я еще раз повторил отрывок про себя. А потом припомнил всякие мудрые выражения, которые часто употребляли наши учителя. Такие вот, например: «Учись мыслить самостоятельно!», «Если хочешь что-нибудь сказать — подними руку», «Не будем тратить время — его ведь не вернешь», «Не смотри в потолок, там ничего не написано!» и т. д., и т. п. А ночью мне приснилось, что невоздержанный на язык Иван Никифорович обозвал Ивана Ивановича «безударной гласной» и что с этого именно началась знаменитая ссора.

Утром, как только умолкла дедушкина палка, начался первый урок. Саша вошел в комнату, держа в руках толстую тетрадь в красной клеенчатой обложке. «Неужели всю ее исписать собирается?» — с ужасом подумал я. В глазах у Саши было что-то новое, незнакомое мне до тех пор: что-то уважительное и немного застенчивое. И это у него! У капитана Саши!.. Ну да, ведь я теперь был для него не просто Шуркой, а учителем. Как пишут в газетах, «наставником и старшим другом».

Все эти мысли настроили меня на строгий тон.

— Ну, не будем терять время — его ведь не вернешь, — сказал я.

Саша покорно уселся за стол, развернул тетрадку и посмотрел на меня, ожидая новых распоряжений.

— Начнем с безударных гласных, — объявил я и зашагал по комнате, мысленно воображая, что шагаю между рядами парт. — Гласные произносятся четко и ясно лишь тогда, когда они находятся под ударением, — объяснял я. — В безударном положении они звучат ослабленно, неотчетливо. Чтобы правильно написать безударную гласную в корне, нужно изменить слово или подобрать другое слово того же корня так, чтобы эта гласная оказалась под ударением...

— Вот, например: вода — во́ды, тяжелый — тяжесть, поседеть — седенький... — насмешливым тоном продолжил мои объяснения Саша. — Так, да? Прямо по учебнику шпаришь.

Нет, он не так уж робел передо мною! В первый момент я, войдя в роль педагога, чуть было не сказал: «Хочешь что-нибудь спросить — подними руку!» Но вовремя удержался: пожалуй, Саша поднял бы руку и щелкнул меня по затылку, чтобы сразу сбить с меня всю педагогическую важность.

— Значит, нужно слово изменить? — все так же насмешливо спросил Саша. — Вот измени, пожалуйста, слово «инженер». А? Измени.

Я стал лихорадочно соображать, но слово «инженер» никак не изменялось.

— Это исключение, — сказал я. — Нужно просто запомнить это слово — и все.

— А тогда измени слово «директор», чтобы безударная стала ударной.

Я снова и так и сяк повертел в уме слово, предложенное Сашей. Ничего не получалось.

— Это тоже исключение, — объяснил я. — И не перебивай, пожалуйста!

— А ты не забивай мне голову всякими правилами! Я их без тебя знаю, а пишу все равно с ошибками. Ведь на каждое правило две тысячи исключений. Давай лучше диктанты писать.

Что было делать?

— Хорошо, возьмем первый попавшийся отрывок из Гоголя, — согласился я и раскрыл «первую попавшуюся» страницу, заложенную промокашкой — уже не чистой, а с пунктирными следами букв и расплывчатыми очертаниями клякс.

Я стал с выражением диктовать:

«— Поцелуйтесь со своею свиньею...»

— Сам ты поцелуйся со свиньею, если так диктовать собираешься! — разозлился вдруг Саша.

— Так с учителями не разговаривают! — в свою очередь, вспылил я.

— А что же ты каждую безударную, как ударную, произносишь? Прямо нажимаешь на нее изо всех сил. Сам говорил, что безударные звучат ослабленно, неотчетливо... Мне твои подсказки не нужны!

Я и в самом деле произносил каждое слово чуть ли не по складам и очень ясно выговаривал безударные гласные. Ведь мне всегда хотелось, чтобы именно так диктовали учителя.

— Ты по-человечески диктуй, — уже без всякой робости сказал Саша. Казалось, он вот-вот скажет: «А то как щелкну!»

Тогда я стал диктовать очень быстро. Сашина ручка вновь остановилась.

— Не валяй дурака, — предупредил он. — Хочешь, чтобы я вообще ни одной буквы не разобрал? Так, что ли? Ты только одни безударные от меня прячь. Понятно?

Да, настоящим учителям и не снились, наверное, такие ученики!

Я диктовал, почти не заглядывая в книжку: весь отрывок был вызубрен наизусть.

Саша удивился:

— Ты всего Гоголя, что ли, наизусть знаешь?

— Ну, не всего, конечно, — скромно ответил я.— Но довольно значительную часть его произведений...

Сам того не замечая, я стал изъясняться как-то по-взрослому: ведь я все-таки был педагогом!

— Валяй дальше! — распорядился Саша.

Но вот я добрался до конца и сказал:

— Хватит! Давай проверим! — А сам подумал: «Сейчас начнет спорить. Скажет: диктуй дальше. А я дальше не выучил».

Но Саша покорно протянул мне тетрадь. Прове-

рял я очень медленно, про себя повторяя текст и по буквам вспоминая, как написано каждое слово в книжке. Проверив слово, я машинально подчеркивал его, как это делала телеграфистка, когда подсчитывала стоимость телеграммы.

Заметив, что я все время подчеркиваю, Саша заволновался:

— Неужели столько ошибок?

— Да нет... Я просто так, для себя.

На самом деле ошибок было всего пять. Я позавидовал Саше: ведь вчера, впервые переписывая этот отрывок на память, я сделал гораздо больше ошибок.

«Саша пишет в два раза лучше меня — и все-таки у него двойка, — подумал я. — Значит, если я буду делать ошибок вдвое меньше, чем сейчас, я все равно не сдам переэкзаменовку...» От этих мыслей лицо у меня стало такое печальное, что Саша даже насторожился:

— Очень плохо, да?

— Да нет, вполне сносно, — ответил я. Взял ручку и вывел под Сашиным диктантом четкую, с острыми углами четверку, похожую на недописанную букву «Н».

— Уж очень ты добренький, — усмехнулся Саша. Он ведь не знал, что это была моя давнишняя мечта, чтобы за пять ошибок ставили четверку.

Я вздохнул так облегченно, как вздыхал в классе, услышав спасительный звонок, избавлявший меня от вызова к доске. «Слава богу, первый урок кончился!» — подумал я.

Но не тут-то было! Саша вдруг стал выпытывать у меня, почему трудные слова пишутся не так, как произносятся. Начал он со слова «поцелуйтесь».

В школе учительница часто говорила мне: «Петров, ты совсем не умеешь анализировать слова». Но умел я или не умел, а тут уж надо было анализировать. Сперва я старался изменить слово так, чтобы на

первый слог «по» падало ударение. «Поцелуй, поцеловаться...» — шептал я про себя. Но ударение никак на «по» не попадало. Тогда я подумал: «А что вообще такое это самое «по»? И вдруг меня осенило: так это же приставка! Ну да, самая настоящая приставка. А ведь приставки «па» вообще не существует на свете. Это только в танцах бывают разные па, а приставок таких не бывает. Значит, все очень просто. Я объяснил это Саше.

— Ага... Интересно, — сказал он. И что-то записал в тетрадку, словно отметку мне выставил.

— А скажи-ка, пожалуйста, почему пишется «свинья», а не «свенья»? Не знаешь?

— Так ученики вопросов не задают! — возмутился я. — Похоже, что я из детского сада только что пришел, а ты уже какой-нибудь десятиклассник и экзамен мне устраиваешь.

Но, сказав про детский сад, я сразу вспомнил стихи Маяковского, которые мы там учили наизусть: «Вырастет из сына свин, если сын свиненок...» Эти стихи я тут же прочитал Саше.

— Раз «свин» — значит, «свинья», — объяснил я.

— Ага, — снова сказал он и снова записал что-то в тетрадку.

В общем, не зря я накануне зубрил правила. И вовсе не из одних только «исключений» русский язык состоит. Напрасно Саша о нем такого мнения!

С тех пор мне очень понравилось «анализировать» слова. Как только услышу какое-нибудь трудное слово, так сразу начинаю разбирать его. И очень часто оно оказывается вовсе не таким уж трудным.

Но и на разборе слов тот первый урок не окончился. Ведь в нашем «классе», к сожалению, распоряжался не учитель, а ученик.

— Давай-ка теперь я подиктую, — сказал Саша и поднялся со стула, уступая мне место.

Но я садиться на это место вовсе не хотел.

— Ты? Мне?! Будешь диктовать?!

— Ага. Я! Тебе! Буду диктовать! — передразнивая меня, ответил Саша.

— Зачем же терять время? Его ведь не вернешь!

Но мои «педагогические» фразы на Сашу не действовали.

— Диктовать тоже очень полезно, — объяснил он. — Это мне сама Нина Петровна советовала. Она-то уж лучше тебя понимает. «Когда, говорит, диктуешь, очень внимательно вглядываешься в каждое слово». Понятно?

Спорить с Ниной Петровной было опасно. И я, как утопающий за соломинку, схватился за отрывок из Гоголя. Ведь я знал его наизусть.

— Хорошо, успокойся. Никто с твоей учительницей не спорит. Диктуй мне, пожалуйста, первый попавшийся отрывок. — Я взял томик Гоголя. — Вот, например, со слов: «Поцелуйтесь со своею свиньею...»

— Что это тебе все время одно и то же место случайно попадается? — удивился Саша.

«Сейчас обо всем догадается!» — испугался я и с самым независимым видом произнес:

— Диктуй откуда хочешь. Хоть из «Носа»! Хоть из «Записок сумасшедшего»!

— Да, одно и то же по два раза читать неинтересно, — сказал Саша. — Я что-нибудь другое найду.

Он стал перелистывать страницы, а я от предчувствия своего полного краха, кажется, побледнел, присел на стул и дрожащими пальцами взялся за ручку.

Саша между тем рассуждал:

— У нас вот теперь сборники какие-то однообразные выходят. Если веселый — то хохочи все время, пока живот не заболит. А уж если мрачный, так тоже до самого конца... Поседеть можно! А у Гоголя, смотри, как все разнообразно. Вот Иван Иванович с Иваном Никифоровичем ругаются... Смешно, да? А рядом, на сто девяносто первой странице, «Вий». Мороз по коже продирает! Прочтешь сборник — и посмеешься, и поплачешь... Так гораздо интереснее получается. Вот я

тебе сейчас из «Вия» подиктую. Самое страшное место!

«Пусть диктует, — подумал я. — Скажу потом, что со страху ошибки насажал. Ничего, мол, не мог сообразить от ужаса. Затмение мозгов произошло. Сила художественной литературы!..»

— Значит, описание «Вия», — сказал Саша. — Понятно? Пиши. Только я медленно буду диктовать, чтобы в каждое слово вглядываться... «Весь был он в черной земле... Как жилистые крепкие корни, выдавались его засыпанные землею ноги и руки...»

— Ой, неужели так прямо и написано: «весь был в земле»?! — воскликнул я.

— Прямо так и написано. Не веришь, так посмотри!

Это мне только и нужно было. Я, словно бы не доверяя Саше, схватил книжку и прочитал все, что там было насчет земли. Ну конечно, уж заодно и безударные гласные разглядел.

— Да, действительно так... Скажи пожалуйста, какой ужас!

Я уселся на место и тут же записал прочитанные фразы.

— «Длинные веки опущены были до самой земли», — читал дальше Саша.

— Ой, неужели прямо до самой земли? — снова поразился я. — Так и написано?

Я снова вскочил со стула и заглянул в книжку.

— «С ужасом заметил Хома, что лицо было на нем железное...» — медленно, будто заучивая наизусть каждое слово, диктовал Саша.

— Ой, неужели такой страшный? Лицо железное?!

Я вскочил в третий раз и, трясясь от ужаса, выхватил у Саши синий томик. А сам с надеждой подумал: «Так я, пожалуй, весь диктант без единой ошибочки напишу!» Но не тут-то было. Саше мои вскакивания со стула надоели.

— Что ты все время ойкаешь, как Липучка? — сердито спросил он. — А еще говорил, что всего Гоголя наизусть знаешь!

— Конечно, знаю... — залепетал я. — Но классика, понимаешь, так прекрасна, что каждый раз кажется, будто читаешь впервые.

Саша поморщился: он не любил громких фраз.

— Ладно... Сиди смирно — и все. Если еще раз вскочишь, как щелкну по затылку! Понятно?

Понять это было нетрудно. Я продолжал писать диктант.

— Во как Гоголь умел страх нагонять! — не удержался Саша. — У тебя прямо руки трясутся от ужаса.

Если бы он знал, отчего у меня тряслись руки!

Кончив читать про страшного «Вия», Саша сказал:

— Ну, вот и все!

«Да, вот и все! Крышка!» — подумал я и протянул Саше свои каракули. Но он отмахнулся от моей тетради, схватил жестяную кружку и стал постукивать по ней чайной ложечкой, точно так же, как это делал я, когда раньше, давным-давно, играл с бабушкой «в трамвай».

— Звонок! Звонок! Урок окончен! — провозгласил Саша. — Проверять я тебя не буду. Зачем?

— Конечно... не надо... — запинаясь от радости, сказал я. «Спасен! Спасен!!!» И добавил: — У меня еще и почерк жуткий... Я ведь внук доктора! Понимаешь? Ничего разобрать нельзя!

— Ясное дело, смешно будет, если я вдруг стану тебя проверять, — сказал Саша.

— Факт, смешно, — согласился я.

На самом деле это было бы не смешно, а очень грустно. Я поскорей спрятал свой диктант в ящик дедушкиного стола. «Потом сам проверю», — решил я. И еще я подумал о том, что теперь мне нужно будет каждый день вызубривать наизусть не один, а целых два диктанта.

„НЕИСТРИБИМЫЙ“

Итак, мы стали заниматься. Занимались мы в любую погоду и даже в такие дни, когда с утра, как бы испытывая нашу волю, вовсю слепило солнце. В небольшой комнатке было душно, и прямо до смерти хотелось искупаться. Мою волю солнце, конечно, растопило бы в два счета, но, к счастью, рядом был Саша. А он даже выглядывать в окно не разрешал, чтобы не соблазняться видом Белогорки.

Как-то однажды, не вытерпев, я предложил заниматься по вечерам, после пяти часов. Но Саша обозвал меня «тряпкой» и сказал, что в древней Спарте таких, как я, сбрасывали с обрыва в реку. (Я бы, честно говоря, не отказался, чтобы меня в ту минуту сбросили с холма в Белогорку.) И еще он сказал, что заниматься нужно только по утрам, потому что утром голова свежая. Спорить со своим учеником я не решался.

Все кругом хвалили меня, говорили, что я «настоящий пионер», потому что жертвую своим отдыхом ради товарища. «Ой, ты прямо до ужаса благородный! Настоящий рыцарь!» — говорила Липучка, по доброте душевной забыв, как мы с Сашей совсем не по-рыцарски выставили ее из комнаты. И даже тетя Кланя однажды вынесла мне благодарность.

Вообще-то я избегал встречаться с тетей Кланей, потому что она как, бывало, увидит меня, так сразу начинает сравнивать с Маришкой, то есть с моей собственной мамой. «Да, — говорила она, — Маришка-то поздоровее была...», «Да, Маришка-то как угорелая по улицам не носилась!»

Я, конечно, понимал, что не стóю маминого мизинца, что все прекрасные мамины качества, к сожалению, не перешли ко мне по наследству... Но вот наконец я дождался похвалы и от тети Клани.

— Да, — сказала она, — Маришка тоже всегда хорошо училась. В этом ты похож на нее... («Как раз

меньше всего», — мысленно, про себя, закончил я фразу тети Клани.) Если вытянешь моего Сашку, спасибо тебе скажу. И Саша скажет.

«Кто кому должен будет сказать спасибо, это еще большой вопрос», — подумал я. Кстати, Саша был единственный, кто ни слова не говорил о моем благородстве и продолжал командовать мною так, словно учителем был не я, а он.

Занимались мы всегда часов до пяти. В это время как раз приходил Веник. Саша мазал ему живот йодом, и мы все вместе бежали к своему плоту на Белогорку. Там нас уже поджидали Липучка и старый, вечно сонный шпиц Берген.

Впрочем, наш плот был уже не плотом и не океанским пароходом, а спасательным судном и носил очень оригинальное имя — «Хузав». Название это придумал Саша; в расшифрованном виде оно обозначало: «Хватай утопающего за волосы». Мы все назывались теперь «хузавами». Слово это звучало довольно-таки необычно и было похоже на название древних ископаемых животных — всяких там ихтиозавров и бронтозавров.

Саша еще в самый первый день нашего знакомства сказал, что на плоту необязательно плыть куда-нибудь далеко, за тридевять земель, что плот может приносить пользу и здесь, в Белогорске. И вот, поскольку Белогорка была коварной рекой, мы решили на своем плоту спасать утопающих.

Но утопать, к сожалению, никто не собирался. «Дикари» (а их на пляже было столько, что и песок трудно было разглядеть), напуганные рассказами о воронках, ямах и холодных течениях, купались очень осторожно. Они, как правило, заходили в воду по пояс и начинали, радостно повизгивая, плескаться, словно сидели в корыте или в ванне.

Если же кто-нибудь все-таки доплывал до середины реки, мы тут же устремлялись на помощь. Саша с капитанского мостика приказывал мне приступать к

спасательным работам. Я спускал на воду длинный шест. Но «утопающие» вместо благодарности кричали, чтобы мы перестали хулиганить и швырять в них грязными палками.

Только один раз нам пришлось спасать по-настоящему. И то члена своего собственного экипажа рядового матроса Веника.

Веник вздумал, расхаживая на плоту, читать журнал. Он сделал пять шагов по палубе и... шагнул прямо в реку. Мы даже испугаться не успели, как увидели в реке сразу три плавающих предмета: голову Веника, белую, распластавшуюся, как блин, панаму и журнал... Была бы тут Ангелина Семеновна!..

Я слышал и даже читал где-то, что, если человека, не умеющего плавать, завезти в самое глубокое место и спихнуть в воду, он, спасая свою жизнь, обязательно поплывет. Мы были на самой середине реки, вода здесь была темная, почти черная (это указывало на большую глубину), но Веник почему-то не поплыл. Он молча цеплялся за бревна. Наш «Хузав» наклонился, котелок, в котором главный кок Липучка варила картошку, тоже полетел в воду и сразу пошел измерять глубину.

Саша спрыгнул со своего капитанского мостика.

— Котелок утонул, — зачем-то сказал я. Наверное, от растерянности.

— Жаль, что твой собственный котелок на месте остался! Не мог удержать Веника! Ведь рядом стоял...

И, пригнувшись, сложив руки над головой, Саша прямо в майке и тапочках бросился в воду. Он обхватил Веника и без всякого напряжения стал выталкивать его из воды на плот. Веник вообще был очень легкий, а в воде-то, уж наверное, совсем ничего не весил. И всё-таки он не сразу вскарабкался на плот.

— «Вокруг света»! «Вокруг света»! — умоляюще вскрикивал Веник, не желая спасаться, пока не спасут его журнал.

— Ничего, пусть поплавает вокруг света. Лезь на

палубу! — скомандовал Саша, не выпуская Веника, бережно обхватив его двумя руками, словно какую-нибудь драгоценную статую или вазу.

Я шестом подогнал «Вокруг света» к плоту и вытащил намокшие, слипшиеся в одну тяжелую массу листы.

— Очень благодарен тебе, Шура, — произнес Веник и, подталкиваемый сзади Сашей, полез на «палубу».

«Ишь ты, «очень благодарен»! — подумал я. — Даже сидя в воде, не может сказать просто «спасибо». Какая сверхвежливость!»

Я стал подгонять к плоту распластанный на воде белый блин, который еще недавно служил Венику панамой.

— Да ну ее! Не надо ее... — Веник не договорил, зубы у него вдруг застучали, а все тело покрылось гусиной кожей. Только теперь он, видно, понял, как велика была опасность, и задним числом испугался.

По Сашиному знаку мы всеми шестью руками схватили «утопленника» и подняли его в воздух. Мы действовали по всем правилам: раскачивали Веника, растирали его... Он потихоньку отбрыкивался, но и тут не терял своей вежливости: заикаясь и дрожа, он объяснял, что мы «неразумно тратим силы».

— Ой, как же «неразумно»? — воскликнула Липучка. — Мы из тебя воду выкачиваем!

— Зачем же? У меня вполне нормальное состояние, — интеллигентно возразил Веник, взлетая к капитанскому мостику.

Мы, однако, не обращали на слова «утопленника» никакого внимания.

— Все сумасшедшие говорят, что они нормальные, а больные притворяются здоровыми, — сказал я и нажал Венику на живот, чтобы выдавить из него воду.

Тут он от боли впервые потерял всю свою вежливость и крикнул:

— Сам ты сумасшедший!

Мы, пораженные такой необычной для Веника грубостью, сразу кончили «спасательные работы», положили «утопленника» на «палубу» и поздравили его со спасением. Но он несколько минут не шевелился. Кажется, именно сейчас, после наших «спасательных работ», ему нужна была настоящая медицинская помощь...

В тот же день наш плот перестал быть спасательным судном.

— Он будет пограничным сторожевым катером! Понятно? — сказал Саша. — Белогорка будет пограничной рекой, а мы с вами начнем вылавливать нарушителей.

Нужно было придумать катеру какое-нибудь боевое и оригинальное имя.

— «Ласточка»! — предложила Липучка.

— Ну да, еще воробьем назови! — усмехнулся Саша. — Или канарейкой!

— «Верный, недремлющий страж», — предложил Веник.

Но Саше и это не понравилось.

— Ты бы еще в две страницы название придумал! Надо, чтобы коротко было, в одно слово. Вот, например: «Неистребимый»!

Это имя все приняли единогласно.

Я захотел устроить ребятам сюрприз. Поздно вечером я тайком пробрался к плоту и написал углем на ящике из-под рафинада, то есть на капитанском мостике, название нашего катера. «Вот уж завтра глаза вытаращат! Вот уж удивятся!» — подумал я. И отправился спать.

Первым удивился Веник:

— Любопытно, какой это грамотей нацарапал? «Неистрибимый»! Надо же так!

— Ну, и что? — не понял я.

— Между «р» и «б» должно стоять «е», а тут — «и». Уразумел?

Да, я сразу все уразумел. И вслух предположил:

— Какой-нибудь посторонний человек написал.

Веник пожал своими плечиками:

— Загадочно! Никто из посторонних, кажется, не в курсе того, как называется наш катер.

— Подслушал — и узнал. Подумаешь, «не в курсе»! Один ты в курсе, да? — набросился я на Веника. А про себя подумал: «Какое счастье, что Саша не проверяет мои диктанты и не знает моего почерка!» И еще я подумал, что надо заниматься теперь гораздо больше. С того дня мы стали писать диктанты не только по утрам, но и по вечерам — как говорится, на сон грядущий. А по ночам мне еще чаще стали сниться хороводы орфографических ошибок и двойки с ехидными закорючками.

«Нарушителей границы» мы искали главным образом в воде. Всех незнакомых нам мальчишек мы вытаскивали из реки на свой «катер» и требовали предъявить документы. «Нарушители» были или совсем голые, или в одних трусах, и потому документов у них не оказывалось.

— Странно, странно... — говорил Саша. — Как это вы пускаетесь в плавание без документов?

«Нарушители» смотрели на нас, как на сумасшедших. И я сам, между прочим, думал, что все это — пустые игры и что из-за наших с Сашей переэкзаменовок мы так и не сможем использовать свой плот по-настоящему, для какого-нибудь важного дела.

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ...

Никогда я не забуду эту ночь.

Вечером мы с Сашей подиктовали друг другу. Я снова вслух погоревал о том, что из-за Сашиной переэкзаменовки (о своей собственной я, разумеется, только подумал) мы никак не можем использовать свой плот. Саша стал произносить всякие благород-

ные фразы, вроде того, что никто не должен страдать из-за его двойки и что мы можем плыть без него куда нам угодно. Тогда и я тоже стал бить себя кулаком в грудь: никогда, мол, не оставлял и не оставлю товарища в беде!

По ступеням застучала палка: дедушка вернулся с вечерней прогулки.

Иногда он возвращался гораздо позже, потому что его прямо на улице перехватывали и зазывали к себе пациенты: то послушать сердце, то проверить легкие, а то просто попить чайку.

Мы с Сашей простились до утра, и не подозревая, что увидимся гораздо раньше.

А ночью вдруг затрезвонил желтый ящик с ручкой на боку, похожий на кофейную мельницу. Он будил нас не впервые: дедушку и по ночам вызывали в больницу или, как он говорил, «на трудные случаи».

Дедушка всегда полушепотом отвечал в трубку:

— Еду. Ну, какой может быть разговор!

На самом деле ему приходилось не ехать, а идти, потому что машины у него не было. Ботинки дедушка в таких случаях натягивал в последнюю очередь и уже за дверью, а палка его не пересчитывала ступени. Неужели он думал, что я сплю и ничего не слышу?

На этот раз дедушка долго не отходил от желтого ящика.

— Так-с... Прескверное положение, — тихо говорил он в трубку. — До Хвостика я буду часа полтора добираться. Это если в обход, по дороге... Да что вы! Откуда сейчас машина? По реке, правда, куда быстрее... Да нет у меня персонального парохода. Вообразите, нету.

Я так стремительно вскочил со своей раскладушки, что средние ножки ее подвернулись, потянули к себе остальные две пары ножек — и раскладушка сама собой стала складываться.

— Есть пароход! Есть, дедушка! Есть!.. — завопил я.

От неожиданности дедушка выронил трубку, она заболталась на шнуре, заколотилась об стенку.

— О чем ты? Какой пароход? — шепотом, словно все еще боясь разбудить меня, спросил дедушка.

— Наш пароход! Наш катер «Неистребимый!»

Дедушка повернулся и стал шарить руками по стене, искать трубку. Наконец нашел ее и прошептал:

— Подождите минутку. Я тут улажу семейные дела... — Он зажал трубку ладонью и обратился ко мне: — Переутомился ты, что ли? Перезанимался с Сашей? Или, может быть, на солнце перегрелся?

— Я не перегрелся, дедушка. У нас есть пароход. Честное слово, есть!

— Пароход? Вообразите, какую чепуху мелет! — Как всегда в минуты волнения, дедушка обращался к кому-то третьему, как бы незримо присутствующему в комнате. — Какие судовладельцы нашлись!

— Ну, в общем, это мы его так называем... пароходом. А на самом деле это плот. Мы сами построили, честное слово!

— Ах, плот? Так бы сразу и сказал. — Дедушка разжал руку и склонился над трубкой. — Здесь как будто намечается выход. Я приеду... Ну, какой может быть разговор!

Мне очень хотелось самому, без всякой посторонней помощи, перевезти дедушку в заречную часть города, называемую Хвостиком. Это был бы подвиг! О нем могли бы написать в газете, о нем узнали бы все! И тетя Кланя узнала бы. И тогда, может быть, она признала бы наконец, что я достойный сын своей мамы. Но тут же я подумал, что Саша, наверное, никогда бы не уплыл без меня.

— Поскорей, — предупредил дедушка. — Дорога́ каждая минута. Я пока буду спускаться к реке. А то ведь мы с ней медленно ходим. — Он погладил похожую на крендель ручку своей самодельной палки. — Догоняйте меня!

Я уже был внизу, когда дедушка стуком палки остановил меня.

— Поосторожней! — крикнул он, прикрывая рот ладонью. — Клавдия Архиповна под кроватью топор для воров держит!

Я не боялся топора тети Клани, потому что хорошо знал, возле какого окна стоит Сашина кровать.

Прежде чем забраться на подоконник, я секунду поразмыслил: «Как разбудить Сашу, чтобы он не испугался и не закричал со сна? Может быть, сперва зажать ему рот? Хотя Саша не закричит, он ведь не какой-нибудь Веник».

Я смело вскарабкался на подоконник и увидел, что Саша не спит: он приподнялся на локте и чуть-чуть наклонил голову, к чему-то прислушиваясь.

Не успел я вслух удивиться, как Саша преспокойным шепотом спросил:

— Что там случилось?

— Ты всю ночь не спишь, что ли? — спросил я.

— Да нет, просто услышал, как ты соскочил с крыльца. У дедушки Антона совсем не такие шаги. Что случилось?

— Очень важное дело! Понимаешь, заболел один человек. Очень тяжело... На Хвостике. Мы должны перевезти дедушку. На плоту!.. Пешком идти очень долго. У него еще и ноги болят... А по реке же в три раза быстрее!

Пока я все это объяснял, Саша натянул майку, тапочки и оказался рядом со мной на подоконнике.

Дедушку мы догнали на полдороге. Он шел не своей обычной неторопливой походкой, какой ходят во время прогулок, а быстрыми и резкими шагами. Спина его все время напряженно вздрагивала: нелегко доставался ему каждый быстрый шаг.

Дедушка бормотал себе под нос:

— Ведь предупреждал, кажется... Сколько раз предупреждал! Как маленький!.. Как ребенок... Со смертью играет. Так-с...

«Кого это он пробирает?» — не понял я.

Мы прошли мимо зеленого шалаша. Но старый шпиц Берген даже не тявкнул.

— Часовой! — усмехнулся Саша. — Бдительный страж! Дрыхнет себе, как медведь в берлоге.

Подгонять плот к самому берегу не было времени. Дедушка, не раздумывая, присел на камень, скинул ботинки, носки, засучил брюки. Затем он взял в каждую руку по башмаку, палку засунул под мышку и смело пошел по воде. Мы с Сашей торопливо зашлепали сзади. На плот дедушка тоже взобрался легко — по крайней мере, быстрей, чем взбирался Веник.

Мы усадили дедушку на маленький ящичек, на котором обычно сидела Липучка, когда разжигала костер, варила суп или картошку. Я вытащил из воды якорь, и мы с Сашей изо всех сил приналегли сразу на два шеста. «Неистребимый» рванулся с места.

Посреди реки пролегла золотая, словно песчаная, дорожка — это луна освещала наш путь. Берега, которые днем были такими веселыми, зелеными от травы и пестрыми от цветов, сейчас казались мрачно насупившимися. И такой же мрачной, таинственной громадой возвышался наш холм. Казалось, что какое-то гигантское чудовище разлеглось на берегу и подняло вверх свою острую морду. Как два глаза, светились где-то высоко два окна.

— Наверное, там больные, — сказал я. Мне всегда казалось, что за окнами, не гаснущими в ночи, мучаются больные люди.

Дедушка сидел ссутулившись, опершись на палку. Карманы брюк и пиджака топорщились от разных пузырьков и инструментов. Немного в стороне, нос к носу, стояли ботинки. Услышав мои слова, дедушка очнулся, приподнял голову.

— Нет, это не больные, — сказал он. — Справа — отделение милиции, а слева... Не знаю... может, кто-нибудь к экзаменам в институт готовится.

«Или к переэкзаменовке зубрит», — тут же поду-

мал я. Мне показалось, что и Саша подумал то же самое. Спорить с дедушкой было смешно: он ведь знал всех больных в городе.

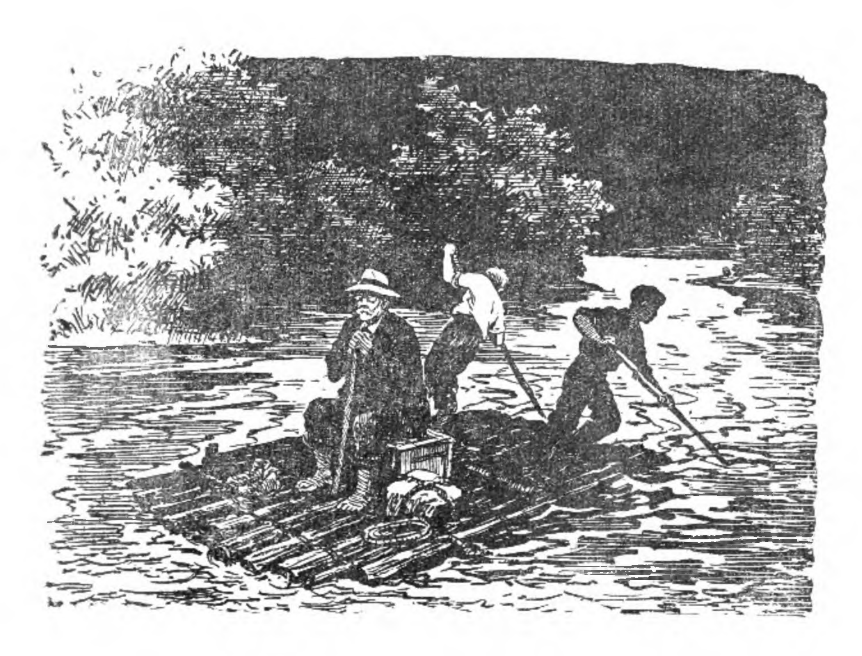
Окраина, именуемая Хвостиком, спала мертвым сном: ни шороха, ни звука, ни скрипа. На всем берегу светилось одно-единственное окно.

— Там он лежит, — уверенно сказал дедушка. Поднялся и указал палкой на немигающий и вроде бы зовущий нас огонек.

В пути, работая шестом, я фантазировал, будто золотистая дорожка посреди реки проложена кем-то специально от города до Хвостика. Но она не сворачивала к нему, а, дрожа и переливаясь, убегала вперед, куда-то далеко-далеко...

Я бросил якорь, и мы во главе с дедушкой зашлепали к берегу.

Тут я понял, что ночью по огонькам никак нельзя определить расстояние. Издали казалось, что огонек на берегу. Но в действительности он светился на са-



мом конце Хвостика. «А вообще-то, какая хорошая, добрая вещь — эти ночные огоньки! — подумал я. — Они ведь, наверное, так облегчают дальний путь: все время чудится, что цель уже близка, и шагать веселее».

Возле маленького одноэтажного домика, остроконечной крышей своей напоминавшего часовенку, нас поджидал невысокий, очень широкоплечий мужчина в белой рубахе, которая, кажется, не сходилась у него на груди. Лица я в темноте не разглядел.

— А-а, приехали!.. Приехали!.. — взволнованно забасил мужчина. Голос у него прерывался, и мне было странно, что такой здоровяк может так волноваться. — С братом у меня плохо... Очень плохо, доктор,— сказал мужчина. — Вы ведь его как-то смотрели...

— Да, очень внимательно изучал вашего братца. И даже прописывал ему кое-что. Да, вообразите, прописывал! Но он-то, наверное, рецепты мои по ветру развеял: не верит ведь в медицину. А? Ведь не верит? — Дедушка говорил с успокоительной шутливостью в голосе. Он как будто даже не спешил в комнату к больному, давая этим понять, что не ждет ничего угрожающего.

И это подействовало на мужчину. Голос его перестал дрожать.

— Как же вы добрались? Жинка встречать вас пошла на дорогу. Неужели проглядела?

— Вообразите, я сам виноват, — развел руками дедушка. — Сказал — приеду, а на чем именно, спросонья не сообщил. Ребята вот на плоту меня доставили.

Мужчина хотел в знак благодарности пожать ему руку, но обе руки у дедушки были заняты ботинками. Он так и вошел в комнату, держа их впереди себя. Это было смешно, необычно и как-то сразу подняло настроение.

Мы с Сашей тоже вошли в домик — и я замер на пороге. У стены на узкой кровати, не умещаясь на ней

(одно плечо было на весу), лежал Андрей Никитич. Лицо у него было серое, с каким-то синеватым оттенком, как тогда, в поезде, хотя здесь и не было синей лампы. Так вот как он близко от нас! Совсем близко...

— Андрей Никитич! — не удержавшись, вполголоса сказал я.

Андрей Никитич не услышал меня. Но дедушка быстро обернулся. Лицо у него было уже не спокойное, а сердитое, сосредоточенное.

— На улице подождите, молодые люди, — сказал он так, будто не знал наших имен и вообще был незнаком с нами.

Потом он поставил свои башмаки возле кровати, словно они принадлежали тому, кто лежал на ней. И, как будто желая поздороваться с Андреем Никитичем, взял его за руку. Но не поздоровался, а, весь обратившись в слух и шевеля губами, стал считать пульс.

Мы с Сашей вышли на улицу. Дедушка в ту ночь казался нам самым могучим человеком на земле, от которого зависели жизнь и смерть, горе и радость.

Мы так боялись помешать дедушке, с таким нетерпением ждали его выхода, что Саша даже не поинтересовался, кто такой Андрей Никитич и откуда я его знаю. А я сам не стал об этом рассказывать.

Я вспомнил, как Андрей Никитич, стоя у открытого окна в коридоре вагона, сказал: «Врачи советуют лечиться, в санаторий ехать. А я на охоту да на рыбалку больше надеюсь. Вот и еду... Если не вылечусь, перечеркнут мои боевые погоны серебряной лычкой — и в отставку. А не хочется мне, Сашенька, в отставку, очень не хочется...» Я вспомнил эти слова Андрея Никитича очень точно, и голос его вспомнил, и тяжелую, задумчивую походку...

«Почему же вы не поверили врачам, Андрей Никитич? Почему?» — подумал я.

Когда волнуешься или чего-нибудь ждешь, время

тянется очень медленно, потому что думаешь все время об одном, не отвлекаешься, ничего кругом не замечаешь — и каждая секунда на виду.

Дедушка вышел на улицу тихо, все так же держа в руках свои ботинки. Тихо вышел из комнаты и брат Андрея Никитича.

В ту же минуту откуда-то из темноты появилась женщина в сарафане и с растрепанными волосами, которые в беспорядке падали ей на плечи.

— Ну, как он? Как он? — не то заговорила, не то зарыдала она. — А я стою на дороге, стою... Все глаза проглядела. Ну, как он, доктор?

Дедушка опять спокойно и даже чуть-чуть насмешливо ответил:

— С лежачим-то с ним легче будет. Теперь уж он обязан подчиняться. А то ведь не сладишь с ним! Артиллерия, говорит, медицине не подвластна... — Внезапно дедушкин голос изменился — стал натянутым, сухим: — А могло быть худо. Совсем худо. Если бы вот не их плот!

Дедушка кивнул в нашу сторону.

НЕОЖИДАННЫЙ ЭКЗАМЕН

В конце концов Веник все-таки засыпался. Однажды Ангелина Семеновна, обеспокоенная его долгим отсутствием, совершила налет на поликлинику и все узнала. Она выяснила, что Веник уколов не делал и что сейчас их делать уже поздно, потому что если собака была бешеная, так и Веник в ближайшие дни непременно должен взбеситься.

Ангелина Семеновна уложила Веника в постель, хотя никто ей этого не советовал. Она не выпускала его из дому, чтобы он опять не попал под влияние «подозрительной компании» — так она называла Сашу, Липучку и меня.

Считая первым и самым главным признаком бе-

шенства водобоязнь, Ангелина Семеновна заставляла Веника выпивать в день по десять стаканов чая и съедать по три тарелки супа, а когда он отказывался, она начинала ломать руки и кричать:

— Скажи мне правду, Веник! Скажи маме правду! Тебе страшно смотреть на суп, да? Страшно? А что ты испытываешь, когда я наливаю тебе чай?

— Меня тошнит, — отвечал Веник.

— Ну вот! Конечно! Все признаки налицо! — восклицала Ангелина Семеновна.

А Веника тошнило просто потому, что она сыпала в чай слишком много сахара: по ее сведениям, это обостряло умственную деятельность.

Но Веник уже не мог без нас. И вот, когда дней через десять дедушка впервые разрешил нам навестить Андрея Никитича, Веник удрал из дому, прибежал на берег Белогорки и отплыл вместе с нами на борту «Неистребимого».

На этот раз мы плыли к Хвостику утром. И снова посреди реки была золотистая, словно песчаная, дорожка, но только не лунная, а солнечная. И снова она никуда не сворачивала, а бежала себе все прямо и прямо, далеко-далеко...

Красота летнего утра настроила Липучку на поэтический лад, и она стала требовать, чтобы я прочитал свои новые стихи, которые были в той самой тетрадке под столом. Я отбивался как мог, говорил, что стихи еще не закончены. Меня поддержал Веник. Он авторитетно заявил, что поэты никогда не читают «недоработанных произведений». И тогда Липучка отстала.

Андрея Никитича мы нашли не сразу. Днем все до́ма были похожи друг на друга, а огонька, который тогда, ночью, звал нас и указывал путь, сейчас уже не было.

Нам помог Саша. Он вспомнил, что в ту ночь сильно ушиб ногу, наткнувшись на бревна, сложенные возле самого дома Андрея Никитича. Сгоряча он даже не почувствовал боли, а потом палец у него покраснел,

вздулся. Саша и сейчас еще слегка прихрамывал. Мы разыскали бревна и квадратный домик, похожий на часовенку.

Андрей Никитич был один: «женщина с растрепанными волосами», которая, оказывается, была женой его брата, как раз недавно ушла на базар.

Андрей Никитич нам очень обрадовался. Но дедушка предупредил нас, что больному нельзя много разговаривать, и потому мы все кричали в четыре голоса: «Не разговаривайте, Андрей Никитич! Не разговаривайте! Мы вас не слушаем, не слушаем!..» И затыкали уши. В конце концов он смирился и сказал:

— Хорошо, давайте будем смотреть друг на друга.

И мы стали смотреть: он на нас, а мы на него.

Дедушка говорил, что он лучше всего определяет самочувствие больных по глазам.

У Андрея Никитича глаза были живые, лукавые — значит, дело шло на поправку.

Мы помолчали минут пять. Потом Андрей Никитич, как ученик в классе, поднял руку и глазами дал понять, что просит слова.

— Говорите! — разрешил Саша таким тоном, каким он командовал нами с капитанского мостика.

— У меня вот просьба есть к Саше, — робко проговорил Андрей Никитич.

— Ко мне? Понятно. — Саша поближе подошел к кровати.

— Да нет, не к тебе.

— А меня, Андрей Никитич, тут в Шуру переименовали, — сообщил я.

— Переименовали? Кто же, интересно?

Я кивнул на Сашу.

— А почему ты его самого не переименовал?

Я неопределенно пожал плечами:

— Да не знаю... Он сказал мне: «Будешь два месяца Шурой». И я послушался.

— Послушался? — Андрей Никитич с уважением взглянул на Сашу. — Люблю мальчишек, которых слушаются. А просьба у меня все-таки к бывшему Саше, то есть к теперешнему Шуре.

Андрей Никитич сказал это таким тоном, что наш воспитанный Веник сразу все понял.

— Саша, Липучка! — сказал он. — Пойдемте подышим свежим воздухом.

— Нашел работу! Свежим воздухом дышать! — усмехнулся Саша. — Давайте уж лучше воды натаскаем. Я заметил в сенях пустые ведра.

Ребята зазвенели ведрами. А у меня, наверное, был до глупого гордый вид: сам подполковник-артиллерист с просьбой обращается! Но что же это за просьба такая?

— Просьба ерундовая. Пустяк, — сказал Андрей Никитич. — Письмо надо домой написать. А дедушка твой писать запрещает. Так я продиктую тебе. Идет?

Мне показалось, что из двери, которую ребята оставили открытой, сильно дует и вообще в комнате холодно.

Но Андрей Никитич был все-таки очень хорошим

человеком: письмо он продиктовал короткое, и слова в письме были не такие уж трудные. Я сейчас точно не помню, о чем именно было письмо. Очень волновался, когда писал, потому и не запомнил. На содержание я не обращал никакого внимания, а на одни лишь безударные гласные.

И еще хорошо помню, что были в письме такие фразы: «Доктор говорит, что теперь у меня один маршрут — в санаторий... Меня навещает один мальчик, который приехал к своему дедушке, и его товарищи...»

Слова «маршрут» и «к дедушке» Андрей Никитич, конечно же, вставил нарочно. И я написал эти слова так четко, так ясно, как только мог — чуть ли не печатными буквами! В общем, устроил мне Андрей Никитич предварительный экзамен!

— Спасибо, — сказал он. — Теперь положи в конверт и наклей марку. Я тебе адрес продиктую. И на обратном пути опустишь. Идет?

— Как? Прямо в конверт? — растерянно пролепетал я. И стал быстро соображать: что лучше — чтобы Андрей Никитич проверил сейчас письмо или чтобы не проверял?

А он, словно и не подозревая о моих муках и сомнениях, сказал:

— Конверты в левом ящике стола. А клей на окне, в бутылочке.

И тут мне смертельно, «до ужаса», как говорит Липучка, захотелось узнать, сколько я сделал ошибок. Помогли мне хоть немножко занятия с Сашей или нет?

— Вы, Андрей Никитич, лучше проверьте. Может, я напутал что-нибудь... Или пропустил. По рассеянности...

— У тебя уже есть рассеянность? — удивился Андрей Никитич. — Это же старческая болезнь. Ну ладно. Если просишь, прочту.

Он взял листок из моих дрожащих, перепачканных чернилами рук. Сперва все шло хорошо. Андрей Никитич спокойно водил глазами по строчкам. Но вдруг он сказал:

— Дай-ка сюда перо.

«Так! Первая есть!» — подумал я и заложил один палец на правой руке. Еще мне пришлось заложить три пальца. Значит, я все-таки кое-чего добился: ведь раньше, когда я начинал считать свои ошибки, мне не хватало пальцев не только на руках, но даже на ногах.

— Выручил ты меня. Спасибо, — сказал Андрей Никитич. — Теперь сам еще раз прочти. Не очень ли я родных разволновал?

«Все понятно! Хочет, чтобы я на свои ошибки обратил внимание», — догадался я. И прямо впился глазами в злосчастные слова, исправленные Андреем Никитичем. А потом, дома, я раз десять переписал эти слова в тетрадку.

Ребят притащила в комнату «женщина с растрепанными волосами». В это утро волосы ее были аккуратнейшим образом скручены в косу, но прозвище так за ней и осталось. Значит, это верно говорят, что первое впечатление — самое сильное.

«Женщина с растрепанными волосами» долго благодарила нас, называла хорошими ребятами, очень сознательными и добрыми — в общем, говорила такие вещи, которые мне почему-то всегда бывает стыдно слушать. Потом она взглянула на часы и извиняющимся голосом сказала:

— Андрею Никитичу, понимаете ли, спать нужно...

— Что я, дошкольник, что ли? Днем спать! — пытался заспорить Андрей Никитич.

Но женщина сердито тряхнула косой, и он сразу стал прощаться с нами:

— Приходите, ребята, почаще. И ты, Веник, приходи. В шахматы с тобой сыграем. В поезде-то не успели. И маме привет передай.

Веник был просто счастлив, что Андрей Никитич забыл все вагонные споры и так хорошо сказал о его маме. До самого берега наш солидный Веник бежал вприпрыжку.

На обратном пути Липучка опять пристала ко мне со стихами. А Веник стал еще горячее защищать меня: у него было хорошее настроение. Он сказал, что я в Москве «обобщу все свои впечатления» и напишу «цикл белогорских стихов». И еще он сказал, что в творчестве Пушкина был период болдинской осени, а в моем будет период белогорского лета. Эта мысль мне очень понравилась.

— Верно! Я все обобщу и пришлю из Москвы, — пообещал я Липучке.

Но, когда мы подплыли к Белогорску, настроение у Веника сразу испортилось: на берегу, возле нашего шалаша, стояла Ангелина Семеновна!

— Дрейфовать здесь, к берегу не подходить! — с капитанского мостика приказал Саша.

Веник безнадежно покачал головой:

— Вы не знаете мою маму. Она не уйдет отсюда до следующего утра. Она не простит мне этого побега!

Но Веник ошибся. С берега вдруг поплыли самые ласковые и нежные звуки.

— Веничка, милый мой мальчик! — кричала Ангелина Семеновна. — Оглядись по сторонам!

Веник огляделся.

— Тебе не страшно? Ты не боишься?

— Боюсь... тебя! — крикнул Веник.

— Меня? Свою маму? Глупый ребенок! А воды... воды ты не боишься?

— Не боюсь!

— Честное пионерское?

— Честное пионерское!

— Значит, ты здоров? Совсем здоров?!

Нам ничто не грозило, и Саша приказал пришвартовываться.

Как только мы вылезли на берег, из шалаша с лаем выскочил, видно, хорошо отоспавшийся и потому, как никогда, бодрый шпиц Берген.

— Милая собачка! — сказала Ангелина Семеновна. Она с нежностью гладила Бергена, словно благодарила его за то, что он оказался не бешеным, а самым нормальным псом.

Потом она стала так же нежно и даже еще нежнее гладить своего Веника. Она смотрела на него так, будто он долго-долго не был дома и вот только что, минуту назад, сошел с поезда или с парохода.

— Как ты загорел за эти месяцы! — говорила Ангелина Семеновна, прямо-таки с любопытством разглядывая сына. — Как у тебя мордочка округлилась!

— Мама, при чем тут мордочка? — вдруг осмелев, сказал Веник. — Я же все-таки не шпиц Берген!

— Не сердись на маму. Ты очень хорошо выглядишь. И это, естественно, радует ее!

В самые трогательные минуты Ангелина Семеновна начинала говорить о себе в третьем лице. Я это еще в поезде заметил.

— Да, ты очень поправился. И как-то возмужал, окреп! И Саша тоже... — Ангелина Семеновна впервые ласково взглянула на меня. — В Москве вас просто не узна́ют!

А мне вдруг стало грустно. Слова Ангелины Семеновны напомнили мне о том, что дни стали уже заметно короче, что лето подходит к концу и что скоро мне придется прощаться с Сашей, с дедушкой, с Липучкой... И с этим плотом, качающимся на легких речных волнах, и с этим зеленым холмом... Я вдруг наклонился и поцеловал Бергена в мокрый шершавый нос.

ДВА ПИСЬМА

«Здравствуй, Шура!

Только что я вернулся из школы. Сдавал переэкзаменовку. В классе проверять работы не полагается, но я упросил Нину Петровну. И она проверила. Ясное дело, есть ошибки. Но мало. И Нина Петровна поставила мне четверку.

Мне бы не видать этой четверки, как ушей своих, если бы не ты, Шура. Спасибо тебе! Приезжай в будущем году обязательно. Построим новый плот и уйдем в далекое плавание. Понятно? Саша».

«Дорогой Саша! Мне стыдно писать это письмо. Но я все должен рассказать тебе. Всю правду! У меня ведь тоже была переэкзаменовка по русскому языку. Только я постеснялся сказать об этом. Ты вот не постеснялся, а я постеснялся...

И еще я про стихи наврал. Мало ли на свете Сашек Петровых! Вот какой-то из них и пишет стихи, а вовсе не я. Да ведь я теперь и не Саша вовсе, а Шура. Дома меня тоже так будут называть, потому что мама вдруг открыла, что я приехал из Белогорска «совсем другим человеком». Не очень-то понимаю, что она этим хочет сказать...

Сегодня я сдавал переэкзаменовку. Получил всего тройку. А ты четверку? Но ничего! Ведь часто так пишут: «Ученик превзошел своего учителя!..»

* * *

История эта случилась два года назад. Я сразу хотел записать ее. Но не решился: боялся насажать много ошибок. А сейчас вот записал.

Ни одной переэкзаменовки у меня больше не было. И у Саши тоже. Он, между прочим, этой зимой, на каникулах, приезжал к нам в гости, в Москву. А я теперь каждое лето езжу только в Белогорск.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге издательство просит присылать по адресу: Москва, Д-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

ДЛЯ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Алексин Анатолий Георгиевич

ГОВОРИТ СЕДЬМОЙ ЭТАЖ

Ответственный редактор
О. И Романченко

Художественный редактор
Л. Д. Бирюков

Технический редактор
Р. Г. Грачева

Корректора
К. П. Тягельская и *М. Б. Шварц*

Сдано в набор 23/V 1959 г. Подписано к печати 20/VII 1959 г. Формат 60 X 92$^{1}/_{16}$ — 19 печ. л. (14,22 уч.-изд. л.). Тираж 115 000 экз.
Цена 6 руб.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 2097.

Цена 6 руб.